

ПИОНЕР 8

1988

ISSN 0130-8009

Узел СВЯЗИ

НАЧНИ СО ВТОРНИКА

Хорошо ли это — когда человек сам себя ругает? Пишет сам на себя в редакцию жалобу? И, казалось бы, за что! Дело-то неувидительное:

«...Помогите, я себя не уважаю,— прочитали мы в письме из города Находка.— Мне нравится ничего целыми днями не делать. Строить планы, лежа на диване,— это же отчаяние возьмет. Когда же начинать новую жизнь? Лежу, перечисляю: то не сделала, и это... Отец с мамой просто плачут. Даже телик иногда лень включить, не то что мыть посуду или выйти погулять. До чего же я дошла! Думаете, мне легко? Легко себя ругать все время?..»

В скором времени шестиклассница Ира П.»

Значит, трудная жизнь получается? Хоть, кажется, что может быть легче!

Да не совсем так. Не так уж и легко проводить лежа целые дни. Хотите в этом убедиться? Мы знаем человека, который провел целый год в лежачем состоянии. Трудно себе представить, как можно пролежать целый день. А тут — целый год! Человек этот — Копанев Сергей Васильевич — научный сотрудник Института медико-биологических проблем Минздрава СССР. И мы попросили его ответить на такой вопрос: «Трудно ли лежать целый год?»

— **ТРУДНО ЛИ?** Еще как трудно. Представляете, почти 370 дней постельного режима. Как будто сломал ногу и лежишь в больнице, а нога все не заживает. Встать нельзя, не говоря о том, что нельзя никуда пойти. Где-то за окном ходят люди, куда-то спешат, торопятся по своим делам. Дышат воздухом. А ты лежишь, и развлечение — телевизор. Иногда, как у вашей читательницы. Но мы лежа не бездельничали. Вам трудно поверить? Сейчас расскажу. Вели обычную жизнь, только лежа: беседовали, спорили, читали книги. Проводили различные тесты: на сообразительность, на эмоциональное состояние. Я успел закончить диссертацию. Ведь если не работают мышцы, должен работать мозг. Иначе ты начнешь напоминать бревно. Так что времени даром не теряли. Порой еще и не хватало, хотелось еще больше успеть. Но эксперимент есть эксперимент. Тяжелее было потом, когда нужно было вставать. А встать сами и не можем. Ни руки, ни ноги не слушаются, совсем обленились. Не так легко в норму прийти...

И с вашей Ирой П. такое может случиться — в одно прекрасное утро не сумеет слезть с дивана!

Что нас с ней роднит — это то, что мы оба добровольцы в лежачем эксперименте. Только цели у нас разные. У меня — помочь науке выявить биологические возможности человека. Есть ли цель у моей «коллеги»? Ах, да, есть — сколько времени человек может выдержать совсем себя не уважать. Серьезный эксперимент!

...И тогда мы совсем расстроили Сергея Васильевича, признавшись, что письмо от Иры из Находки не единственное. Эксперимент продолжается. «Я человек понедельника,— пишет нам, например Андрей Д., москвич.— Все откладываю. Вот с понедельника начну! Но проходит понедельник, и еще один. Все остается по-прежнему...»

— Что же им всем посоветовать?

— Ну уж если совсем нет выхода, мог бы посоветовать, например, изучить язык бенгали, вычертить диаграмму дневного полета мухи, сыграть партию в шахматы с Каспаровым: и за себя и за Каспарова... И шут с ним в конце концов с понедельником. Новую жизнь никогда не поздно начать со вторника!

По «Узлу связи»
дежурила С. Мишустина.

Таня Смелая и Алеша Пряников — одноклассники. С ними уже происходило немало удивительных историй, и вот — новая...

Из пионерского лагеря «Рассветный» к Тане и Алеше приезжает их подруга Марина. В лагере не могут заметить отсутствия Марины, так как ее сестра Ирина — как две капли воды на нее похожа и с помощью переодевания, когда это надо, легко превращается в Марину.

Марина рассказывает ребятам, что в лагере происходят странные, прямо-таки сногсшибательные вещи, которые не поддаются объяснению. Куда-то исчезли все зеркала и зеркальца. Девочки в смятении — невозможно даже толком причесаться, не говоря уж о «наведении красоты». Марина предлагает известным своей смекалкой Тане и Алеше отправиться на несколько дней в «Рассветный», чтобы на месте решить загадку исчезнувших зеркал.

Ребята берут с собой ДТ (Детектива) — так во дворе зовут мальчишку, который подражает великим сыщикам и таким образом сумел даже приобрести некоторый опыт расследования.

Сложными путями ребята отпрашиваются у родителей. Но вот все препятствия позади, и друзья наконец приезжают в «Рассветный».

Таня, Алеша и ДТ выдают себя за внуков профессора Чуркина, заколоченная дача которого имеет с «Рассветным» общий забор.

Ребята располагаются на открытой террасе. Теперь под видом профессорских внуков они свободно могут разгуливать по территории пионерлагеря. Расследование начинается...

В поведении одного из пионеров ДТ обнаруживает некоторую странность и решает за ним последить. И вот ранним утром, когда даже солнце еще не встало...

Сергей ИВАНОВ

ТАНЯ СМЕЛАЯ АЛЕША ПРЯНИКОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЗЕРКАЛА»

Окончание. Начало в № 7.

Рисунки А. ОСТРОМЕНСКОГО.

ДТ вылез из-под одеяла, стал надевать кроссовки. Сразу утренняя дрожь охватила его, и ДТ никак не мог попасть оборванным пушистым кончиком шнурка в нужную дырку. От этого он стал нервничать — ведь необходимо было торопиться. И волнением своим согрелся... Даже малость припотел.

А тут и с кроссовками наконец сладил. Посмотрел на часы. Да нет же, еще была дикая рань, не мог Истратов подняться. Хотя ни одно дерево уже не спало, и если приглядеться, то можно было заметить, что они настроили свои листья на то место, откуда сейчас — из-под других деревьев — должно было появиться солнце.

А трава еще спала, еще храпела. И крупная

роса, по которой сейчас предстояло идти ДТ, висела на этой траве, как на неживой проволоке...

И неожиданно ДТ подумал, что правы были те ребята, которых он подслушал на речке, что очень это хорошо — просыпаться ранним утром. И потом идти куда-нибудь... И ДТ иной раз ведь тоже просыпался! Только ему всегда было некогда, всегда надо было отправляться «на дело»...

Между прочим, он и сейчас не думал как следует, он торопился, торопливо застегивал куртку на все пуговицы, потому что сидеть придется долго и холодно, и закатывал джинсы, чтобы хотя бы их не измочить по росе. А потом, уже в засаде, откатать обратно: у неопытного подглядывальщика были бы сырые штанины, а у него сухонькие!

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва, 1988

● Издательство «Правда»

Эта мысль пощекоталась у ДТ где-то внутри и разбудила его гордость собой. И он вспомнил — так сказать, уж заодно, — что, проснувшись, сразу, ни единой секунды не затратя, знал, где находится и что должен делать... У Тани и Алешки, конечно, не было такой закалки. Куда там!

Таня — это сразу было понятно — всю смотрела сны. Нерасплетенные косы ее раскинулись в разные стороны и концами свешивались с рюкзака.

И ДТ подумал, что Таня вообще довольно редкая девчонка — не только, что она умеет Алешкой командовать, но вот и с косами ходит. Теперь ведь чуть не все обязательно зачем-то стригутся с первого класса.

Но что же в ней такого редкого и почему? И как это угадать? ДТ стал вглядываться в Танино спящее лицо... Неожиданно ему неловко стало: девчонка спит, а он на нее смотрит!

Алешка спал по-другому. Он как будто бы и вообще не спал. Он как будто лег подумать, руки заложил за голову и глаза прикрыл на минутку. И само лицо у него было не спящее, а такое, словно бы Алешка кого-то хотел малость обдурить... ДТ даже повнимательней решил приглядеться: спит ли он на самом деле?

Из-за этого разглядывания да из-за этой травы, похожей на проволоку, ДТ чуть не опоздал. Побежал, уже не думая о росе, скорей к заповедной дырке... Так получилось странно, что он вылезал из той дырки совершенно одновременно с Истратовым, который вылезал из окна... Редкая случайность, подумал он быстро. Хотя частых случайностей, наверное, вообще не бывает.

Да, вот так: один вылезал оттуда, другой — отсюда. Только ДТ Истратова видел, а Истратов его нет.

Истратов прыгнул в траву, замер, огляделся... Но тоже ни малейшего внимания не обратил на чудо спящего утра. И у ДТ сердце вдруг замерло, он подумал: «Неужели и я такой?.. Не хочу таким быть!»

Лагерь доверчиво спал, а по нему крался Истратов, и за Истратовым крался ДТ... Недаром говорят, что настоящие злодеи идут на преступление не в полночь, как любят писать разные писатели, а именно утром, когда сон особенно крепок и люди особенно беззащитны.

Далеко Истратов не пошел. Он остановился около... пожарной бочки. В каждом лагере, перед каждым отрядным домиком стоят такие: обычная железная бочка, выкрашенная в красный цвет, а внутри вода.

Чего из такой бочки можно потушить — это, конечно, неизвестно. Может быть, коробок спичек? Но факт, что они стоят, пожарным душу согревают.

И вот Истратов что-то сделал — ДТ не успел рассмотреть, но в руках у него появилась, блеснула в лучах наконец-то взошедшего солнца... леска! Да, это была рыболовная леска. И там, в бочке, на этой леске у Истратова что-то сидело. Но что? Оружие? Золото? Связка с зеркалами?

Осторожно Истратов вынул какой-то сверток, укутанный в полиэтилен...

Так, сперва камень — ну это понятно, это грузило, потом... ДТ буквально глазам своим не поверил! Истратов вынул коробку конфет — «Вечерний звон», что ли? А может, еще какие-то. В общем, то, что называют шоколадный набор.

ДТ не очень хорошо видел, но все же конфет было в коробке не меньше половины. Истратов

принялся их есть! Брал по две, по три и быстро, сильно жевал — так голодные люди в кинофильмах жуют черствый хлеб...

И еще он озирался: не наблюдает ли за ним кто. И был он в этот момент как-то особенно противен, может быть, потому, что голову из плеч не вынимал и крутил ею просто как шаром.

Не переставая жевать, Истратов проверил содержимое своего свертка. Там был еще какой-то кулек — тоже, по хрусту, с конфетами — и плитка шоколада... Вот, значит, в чем его жадность, в еде!

Как же это я сразу не догадался, думал ДТ, если такие худые и с такими шеями тоненькими, то это значит жадные в еде!

И всё же он не мог понять, чего уж так Истратову надо было прятаться, с такими дикими предосторожностями.

А дело, оказывается, в том, что у «Рассветного» испокон веку существовала традиция — заводить в отрядах так называемые «сладкие мешки». Кому чего из дому прислали — яблок, печенья или вот конфет, все тащи в «сладкий», а проще говоря, в общий котел. И ты мог быть каким угодно хулиганом, но только не такая подлость, не это крохоборство, чтобы от ребят утаить жевательную резинку или шоколадку.

Это все объяснили приезжим детективам Ирина-Марина, которым детективы объяснили про Истратова... А тем более позор был в том, что он ведь взрослый парень, из второго отряда! Сестры рвались в бой буквально как две тигрицы. И не для того, чтобы наябедничать, посмотреть, как человек мучается позором, а просто пусть народ знает, какой паразит живет рядом. Он ведь уже не первый год в «Рассветном», и такой якобы принципиальный, такой вечно гордый до ужаса...

Сестры все это выпалили, как из пулемета, и даже еще быстрее, чтобы не терять времени даром и заняться благородной местью. Но вдруг Алешка сказал:

— Что ж, человек нам попался неплохой... В смысле жирная рыбешка!

— А?! — Сестры повернули к нему свои серо-зеленые квадратные от удивления глаза.

— Мне нужны бумага и ручка, — сказал Алешка очень спокойно. Стало ясно: он опять что-то придумал несусветно хитрое.

Алешка и действительно придумал. Ему делать ничего другого не оставалось, как только придумать это. Потому что сегодня утром, когда они с Таней остались одни (ДТ, как мы знаем, следил за Истратовым), Алешка стал осторожно катать под Таню шары, что, мол, зря только здесь просидим, ничего не добьемся... Может, говорил он это слишком уж скучным голосом — Таня его даже дослушивать не стала. А может, потому у него и получалось скучно, что он слишком хорошо знал Танино упрямство!

Короче говоря, другого выхода не было, приходилось что-то придумывать, хоть ты повесься... Но вешаться Алешке уж никак не хотелось. И он все силы старался положить на придумывание. Действительно, не оставаться же в этом лагере до зимних холодов!

А Таня, кстати, тоже сидела пол-утра и думала. И кое-что у нее придумывалось, но такое странное, что и не выговоришь.

Слава богу, ей не потребовалось говорить. Явился ДТ, потом сестры... У них в компании получилась такая довольно странная цепочка: сестрам нравился ДТ; ДТ, как гвоздик к магниту, тянулся к Пряникову Алешке, а Пряников старался

ся все сделать так, чтобы понравилось Тане...

Итак, ДТ сообщил о своих наблюдениях, сестры заскрежетали зубами (благо зубки у них были — никакие грецкие орехи не страшны) и рассказали про сладкий мешок... Тут-то в голове у Алешки и загорелся огонь новой идеи.

Он вот что предлагал. Раз Истратов известный злыдень и раз он здесь давно, от него можно узнать все плохое про лагерный народ. Самое ценное из этого плохого записать...

— А что самое ценное? — спросили Ирина-Марина.

— Ну, самое подозрительное... Кто когда-нибудь чего-нибудь украл. Или кто любит сверкающие предметы. Или кто в библиотеке зачитал книгу «Королевство кривых зеркал»...

— Детство какое-то!

— Детство, потому что я никакого ценного злодеяствия не могу придумать. А когда он начнет говорить, вы сразу поймете!

Алешка взял поданные ему ручку и блокнот, написал несколько слов, вырвал страничку, протянул ДТ:

— Гони! Прямо к Истратову! — Здорово это у него получилось.

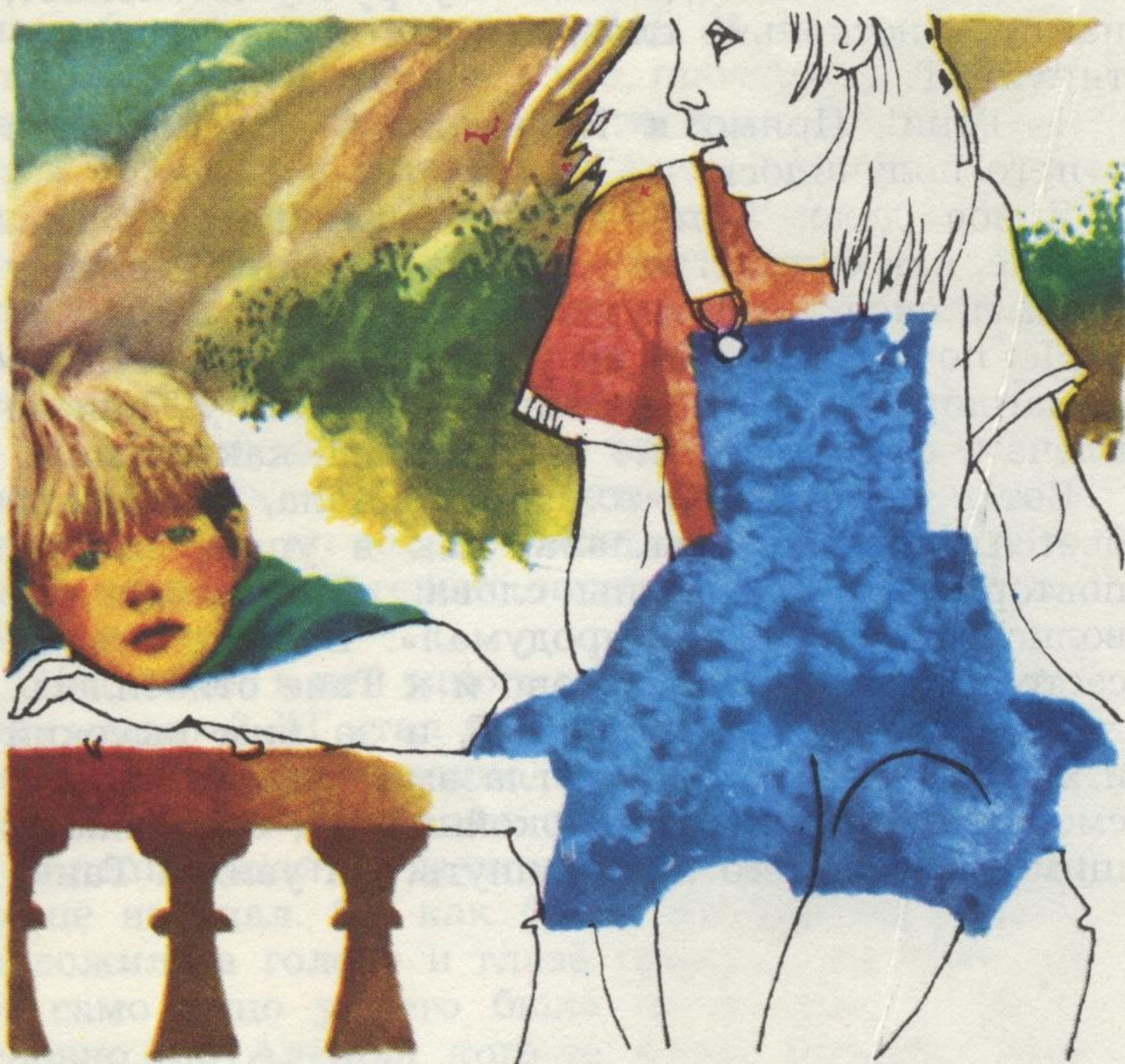
Ясное дело, Тане хотелось вмешаться, но... знаете, как бывает: не успевала в нужную секунду сказать свое, а потом уж было поздно!

Но почему же она не успевала? А потому, что командирские погоны сами собой таяли у Тани на плечах, она их уже не чувствовала, как раньше.

Вот и сейчас Таня только слышала, как сердце бьется, да еще слышала, как в ушах звенят-повторяются Алешкины слова: «Вы главное, не волнуйтесь. Я все продумал». Вообще это он сестрам сказал. Однако оно и к Тане относилось.

Тут на террасу вошел ДТ, а за ним высокий и худой парень с такими глазами, какими обычно смотришь на комара: спокойными и соображающими, как бы его прихлопнуть. Он увидел Таню,

Алешку, а главное, он увидел сестер. В глазах его прибавилась капелька презрения и... честное слово, Таня не ошиблась... самая маленькая капелька страха.

— Кто здесь внук-то? — спросил он неприязненно. И в то же время был готов показать, что неприязненность его относится только к «простым смертным», а не к внуку профессора.

— Зови меня Прян! — сказал Алешка очень жестким голосом. И уж кого он сейчас изображал, в эту минуту, он и сам в точности не знал.

Но ведь и Истратов не знал, что Алешка совсем другой человек, что это просто его фокусы-мокусы. И замер Истратов. Но не как человек, готовый к драке, а скорее, как человек, готовый получить удар.

— Ну вот так-то лучше! — сказал Алешка тем же не своим, жутким голосом. — Запомни: мы все знаем... Имеется в виду пожарная бочка... Понял?! Есть свидетели. И вещественные доказательства!

Истратов не мог ни бежать, ни трусливо отнекиваться, ведь он имел дело с ребятами явно младше себя, с «детьми»! И он невольно сел на перила террасы, провел рукой по лбу, словно стирая пот:

— Что тебе надо?

Он тоже был не дурак, потому что раз угрожают, а не сразу устраивают общий сбор, значит, чего-то надо!

— Сведения! — сказал Алешка. — Слыхал ты про исчезнувшие зеркала?

Признаться, Истратов был сильно удивлен, никак не меньше ДТ, увидевшего, что в полиэтиленовом свертке не пистолет, а конфеты.

— Чего? Не понятно? — Алешка усмехнулся. — У нас задание найти этого зеркальщика. Выкладывай все, что ты знаешь подозрительного!

Какое-то время Истратов не мог понять, что от него требуется. Но когда понял — эх, тут он начал выкладывать. У него было, чем поделиться — только записывай!

Тем более стесняться некого: Ирина-Марина, несмотря на могучее любопытство, были удалены в лагерь — для пользы дела, можно сказать. Тем более и времени было у Истратова неограниченно, потому что Алешка приказал сестрам зайти к во-

жатой второго отряда и сказать, что Истратова Игоря попросил помочь внук профессора Чуркина.

Ведь сам Арамис-начальник сказал: «Если надо, ребята нашего лагеря вам помогут».

* * *

Она сидела одна на перилах террасы. Кругом был запущенный, почти дикий участок, яблони стояли по пояс в траве. Сквозь листья проглядывали редкие яблоки — такое лето в этом году получилось неурожайное.

«Эх вы, яблони, — думала Таня, — целый год тут росли, яблок не дали!»

Странно, всего за какой-то день, за какие-то сутки этот участок чужой и эта терраса стали ей как будто своими, как будто она и правда профессорская внучка или по крайней мере «юная тимуровка», помогающая внуку профессора.

Сам «внук» в это время отбыл в сопровождении ДТ на территорию лагеря — прощупывать подозрительных, о которых они узнали от Истратова.

Таня осталась дома. Ей хотелось сказать, что все это глупости — чем они занимаются, что пусть они вообще это прекратят. Такое она, Таня, дает им распоряжение. Но ничего не сказала, просто мотнула головой:

— Я пока не пойду...

Мало ли: девочка же может, например, себя плохо чувствовать и никому в этом не давать отчета. Но ей показалось, Алешка даже был доволен, что она не пошла. Ему нравилось отдавать распоряжения, а ДТ чтобы их исполнял...

Не смогла, как-то не сумела Таня свое слово сказать и во время допроса, когда Истратов говорил все сплетни, все свои «наблюдения». Между прочим, он сперва так, с неохотой вроде начинал, а потом — ух разошелся! Ведь ему это нравилось — клепать на людей. И Тане хотелось крикнуть: «А ну прекратите вы!»

Не крикнула: неловко. Потому что мало ли кому что не нравится, что же — сразу кричать?

Теперь, оставшись одна, Таня точно поняла, что именно ей не нравилось.

Не нравилось, что Истратов из обвиняемого превратился в почти помощника. И не нравилось, что ДТ, которого Таня действительно решила взять к ним в компанию — но ведь на исправление! — совсем не исправляется, а как был ДТ, так и оставался им: записывал на людей всякие подлые сведения, да еще по указанию Алешки... Сидит над блокнотом — прилежный пятиклассник. Алешка в его сторону пальцем ткнет: мол, ценное сведение, и ДТ сразу кидается писать!

Эх, Алешенька-дурешенька! Ты и сам-то в ДТ превратился...

Единственное, на что Таня решилась, это задать Истратову вопрос.

До того она сидела совершенно как немая. Истратов совсем, наверное, про нее забыл, как про куст жасмина, что растет возле террасы. У Истратова все внимание было на Алешку и частично на ДТ, который подхмыкивал и подхрюкивал Алешкиным ловким вопросам и замечаниям.

И вдруг Таня сказала:

— Послушайте, пожалуйста!

Она это сказала Истратову, одному Истратову. Специально обратилась к нему на «вы», потому что на «ты» все-таки хоть и немного, а по-товарищески. Но Таня не хотела с ним быть и самым маленьким товарищем.

ДТ и Алешка, конечно, таких тонкостей не поняли.

— У меня есть вопрос,— начала Таня не очень ловко, потому что раз вопрос есть, ну так и спрашивай, чего об этом объявлять.— Я хочу спросить, у вас есть какие-нибудь, ну... странные, чокнутые? Про них расскажите.

— Какие чокнутые? — небрежно улыбнувшись, спросил Истратов. Он, видно, Таню за первую чокнутую и счел.

«Вы говорите, когда вас спрашивают!» — хотела Таня его одернуть. Но не стала она строить из себя Алешку. Сказала с едва заметным ехидством в голосе:

— Чокнутые?... Ну, которые, например, с инопланетянами готовят встречи?

Истратов сделал удивленно-презрительное лицо... Презрение у него вообще редко сходило с лица...

— Ну, или такие, которые ведут себя вроде как клоуны.

На самом деле Таня не считала «чокнутыми» ни тех, кто с инопланетянами хочет встретиться, как Алешка, например, ни тем более клоунов... Ее любимый дед Володя один раз признался со смехом (а по глазам — без всякого смеха), что хотел стать клоуном, да не смог.

Он когда в институте учился, играл в волейбол и руку себе вывихнул. И уж не мог потом делать ни кувырки, ни сальто. А без этого клоун получается уже не такой смешной!

Таня назвала таких людей «чокнутыми», чтобы Истратову с его презрительной физиономией было понятней. И Истратов наконец понял, чего «начальство» хочет. Да, говорит, есть такой в «Рассветном». Называется Русанов Ванька. Иван-болван. Он, например, натянул канат от окна девчоночьей палаты до ближайшей березы и стал по нему ходить.

— И чего? — спросил Алешка.

— Не прошел!

Потом, оказывается, этот Иван-болван на спор не дышал три минуты. И весь позеленел.

— А почему три? — опять спросил Алешка.

— А потому что он должен был сто раз написать слово Ия.

— Что такое «Ия»?

— Имя женское,— сказал Истратов с такой скукой, как будто говорил о насморке.— У них в отряде есть такая Ийка Иванова.

— Так он, значит, все из-за этой девчонки? — спросил Алешка.

Истратов кивнул:

— Семиклассник, а такой дурак! Да еще с дерева упал, ангину заработал! Теперь в изоляторе...

— Как это так с дерева и... ангину? — спросил Алешка.

— Я же тебе говорю, он дурак!

— А которые конфетами обжираются?... — не выдержала Таня. И зря не выдержала. Больше она про «Ивана-болвана» ничего не узнала.

Но вообще-то ей и того было достаточно. Потому что она подумала — а может, даже и придумала — одну странную вещь: зеркала украдены не для наживы, вот в чем дело, и не для злости! Их стащил какой-нибудь странный человек. И «зеркальщика» надо искать среди странных. Вот этот Русанов Ваня ей как раз подходит: с дерева упал и ангину заработал. Так не бывает, а у него получилось!

Дальше вопрос. Их действительно стащили? А может, только взяли на время?... Почему Таня

об этом думает, потому что сестры говорили, будто во втором и первом отрядах нашли непонятные записки. Текст одинаковый: «Вещи взяты временно». И никакой подписи... На эти клочки бумаги не обратили внимания, потому что в лагере всякие хохмочки, всякие записки — первое дело. Их подмели вместе с другим мусором — и привет. Только Ирина-Марина, которые стали до всего докапываться, случайно вспомнили про них.

И вот теперь что же получается?... Странный человек — есть такой. И почти точно, что зеркала взяты не для наживы. Ведь правда, не для того же их украли, чтобы давать посмотреть за десять копеек! Да еще плюс записки, что «вещи» (зеркала!) отдадут.

Или это все Таня лишь выдумала — как Алешка со своими инопланетянами?..

А надо пойти в изолятор да проверить, поговорить с этим «Иваном-болваном».

Так почему же ты не идешь-то? В чем дело? Неужели Смелая боится?

Еще пять минут назад Таня могла убедить себя, что она просто хочет снова все продумать и разложить по полочкам. Но ведь все уже разложено... Эх ты! Стольких опасностей не испугалась! А здесь перед тобой просто странный человек, клоун. А клоунов нечего бояться. С клоунами можно только дружить!

Она легко прыгнула с перил террасы, словно прыгала так всю жизнь. Но трава и земля оказались тут на редкость мягки и пружинисты. Не теряя больше ни секунды на трусость, Таня сразу пошла к дырке.

Поскольку они, «внуки и полувнуки», разгуливали по лагерю абсолютно свободно, Таня остановила первую попавшуюся девчонку-октябренька:

— Где у вас тут изолятор?

И пошла к домику, который охраняли три коренастые сосны... Ей бы остановиться, вздохнуть. Нет! Сразу встала на низкий карнизик, ухватила рукой за подоконник в открытом окне. Раз-два, и вот она уже головой в больничной палате... Или в чем-то, похожем на больничную палату.

Н-да! А ведь тут мог быть и врач. Вообще мог быть какой-нибудь взрослый: «Тебе чего, девочка, надо?» Ответить ей было бы трудно. Вообще все дело могло пойти насмарку!

Но замечено: рядом со смелыми поступками летит на больших птичьих крыльях и везение. Таня, конечно, этого не знала, никогда не задумывалась о таких вещах. Она просто скомандовала себе: «Вперед, ребята!»

В палате было три койки. Две застеленные, а на третьей лежал мальчик с рыжеватыми бровями, русыми волосами — конечно, длинными, как у всех мальчишек, которым это уже разрешается. Серо-синие глаза его смотрели прямо на Таню Смелую:

— А ведь ты не из нашего лагеря, точно? — он так это спросил, как будто ждал, что Таня — именно Таня! — к нему сейчас и придет.

Таня молчала. Она еще не могла прийти в себя от своей смелости...

А кстати, ничего в этом Иване не было «болванистого». Но ведь Истратов имел совсем другие глаза, чем Таня!

— Знаю. Ты мне принесла записку!

— Нет! — Таня улыбнулась... Сейчас Русанов, конечно, мог бы легко отказаться, что это не он стащил зеркала. Но Таня уже точно знала, что он.

— А зачем тогда ты пришла?

— На тебя посмотреть!
— Кто же тебя прислал?
— Сама догадалась! — И опять она не смогла удержать улыбку, потому что ей нравилось, как она говорит.

Но дальше надо было переходить к главному... Они были сейчас с Ваней Русановым как два наших разведчика, которые встретились где-то во вражеском тылу и оба забыли пароль! Каждый чувствует, что это свой, наш, а все-таки первым решиться на откровенное слово не может: права не имеет!

Таня проклинала непродуманность своей затеи, это ныряние с закрытыми глазами. Как бы хорошо было сейчас вынуть зеркальце. Даже можно ничего не говорить, просто навести на него зайца! Или, когда он спросил про записку, подать ему бумагу, на которой написано, что вещи взяты временно. И все в порядке!

Но теперь надо было искать какой-то другой путь... Снова Таня сказала себе, что это он, что сомневаться не надо. Потому что хотя бы это он, что с ним легко. Со старшими обычно трудно разговаривать. Но с хорошими старшими — легко. А с этим Ваней было именно легко...

— Ладно, — сказал он наконец, — у меня другого выхода нет... Ты поможешь?

— Мне кажется, я для этого и пришла...

— Ты чего это все загадками говоришь, а? Ты в «Рассветном» новый массовик-затейник?

— А они у тебя где?

Больной внимательно так посмотрел на Таню — снова как тот разведчик, который без пароля старается распознать, свой перед ним или чужой. Затем он встал, нисколько не думая о том, что оказался перед девчонкой в одних трусах. Да, впрочем, летом все как-то выглядит по-другому: трусы на тебе — уже считаешься вполне одетым...

И Таня тоже нисколько не думала, что перед ней стоит такой гражданин полуголый. И даже не «полу», а на три четверти, а то и на четыре пятых голый. Но не думала она об этом. Она глядела, как этот «гражданин», как этот, в общем-то говоря, большой мальчишка бросил подушку и одеяло на свободные кровати, затем отворотил матрас и под ним, на втором матрасе лежали сплошной прозрачной лужей маленькие зеркальца.

Да! Такого никто и никогда в жизни не видел — это уж можно точно сказать. Много чего люди видели необыкновенного, в том числе, как в нашем земном небе будто бы появлялось, а через какое-то время погасало второе солнце, о чем сообщают очень древние рукописи.

Но такого чуда — и простого, и необыкновенного — не видывал еще никто.

Ваня Русанов словно бы сам заново изумился этому зрелищу и сказал:

— Вот они!

С огромным удивлением Таня смотрела на эти зеркальца — квадратные, круглые, продолговатенькие, а иногда просто осколки, которые бережливые девчонки подобрали неизвестно где... Таня только одно и могла произнести:

— Зачем тебе?

А Ваня ответил ей. Но не как старший младшекласснице, а как заговорщик заговорщику:

— Есть причина!

И затем он посвятил Таню в тайну... Как звучит-то здорово! А мы ее пока открывать не будем. И на некоторое время попадем в положение Алешки, ДТ и сестер, которые смотрели на Таню

удивленно, однако приказания ее все-таки выполняли, потому что просто другого выхода не было!

* * *

Да, не было другого выхода...

Алешка и ДТ явились на террасу ни с чем. Таня ждала их, сидя на перилах, — будто и вообще никуда с места не сдвигалась:

— А спорим, что у вас ничего не вышло?

И таким голосом, прямо почти радостным! Будь это не Таня, Алешка бы, конечно, рассвирепел. И ДТ тоже рассвирепел бы, если б Алешка рассвирепел. А так они оба устали на Таню с крайним удивлением, которое больше было похоже не на удивление, а на сильное недовольство.

— Можете не психовать, — со спокойным торжеством сказала Таня. — Просто я все раскрыла. Но вам я пока ничего не скажу. До завтрашнего утра. И приказываю выполнять мои приказания!

Как-то странно получилось: «Приказываю выполнять приказания», однако ДТ и Алешка ничего не заметили — не до того было. Алешка даже пожал плечами: мол, я никогда и не говорил, что командир не ты, а кто-то другой.

ДТ просто молчал, опустив глаза, поскольку считал, что он здесь тем более человек маленький.

— Нужны пила и фанера! — отчеканила Таня. — И клей, чтобы склеивалось стекло и дерево... Ничего сейчас не скажу! Фанера нужна... — Тут Таня посмотрела в какую-то бумажку. — Метр на метр шестьдесят!

— Много, Тань! — покачал головой Алешка, который в отличие от Тани понимал, какой это огромный кусок надо просить в лагере.

— Ничего. Ты же у нас «внук»! И три тюбика клея!

— Да чего же я им скажу?

— Твоя забота.

— Тань, мы еще хотели обследовать нескольких подозреваемых, чтобы...

— Не надо! — Таня покачала головой на его непонятливость. — Происшествие уже раскрыто. Завтра утром вы все поймете!

Алешка посмотрел на ДТ: поплелись, мол, а по пути придумаем, чего будем свистеть в «Умелых руках» — это во-первых. А во-вторых, запомни, друг ДТ: споря с женщиной, ты уменьшаешь свое долголетие...

Мы уже могли заметить, что Алешка, как человек научный, любил эти «во-первых» и «во-вторых». И вот теперь они даже во взгляде его слышались!

Однако не успели они и шагу ступить, как на террасу влетела Маринка... а может, Иринка:

— Там Альбина по лагерю ходит, понятно?!

— Все! Попели! — сказал Алешка спокойным голосом командира лопнувшего воздушного шара.

— Их пока там Маринка держит! — Так они узнали, что перед ними Иринка.

— Кого их, Ир? — спросил Алешка. — Там чего, две Альбины?

Он не очень расстраивался: преступление не раскрывалось, ну и аллах с ним! Он хотел отсюда уехать и Таню увезти. Так что Альбина как раз вовремя.

— Да, их двое! — раздраженно сказала Иринка. — Мы тут болтаем, а Маринка там надрывается, их удерживает.

— Каких еще «их»?!

— Ну потому что она с мальчиком!

— С Витькой Алехиным?! Вот это да!

— Алеша Пряников! — сказала Таня таким го-

лосом, что Алешка сразу пришел в себя. — Немедленно доставь их сюда. И обезопась!

Алешке бы вздохнуть, Алешке бы подумать: «Эх, жизнь моя, жестянка!» Но не было у него на это времени — так Таня строго ему приказала. И через все три ступеньки крыльца довольно-таки грузно Алешка шагнул на землю — побежал приказание исполнять. А Иринка, которая прыгнула за ним, все же успела быстро глянуть на Таню Смелую: вот это девочка! Самому Алешке... А ДТ остался на террасе — ждать дальнейших распоряжений, которых так и не последовало...

Алешка вернулся минут через пять. И эти минуты не показались Тане часом или годом, как иногда пишут в книжках. Дело просто в том, что Таня не боялась встречи с Витей и Альбиной — правда ведь была на ее стороне, она поступила честно, а значит, на душе порядок.

Правда, необходимо еще Альбину усмирить. Но это уж Алешкина забота...

Таня посмотрела на Алешку и поняла, что молодой ученый А. Пряников уже начал действовать, потому что он вел себя не как простой Алешка, а как кто-то другой, как... ну, может быть, летчик-космонавт, у которого через полчаса старт. Он был сдержан, но очень деловит. Да, конечно: к нему приехала старшая сестра, и он готов оказать ей все возможное уважение, однако сестра должна понять, что он, космонавт Владимир Джанибеков, в данный момент очень и очень занят.

Альбина открыла рот для какого-то там своего «взрослого выступления», Алешка спокойно и даже как-то не спеша опередил ее:

— Сядьте, пожалуйста, посидите. Я скоро вернусь... Я занят сейчас, освобожусь буквально через несколько минут.

И ушел... Альбина за десять лет совместного житья могла бы, кажется, привыкнуть к его штукам. Но привыкнуть было очень трудно, потому что Алешка всегда изображал что-нибудь новое.

И потом, в глубине души, Альбина любила своего брата, а уж в самой-самой глубине она еще и гордилась им. Конечно, о таких вещах никто не знал и знать не мог. Альбина и сама о них как бы не знала. Поэтому сейчас она с возмущением уселась на перила террасы, всем видом своим показы-

вая, что ладно, мол, она подождет, она ни одного пока слова резкого не скажет, но она еще...

Витя же Алехин с интересом осмотрелся по сторонам таким веселым и выжидательным взглядом, как будто был фотографом и искал, чего бы ему тут запечатлеть.

На самом деле он был, пожалуй, немного сбит с толку или даже немного растерян.

Сегодня ни свет ни заря ему позвонила Альбина Пряникова и сказала, что он, Алехин, отвечает за пропажу ее брата, а также еще двоих малолетних детей.

И теперь он должен ехать вместе с ней, выручать всех этих малолеток!

Витя вообще-то догадывался, что Альбина по нему, как говорится, нежно вздыхает. Но он сразу сказал, что поедет, потому что действительно (опять же, как говорится) вешал лапшу на уши Пряниковой маме. А тем более по поручению драгоценной Рыжиковой.

В электричке, однако, Альбина совсем не говорила про исчезнувшего братца, а все вела с Алехиным разные намекаательные беседы, что, мол, эх ты, Алехин, что же мы всю позапрошлую зиму ходили в секцию фигурного катания, а теперь ты бегаешь и виляешь хвостом вокруг этой... не будем говорить какой Рыжиковой, словно собачонка вокруг ириски...

Ну и так далее, и тому подобное — что обычно говорится в таких случаях. Кстати, во вторых и третьих классах девочки в «таких случаях» говорят то же самое, что и в седьмых-восьмых...

Алехин в основном отмалчивался. А что он мог сказать, когда у него не было способностей к фигурному катанию? Вот и пришлось разлюбить Альбину, а влюбиться в Таню Рыжикову.

Но, конечно, про фигурное катание он даже не заикался, а чего-то мяукал неясное про то, что сердцу якобы не прикажешь...

Потом они долго искали лагерь, потом нашли, потом на них наткнулась Иринка-Маринка, и Альбина опять вдруг стала заботливой и строгой сестрой. Потом явился Алешка, притащил их сюда. Причем вел он себя совсем не так, как ожидал Витя Алехин, то есть не как забитый и провинившийся младший брат.

По всему этому Витя Алехин оказался... немного растерян. Он вообще-то был не очень уж такой суперуверенный в себе человек. Он и курил в основном для того, чтобы на него смотрели поуважительней.

Так некоторые младшеклассники учатся, например, ругаться матом и даже выписывают особо грубые слова на бумажку, чтобы заучить их, заперевшись в ванной. Они тоже надеются — как и «курящий» Витя Алехин, — что станут от этого как бы взрослее и строже.

Зря они, между прочим, надеются!...

Алехин, кстати, вспомнил о своем курении и подумал, не закурить ли ему — для весомости и решительности... Но так и не решился, все же на чужой террасе. Может, тут взрослых полон дом...

Альбина же, решив, что вполне достаточно была сдержанной, принялась говорить про «возмутительно», про «родители с ума сходят», про «исчезнуть на несколько суток» и про «я все должна покрывать».

Таня послушала, сколько могла, потом покашляла — не от какого-нибудь там гриппа или бронхита, а чтобы Альбина помолчала хоть немного.

Так устроены едва ли не все люди. Вот попробуйте при ком-нибудь покашлять, и хотя бы чело-

век этот очень увлечен был своим рассказом, останавливается и обязательно посмотрит на вас...

То же и с Альбиной случилось. Она остановилась в самой середине фразы и поглядела на Таню. Таня глянула на нее: мы ведь тебя от таких неприятностей спасли, Альбин, — зачем уж ты так разоряешься?.. Хотя это было и не очень благородно — напоминать человеку о подобных вещах.

Но Таня ведь только взглядом коротким. Словами она сказала совсем другое: что вовсе они не запропалились, а только на один денек... пока. И не чтобы специально родителей волновать, а чтобы помочь одному хорошему человеку...

Алехин посмотрел на Таню с удивлением... конечно, с тайным удивлением... Надо же, он думал, маленькая, а уже «хорошему человеку», а уже «помочь...».

Альбина, признаться, тоже была сбита со своего грозного тона. Невольно она ждала, что же Таня дальше скажет? Но Таня как раз абсолютно не знала, что ей дальше-то говорить. И здесь судьба смиростивилась над ней — явился Алешка!

* * *

Вернее, сперва они увидели большой лист фанеры, который дрожал, ходил волнами и производил гудение, одновременно похожее на собачий лай и на звук «У!», который произносят то длинно, то отрывисто.

Только потом из-за этого листа вылез Алешка. На шее у него, привязанная на веревочке, висела пила-ножовка, а из карманов он потом вынул два мягких тюбика с клеем.

Алешка отдышался, вытер пот со лба... Хоть Альбине и Алехину непонятно было, чего это Алешка такое принес, однако он невольно вызывал уважение — такой усталый, наработавшийся человек. И Алешка, хитрец хитрецович, почувствовал это, спросил солидно:

— Поможешь? — это он сказал Вите Алехину. А сам тут же перевел глаза на Таню, потому что представления не имел, в чем там надо помогать.

— Выпилить тут кое-что, — сказала Таня. — Две кое-какие буквы...

— Ты умеешь? — это Алешка спросил у Алехина как бы с некоторым сомнением.

В ответ Алехин неожиданно улыбнулся. Он понял наконец, что имеет дело с довольно-таки ловкими типами. Замок на двери, и весь нежилой вид террасы, и сиротливые три матраса, покрытые казенными одеялами, — все говорило, что «ловкие типы» здесь незаконно.

— Уметь-то я... это все в порядке. А вот вы на каком основании оккупировали помещение?

— Ну... — начал Алешка с несколько излишней беспечностью. — Подметим и уедем, господа!

— У тебя бы дома так! — Витя усмехнулся. — Явятся какие-нибудь незваные рыла: подумаешь, какое дело — подметим и уедем!

Надо сказать, этот Витя Алехин раз от раза делался все интересней, как... Как что, подумал Алешка, может, как Луна?.. Сперва на нее смотришь невооруженным глазом — просто видна какая-то глупая рожа.

Потом вооружаешь глаз биноклем — заметны цепи гор и круглые странные дырки.

Потом идешь в планетарий и тебе достается счастье посмотреть в настоящий телескоп. И ты уже словно бродишь среди этого жутковатого и потрясающего мира, где тени резкие и тяжелые, словно вырезаны из железа.

А потом вдруг говорят, что прилетела наша автоматическая ракета, привезла лунный грунт. И ты узнаешь про эту бывшую «глуповатую рожу» такие штуки...

— Ты чего это замечтался? — спросил Витя.

Алешка только улыбнулся и ничего не ответил. А Таня сказала:

— Надо вырезать две буквы — «Я» и «И».

— И зачем же? — спросил Алехин, берясь за ножовку.

— А можно я вам после скажу?.. Честное слово, так интересней будет.

— И когда же вы отсюда собираетесь уезжать? — спросила Альбина насмешливо, словно бы вовсе и не интересуясь ихними глупыми детскими планами.

— Вообще-то нам очень нужно остаться до завтрашнего утра! — сказала Таня.

— Хм... — обронила Альбина. Это было и не «да» и не «нет». А то, что называется: поглядим на ваше поведение.

Признаться, Альбина поняла, что совсем неплохо будет здесь остаться с этой ребятней... и с Алехиным! Ей представлялся какой-то там костер при свете звезд, печеная картошка, огромные шаткие тени, которые бродят по поляне то туда, то обратно, и что-то там еще в том же духе... И все это, конечно, вычитанное из книг...

Между тем работа пошла. Бывший военный, еще дедовский, если не прадедовский ремень, вынутый из Витиных брюк, превратился в линейку.

Они начертили более или менее ровные буквы «Я», «И». Потом с адскими муками стали выпиливать их. А почему с адскими, потому что попробуйте когда-нибудь это сделать, и вы сами убедитесь, какие у вас будут муки.

Когда буквы наконец были готовы, все посмотрели на Таню... На нее, собственно, давно уж поглядывали. Но теперь так посмотрели, что...

Таня взяла свой заранее опустошенный рюкзак:

— Альбина, если можно, помоги мне, пожалуйста!

Нет, не подумайте, что она хотела как-то унижить или обидеть старшую Альбину. Таня хотела ей показать, как между матрасами лежит зеркальное чудо.

Всех с собой Таня взять не могла — это будет слишком заметно, но еще одного человека, наверное, ничего, можно. И Таня подумала: кого? Алешку?.. Ему вообще-то нужно, он фантазер и ученый — потом сам что-нибудь придумает.

ДТ? И ДТ нужно! Чтобы понял: не только одно подглядывание есть в жизни, а и кое-что куда более интересное.

И Витю можно было бы взять — чтобы посмотреть хотя бы, как он изумится такому чуду... если только Таня не ошиблась в нем...

Все-таки она решила: нет, Альбина! Пусть порадуется немного, поудивляется, а то все страдает, страдает по своему Алехину и никакого у нее отдыха. Даже за город его увезла, а он опять никакого внимания — пилит да пилит!

Когда они пролезали в лагерную дырку, Таня вспомнила, что ведь Альбина же ничего толком не знает:

— Если нас спросят, ты, пожалуйста, говори, что мы по линии внука... Вернее, ты ничего не говори, я сама скажу.

— Что? — И Альбина сделала такое движение, словно собиралась уехать обратно.

— Так у нас получилось, — сказала Таня как

можно мягче.— Ну... нам пришлось сказать, что твой Алеша — внук профессора Чуркина.— И Таня кивнула в сторону видневшейся за одичавшими яблонями дачи.

— Что-что-что?!

Но отчего-то Альбина не чувствовала себя рассерженной, не чувствовала себя той взрослой, которую водят за нос плохо воспитанные и насмешливые дети.

Она будто попала в сказочную местность, где все не так, как в обычной, обыденной жизни. Опускаешь монетку в автомат с газированной водой — на светофоре загорается зеленый. Покупаешь эскимо — на небо выплывает луна, заходишь в телефонную будку — тебе дарит цветы... Алехин!

Тут дело не только в том, что Альбина сочиняла стихи. Это вообще близко в человеке — чуть-чуть скучные дела раздвинул, а под ними сразу и сказка! Только не все решаются раздвинуть обыденные дела. Например, Танин дед Володя так за всю жизнь их и не раздвинул...

На счастье, Альбину и Таню никто не остановил. Может, лагерь здесь был особый, тоже немного сказочный, а может, все в этот момент куда-то спешили. В общем, Альбине не пришлось враньем портить того настроения, которое в ней ожило. И это настроение очень ей пригодились, когда она увидела зеркала!

Альбина не поняла, для чего это. Но поняла, что для чего-то хорошего и странного.

— Ты все сделала, Тань? — спрашивал этот мальчик. А Таня и Альбина уже собирали зеркальца в рюкзак: к сожалению, надо было торопиться.

— Там нас целая команда! — отвечала Таня бодро.— А ты сам не хочешь, Вань? — Она видела, что он именно хочет.

В ответ Ваня покачал головой:

— Нельзя. У меня опять температура. Ну и заходят, беспокоятся... А если засекут, что я уходил, могут догадаться, кто это сделал, понимаешь? А я не хочу, чтоб тот человек про меня догадался!

— Совершенно не хочешь? — искренне удивилась Таня.

— Совершенно не хочу!

* * *

Но теперь уже наконец настало время объяснить, что же собирался сделать Ваня Русанов...

Если какому-нибудь старшекласснику нравится какая-нибудь старшеклассница, он зовет ее послушать записи или посмотреть видеокассеты — в зависимости от возможностей. Ну и там поест хороших бутербродиков, попить сочку... Так делают все старшеклассники. Но вот бывает глупый такой человек, и он на день рождения старшекласснице, которая кажется ему лучше всех в мире, решает подарить солнечного зайца.

Но не простого!

Надо выпилить фанерные буквы, чтобы получилось ее имя (Ия, помните? Ия — так звали эту девочку), обклеить эти буквы зеркалами и повесить на дерево, которое через дорогу от окон ее палаты. День рождения у нее 19 августа — подъем солнца у нас в Подмосковье в шесть часов восемь минут.

Но это так считают астрономы. А на самом деле, пока оно выберется из-за крыш, из-за деревьев, пока ударит лучами в те зеркальные буквы, будет семь тридцать. Что и требуется доказать!

Горн трубит подъем, а солнечные зайцы на стене палаты девочек из первого отряда высвечивают: «ИЯ»!

И это будет подарок к дню рождения!

Получше, чем самый шоколадный торт, и получше даже, чем майка фирмы «Адидас»!

А почему лучше?

А потому хотя бы, что этого ни у кого никогда не будет, а только у тебя.

Торт съестся, майка станет тряпкой для мытья полов. А этих солнечных зайцев не съешь, не порвешь, не потеряешь. Они у тебя навсегда: ведь в памяти это не пропадет и не забудется...

— А как же он все-таки с дерева упал и ангиной заболел? — спросила Альбина. Они обклеивали буквы бумагой и уже на бумагу наклеивали зеркала — чтобы потом хозяевам было легче их и безвредней отрывать.

— А он долго сидел, — объясняла Таня, — замерз, а слезть не может: все народ да народ. А он боялся, что его увидят и догадаются. Наконец стал слезать — бух, и ногу подвернул. Его на ночь оставили в изоляторе. А утром уже ангина подоспела!

— Вы проверьте, они падать не будут? — Витя приподнял букву «И», на которой уже был наклеен первый ряд зеркал.

— Да не будут, он же проверял!

— Но почему он все-таки не хочет, чтобы она узнала? — спросил Алешка.— Скромный, что ли?..

— Чего ж тебе непонятно-то? — усмехнулась Альбина.— Если она его не любит!

Альбина хотела объяснить младшему брату, что раз эта Ия не любит Ваню Русанова, то, конечно, ему лучше уж не выставляться... Вот я же, например, не выставляюсь, подумала Альбина. И даже сперва с некоторой гордостью.

Да. Но Ваня Русанов делает для своей Ии, чтобы она радовалась...

А я?

А она делала злое, назло, чтобы злить!

Ну что же мне, стихи писать во славу Алехина? И даже засмеялась. Однако тут и самой ей стало понятно, что засмеялась она не от радости.

Потом Альбине очень легко представилось, как эта девчонка, эта Ия, увидит завтра чудо, устроенное в ее честь. Все будут ей кричать: «Ийка! Ийка! Смотри!» А она усмехнется, глянет разок и пойдет умываться.

Но запомнит навсегда!

А там уже и слух разнесется! И лагерный народ прибежит поглазеть: «А что? Почему? День рождения?.. У-у! Поздравляем!» А тут еще и зеркала пропавшие обнаружатся — тоже праздник!

И взрослые это дело не минуют — могу спорить. Потому что взрослый ты, не взрослый, а Земля, планета наша, через несколько минут повернется на своей оси — небось проходили? И привет, чудо исчезнет. Уползут солнечные зайцы, будут светить куда-то там в космос, где их и не увидишь.

С какого-то мгновения Альбина не могла разоб- рать, что она еще думала, а что уже видела в праздничном таком сне... И вдруг кто-то громко и очень ясно спросил:

— А если завтра солнца не будет?!

И Альбина сразу проснулась. Это самое «завтра» уже наступило. Но только оно наступило недавно: было раннее-раннее утро. Пять часов десять минут — столько показывали ее электронные. Солнце, как мы теперь знаем, должно было выйти из-за горизонта только через час. Но уже рассвело. Все краски пока были густые, какие-то особо краси-

вые, лишь слегка разбавленные светом: темно-коричневые, бархатно-черные, густо-зеленые.

Тихо, чтобы не разбудить Таню — она с Таней спала на одном матрасе и под одним одеялом, — Альбина поднялась глянуть на небо. Но и так уже чувствовала: небо чистое!

А ведь странно, что этот мальчик, Ваня этот, даже и не думал о такой легко-обычной вещи, как пасмурное утро. Он не сомневался! Он уверен был: девятнадцатого августа будет светить солнце!

Нет, подумала Альбина, просто я не та... еще не та, чтобы для меня устраивать такие праздники. Да и Витяка Алехин не тот. Ему даже в голову не приходит что-нибудь такое сделать... Пусть не для меня, пусть даже для Рыжиковой! Значит, тогда и расстраиваться особенно нечего...

Она посмотрела на Витю Алехина, который спал, укрывшись с головой и скрючившись, чтобы коротковатого «детского» одеяла хватило ему на все части тела. И он довольно-таки некрасиво спал — как безжалостно заметила Альбина. Она

глянула на часы: до намеченного подъема в половине шестого оставалось еще десять минут... Ну и пусть себе спит.

И отвернулась... Навсегда...

Алешка спал с ДТ... Тут надо пояснить, что ведь у них было всего три одеяла и три матраса, а народу пять человек. Поэтому они и спали такими «коллективами»: Альбина с Таней, Алешка с ДТ. А Витя Алехин, которому «компании» не было, один.

Алешка и ДТ долго не спали — все перешептывались, — будто бы, чтоб другим не мешать, а на самом деле, чтоб другие не слышали. У Вити Алехина были часы с будильником, и значит, можно не волноваться, что они завтра проспят, можно говорить. А то, что они завтра якобы не выспятся, — это их абсолютно не волновало!

ДТ хотелось высказать, какой Алешка потрясающий человек. А Алешка рад бы перебить, да очень уж приятно было слушать. Доброе слово, как говорится, и кошке приятно. А ведь над Алешкой в классе что? Да в основном подсмеива-

лись: «Ну, ясно. Ты у нас ученый, хвост моченый!»

ДТ, может быть, вообще первый из людей не заметил, что Алешка... как бы это выразиться... излишне упитанный и что волосы у него торчат в разные стороны.

Он заметил в Алешке самое главное, что и сам Алешка в себе любил — умение выдумывать, изобретать, хотя это, может, одно и то же.

Наконец, наслушавшись ДТ, который собственно просто пересказывал Алешке его же подвиги, только в более красивом виде, Алешка набрался мужества и сказал:

— Нет, ДТ. Это все Танька вообще-то Смелая!

ДТ опять начал свои хвалебные песни: ведь и в «Рассветный» они поехали с помощью Алешки, и на этой даче с помощью Алешки, и Альбину уладили...

— Не, ДТ, не понимаешь ты, — сказал Алешка и с удивлением понял, что для Тани ему даже собственной славы не жалко. — Я при ней как ЭВМ... электронная машина. Человек, инженер или ученый, в нее задачку заложит — ЭВМ решит. А все главное человек сам решает. Любой случай возьми... Буквально любой случай — все Таня!

— Чего-то мне не верится, Алех.

— Еще сто раз убедишься... И с этим Ваней Русановым... Видишь, она до чего додумалась: что он не преступник. И тебя самого это она мне велела сюда взять, представляешь?..

Алешка помолчал, глядя на звездочку, которая с трудом домигивалась к нему сквозь то огромное расстояние, которое их разделяло.

— Ладно, ДТ, будем уж при ней ЭВМами, — Алешка постучал себя костяшками пальцев по лбу, — согласен?

— Да как скажешь! — ДТ чувствовал рядом Алешкино плечо, Алешкин бок и знал: его больше не прогонят!

Витя Алехин спал один, в дальнем углу просторной террасы. С его места не было видно звезд, а только могучие черные кроны яблонь, которые сливались в единую стену.

И в то же время Витя знал, что никакая это не стена, а живые листья, которые на каждый ветерок сейчас же ответят шорохом и шепотом. Ему

было хорошо, уютно, дышалось свободно. Витя залез с головой под одеяло, как любил спать с самого детства, с детского сада, за что его поругивали воспитательницы. А он все равно любил!

Он стал думать о чертеже, который сделал Ваня Русанов. Сперва дом и нужное дерево. А потом ветки на самом дереве и засечки на ветках, где и как устанавливать буквы.

Витя знал: это ему лезть, и ему устанавливать, и ему искать те засечки. И если зайчики не попадут куда нужно — на стену, над кроватью Ии, он пропал навсегда!

Сейчас они его уважают: Алешка и ДТ, но если не получится, они его будут презирать!

Найду, думал Витя, ничего. Другой бы подумал: найду не найду — чихать мне на это. Как получится, так и получится. Но Вите Алехину было сегодня интересно целый день — интересно с этими ребятами... Разговаривать, следить за их работой и чего-то там подправлять и отвечать на вопросы — то спокойно, то строго, то по-дружески.

Неожиданно он подумал: вот кем я стану — учителем! Отец с матерью у него все интересовались, потому что пора было выбирать. Через две недели он пойдет в восьмой класс, а там уж обязательно: какое ПТУ, какая профессия?

Бывают, интересно, такие ПТУ, с педагогическим уклоном?.. Кажется, педучилища?..

Ему представился какой-то зимний день, время — после уроков. Он входит в класс, такой уже чуть вечеряющий, с воздухом, из которого еще не выветрилась усталость после уроков и перемен... Ребята видят своего вожатого: «Привет, Вить!» Алешка Пряников и другие. И эта Таня Смелая с особым своим лицом... «Я буду пока вожатым, — подумал Витя и порадовался, что ни разу не покурил сегодня при этих ребятах. — Я буду вожатым».

И потом он уснул, и всю ночь ему снился длинный лыжный поход. И они то по лесу шли, то у костра сидели, то неслись с гор. А горы крутые, и ты как будто даже и не едешь с горы, а летишь!

Таня Смелая, как мы знаем, спала с Альбиной. И ей неудобно было крутиться под боком у взрослой девочки. Она легла «камушком» (деда Володиного слово), так и лежала. А когда лежишь без движения, засыпаешь быстро. Попробуйте — сами убедитесь... на следующее утро!

И Таня тоже уснула. Лишь перед сном у нее в голове успела промелькнуть мысль — быстро, как птица: Тане как бы позавидовалось, что они с Алешкой такие еще... маленькие, и потому он не может ей пока сделать зеркальные буквы.

Обычно третьеклассники (да еще те, которые уже перешли в четвертый) никогда не думают о себе «маленькие». Но перед сном-то можно...

И потом ей приснился странный сон. Как будто они стоят с Таней Рыжиковой в какой-то комнате, перед какой-то стеной. А на стене яркими солнечными буквами написано: «ТАНЯ». И Рыжикова говорит:

— Это про тебя.

А Таня качает головой, улыбается:

— Нет, Тань, это про тебя!

— Ладно, — улыбается в ответ Рыжикова, — сейчас узнаем!

И они ждут. И вот видят, как с дерева слезает... Алешка!

Не Витя Алехин, а именно Алешка.

Пряников!

КОНЕЦ

О ВРЕДЕ

ПРИВЫЧНОГО

ВЗГЛЯДА

стория начиналась банально. Был адрес школы: час езды от редакции на автобусе и метро. Давно слышали: «Одна из самых сильных дружин в Москве... Очень интересные люди...» Но... Летели мы за тридевять земель, за несколько часовых поясов, чтобы где-то там, далеко, найти яркие пионерские отряды и самостоятельные дружины. А москвичей оставляли на потом: успеется...

Но вот, наконец, приехали и к ним. Увидели и огорчились: такие люди под боком живут... Давно надо было написать, да подвел привычный взгляд, что все необычное — за семью морями.

И дальше, во время беседы не раз мы убеждались, что следовать шаблонному мышлению... Впрочем, вы и сами про это знаете. Лучше почитайте, о чем мы говорили.

НУЖНА МУЖСКАЯ РУКА

Корр.: Острейшая проблема сейчас для всех — и пионеров, и комсомольцев — отрядные вожатые. Вы нашли выход для своей дружины?

Миша Струков, девятиклассник, командир отряда комиссаров: В этом году мы создали содружества. Сейчас объясню, что это такое. Например, комсомольская организация 9-го класса работает вместе с пионерским отрядом 6-го класса и октябрятской группой 3-го класса. Комсомольская организация школы — как бы коллективный вожатый пионеров. Те комсомольцы, кто хочет заниматься пионерами, входят в отряд комиссаров.

Корр.: И многие хотят?

Миша: Человек 50, треть комсомольцев школы. Понимаете, один старшеклассник не справится с отрядом, а пять-шесть уже что-то могут. И выбирают их сами пионеры. В начале года мы всей школой работали на субботнике и пионеры за этот день приглядели себе вожатых. Тут обоюдное согласие должно быть.

Корр.: Я смотрю, на встречу с корреспондентом пришли не только члены совета дружины, но и комсомольцы, и что удивительно, — парни. У вас много парней среди комиссаров?

Гена Лейзарович, девятиклассник: В работе с пионерским отрядом нужна мужская рука, нужна сила. С пионерами трудно. И вожакom быть трудно, и завоевать авторитет не каждый может. А еще мы заметили, что пионеры в серьезных делах больше доверяют парням.

Итак, дружиной был повержен стереотип, что вожатыми у пионеров согласны быть только представительницы слабого, но активного ныне пола, и что старшекласснику доверить отряд никак нельзя — сам еще не сознательный.

О ШУМЕ НА ПЕРЕМЕНАХ И ПРОБЛЕМАХ ГОСУДАРСТВА

Корр.: Когда Всесоюзный Марш был завершен, некоторые дружины растерялись: как работать, что теперь делать? Такие вопросы задавали и Центральному Совету Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и редакциям пионерских газет и журналов. А как ваша дружина выбирает себе дела?

Миша: Содружество само выбирает. В этом году мы решили заняться проблемами, которые волнуют сейчас всю страну. Это экология, борьба за мир, перестройка... Вот провели мы день экологии...

Наташа Кулакова, 8 «Б» класс: В этот день был конкурс плакатов. Все рисовали, как будут выглядеть города XXI века: зеленые улицы, чистый воздух...

Таня Столяренко, 6 «Б» класс: Октябрятам мы рассказали о редких растениях и о Серебряном Боре — это недалеко от нашей школы: лес, речка, песчаные берега — кусочек природы в черте Москвы.

Таня Кузичкина, 6 «В» класс: Наше содружество 9 «В» и 6 «В» помогало лесничеству Серебряного Бора. Вся дружина соби-

рала сосновые шишки, а мы их лутили, заготавливали семена.

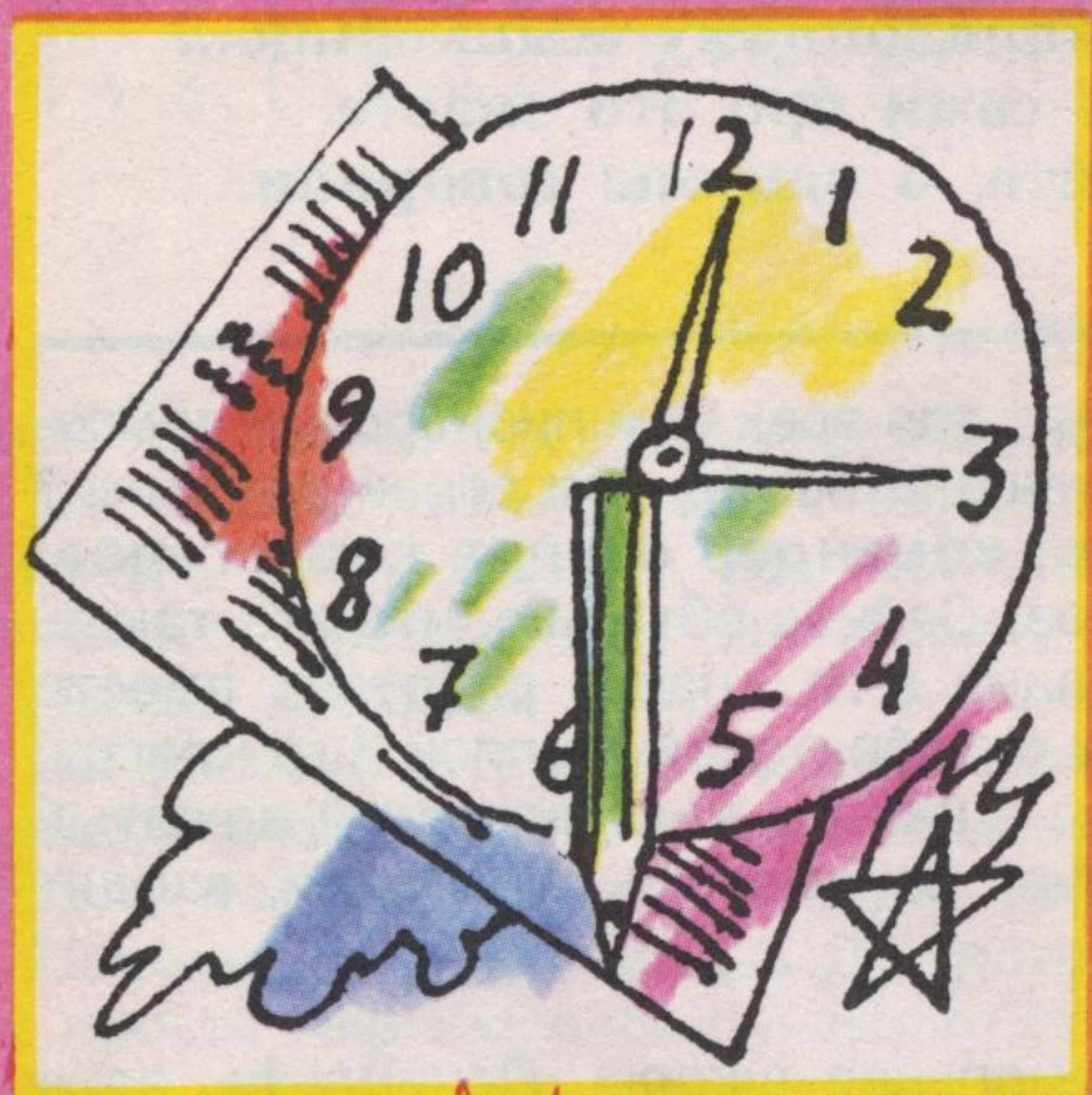
Миша: 7 «А» в день экологии провел конкурс на лучшего собаководы школы. 15 владельцев собак после уроков в спортивном зале демонстрировали способности своих питомцев. Но это так, шутка в конце праздника, хотя запомнилась всем.

А еще мы фильм сняли об экологических проблемах в школе. Как мы плохо бережем хлеб в столовой, воду, как пыль загрязняет воздух в кабинетах... 6-й класс с помощью девятиклассников делал замеры шума на переменах. Страшные результаты получили. Шум на переменах иногда равен шуму двигателей самолетов.

А скоро в походы пойдем по Подмоскovie. Будем брать пробы воды в реках и водоемах, изучать их в школьной химической лаборатории, а результаты передадим в лесничество.

И был разбит второй стереотип, что пионеры могут лишь исполнять волю других, а без подробного перечня дел, спущенного сверху, не будут знать, чем и заняться.

ЧЕМ БОЛЬШЕ РАБОТАЕМ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРОБЛЕМ

Корр.: Значит, нет у вас никаких проблем и всем вы довольны?

Миша: Нет, проблем много. Например, нас завод уже не устраивает, такой, как он есть.

Корр.: Завод?

Маша Мурылева, девятиклассница: У нас свой школьный завод. Мы заключили договоры с несколькими предприятиями и теперь люстры собираем, игрушечные машинки... В прошлом году 2600 рублей получили. Они пошли на оформление школы, на турснаряжение... Мы все очень походы любим. А наш класс часть заработанных денег в фонд школы отдает, а часть — на выпускной вечер, так мы решили.

Корр.: Много взрослых на вашем заводе?

Миша: Учитель труда. Вся администрация — ребята. Паша Исаев из восьмого — директор.

Корр.: Что же вас на заводе не устраивает?

Миша: В этом году мы кое-какие новшества ввели. Раньше за прогулы, за плохую работу на заводе нам учителя оценки в дневник ставили. А потом наша заводская администрация решила — оценки отменить, это же не уроки, будем работать, как кому совесть позволит. Раньше случалось, что наши заказчики возвращали нам продукцию на переделку — брак. А теперь ребята сами принимают продукцию, брака нет. Но вот планы мы не всегда вовремя выполняем. Не умеют еще бригадиры — тоже из ребят — организовать работу, и технология сложная, не сразу получается. В общем, и страхом хорошей работы добиваться не выход, и просто к совести взывать — тоже не находка. А где он, выход пока не знаем.

Пришлось нам отбросить еще одну привычную мысль, что легко живет тот, кто много работает. Чем больше человек работает, тем сложнее проблемы перед ним встают.

ЛЕГЧЕ СЛОМАТЬ, ЧЕМ ПОСТРОИТЬ?

Светлана Карпова, старшая пионервожатая: Наши проблемы перечислять — пальцев не хватит. Сбор отряда вместе с председателем готовят комиссары. Классный руководитель на сборе — гость. По крайней мере мы стараемся, чтобы так было. А недавно один младший пионерский отряд в стенгазете написал, что классный руководитель на сборе им мешает — все говорит за них. Вот вам еще одна сложность. Как приучить учителя к тому, что не он руководит отрядом, а пионеров — что именно они хозяева и не должны молчать?

Людмила Михайловна Куприянова, организатор внеклассной работы: Отряды недолговечны. Живут 4 года. У разновозрастных отрядов была бы своя история, свои традиции...

Корр.: Так попробуйте создать...

Людмила Михайловна: Сломать старое легче, чем построить новое. Есть у нас замыслы. Но говорить о них пока рано.

И последний урок мы вынесли: новаторы думают о созидании. Разрушение старого — отнюдь не конечная их забота.

«Где же это дружина такая!» — прочитав, задумается читатель. Есть такая дружина. Носит она имя маршала Г. К. Жукова, и найти ее можно по адресу: Москва, ул. Народного ополчения, 27, школа № 831.

Беседу записала М. МАТВЕЕВА.

Начну издалека. Однажды в Австралии провели эксперимент. Собрали на берегу океана молодых людей, усадили на камни или прямо на теплый песок и обратились вот с какой речью. «Взрослые,— сказали им,— запутались в своих проблемах и, судя по всему, не знают, как из них выпутаться. Они не могут взглянуть на жизнь с новой, неожиданной стороны. Слово за вами, юноши, и за вами, девушки. Шевелите мозгами!» Потом выступили перед участниками этого необычного семинара (или как уж назвать, не знаю) Философ и Политик, Социолог и Художник. Подкинули, так сказать, информацию к размышлению. Ясное дело, разгорелись жаркие споры. Да такие, что продолжались они днем и ночью — несколько суток. А когда на третий, кажется, день ввалилась на этот пляж группа других, еще не задумавшихся подростков, и включила свою музыку, и предложила «побалдеть» совместно (тем более, обстановка — пляж, солнце, океан — к тому располагали!), то эти, спорщики, разгневались, и выгнали «балдежников»: уйдите, не мешайте вы нам, мы заняты, мы Думаем.

Я про Австралию вспомнил весной этого года, когда присутствовал на первой советско-американской встрече ровесников, состоявшейся в Москве. Дело было не у моря, дискуссионные центры работали в гостинице «Молодежная», но не в месте дело... Обсуждались те проблемы, которые ребята — и наши, и американцы — сочли самыми сложными. Экология. Мир. Образование. Семья. Секс...

Ходил я с блокнотом и записывал эти сумбурные речи юных мыслителей, некоторым из них было лет тринадцать, другим — шестнадцать. Американцы выглядели постарше наших — и дело тут не только в сытой ухоженности среднего жителя США, а в том, что Мэри, Дик,

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

И СНОВА ПРО СЕМЬЮ,

про счастье и неудачи

Льюис отважно рассуждали на темы, которые Мише, Наде и Денису были пока не по зубам. Надо сказать, что советских участников встречи отбирало Всесоюзное радио по рефератам, присланным в ответ на объявленный конкурс. Рефератов было много — несколько сотен, придирчивая комиссия отобрала лишь десятки, так что можно с уверенностью сказать, что в гостиницу «Молодежная» приехали умнейшие, сообразительнейшие школьники Советского Союза. И все же... Суждения их о проблемах семейной, сексуальной жизни были порой настолько наивны, что американцы, мне кажется, скорее готовы были подозревать переводчиков в плохой работе, чем предположить, что че-

ловек в шестнадцать лет может быть настолько неосведомлен в вопросах, которые завтра (а то и сегодня уже) встанут перед ним ребром. Впрочем, чему тут удивляться. Школа наша долгие годы полагала, что воспитывает каких-то бесполох граждан, практически не готовя их к семейной жизни. Ведь даже тот — весьма и весьма слабенький, тщедушный курс со сложным названием — ну, где про этику и психологию — пробивал себе дорогу в школу через такие препоны... Обидно!

Читая почту, которая пришла в «Пионер» от тех, кто откликнулся на разговор, затеянный в 11-м номере за прошлый год («Моя семья, когда я вырасту»), ловишь себя на грустной мысли: вот и эта девочка имеет абсолютный ноль информации, вот и этот мальчик робко спрашивает, а можно ли вообще обсуждать эти «взрослые» темы. Видно, что практически никто и нигде — ни в семье, ни в школе — и не пытается усадить за круглый стол, рядышком, отцов и детей, чтобы потолковать о Семье. Общего разговора не получается — а когда об этом говорят либо одни дети, либо исключительно родители (ну, на занятиях какого-нибудь педагогического лектория) — толку получается не очень много. Большинство авторов вовсе не считают своих родителей счастливыми людьми — и уж по крайней мере не собираются идти по стопам своих пап и мам. Критический взгляд — это, конечно, хорошо, только вот беда: маловато все же идей, а какой же хочешь видеть собственную семью? Какой НЕ хочешь — понятно. Вот он, перед глазами «антипример»: ссоры, скандалы, непонимание друг друга, вечная суетливая погоня за вещами, которые вовсе не прибавляют счастья. А если еще отец пьет... А если еще семья распалась, и остались лишь развалины, продувае-

мые со всех сторон ветрами озлобления...

«Я не хотела бы, чтобы моя будущая семья была похожа на ту, в которой я живу. Потому что, когда папа приходит выпивши, родители ругаются — он не сразу спит, я, конечно, не могу рассказать про отца все, но думаю, что не люблю его, а маму я люблю, и очень. Я представляю будущего мужа ласковым, добрым, чтобы любил детей, водил их гулять, чтобы был отцом своих детей».

Читаю, жалею эту четырнадцатилетнюю девушку: рад буду, если судьба подарит ей такую встречу — с ласковым и добрым. А если не подарит? Если и взрослая жизнь будет такой же печальной, как и детство? Как помочь ей, чтобы не ошиблась в выборе? А то ведь как будет. Не найдя взаимопонимания в семье — какое там взаимопонимание, если отец лыка не вяжет, а мать вконец издергалась? — девчонка будет искать хоть кого-нибудь, кому можно было бы выплакаться. И появится в ее жизни мальчик, пятнадцати ли, шестнадцати лет, тоже удравший из дому, и они поймут друг друга и подумают, что вот уже и произошла Встреча, и дай-то бог, чтобы через год-другой не наступило разочарования и опустошения души. Увы — из других писем, уже не в «Пионер» приходящих, а, скажем, в «Комсомольскую правду», знаю, что ласковые и добрые мальчики вовсе не обязательно превращаются в хороших отцов... Тот, который, выпив, не сразу засыпает, а мотает нервы окружающим — тоже ведь в детстве и юности был совсем иным. Иначе вряд ли его полюбила бы та измученная женщина, которая когда-то мечтала о детях и счастье. Что же такое потом произошло с этим мальчиком? Ни он не ответит, ни жена его, ни уж, тем более, дочь... семиклассница,

потому что на уроках ей про это не объясняют: мала еще. Я помню лишь единственный случай, когда мальчишка пятнадцати лет вступил в неравный бой с отцом-алкоголиком, в бой за него же, отца, и победил, хотя для этого ему пришлось, забыв, что маленький, перерыть горы литературы, узнать дорогу ко всем наркологам, имеющимся в городе... Но это скорее исключение, причем редчайшее. Основная часть обездоленных ребят находится в ситуации примерно той же, что и кролик, уже увидевший удава, но и попытки не делающий что-то такое предпринять. Ну — кролику простительно, он неграмотный, и у него в генетической памяти ужас перед удавами — а мы-то ведь люди, и что с того, что маленькие? Если нам доверяют читать Пушкина — а что есть в этом мире сложнее, чем Пушкин? — то уж литературу-то нарко-, сексо- и прочей логики, имеющей самое прямое отношение к нашей жизни, неужто нельзя освоить? Правда, вот беда, ты, наверное, даже и не слышал таких фамилий: Нейль, Эрхард, а если краем глаза и видел какие-нибудь журналы, скандинавским дошкольникам предназначенные, думал, что и листать их можно только быстренько-быстренько, в тайном уголке, в полутьме, чтобы ни мама, ни учительница... А то мама — хотя и плачет каждый день и не понимает, что половина проблем в семье от половой неграмотности — все-таки упорно держится за наивную, еще

бабушкой завещанную уверенность, что ничего ТАКОГО целомудренной девочке знать в тринадцать лет не положено. Увы...

«Я не хотела бы иметь такую семью, в которой живу сейчас. Мы мало интересуемся делами друг друга. Мало того, маме не нравится, что я увлекаюсь ансамблем «Модерн токинг» и то, что я без ума от солиста — Томаса Андерса. Она специально поливает на них грязь, хотя ничего об ансамбле не знает...

Такого мужа, какого я хочу сейчас, ни у кого и никогда не будет, так как я хочу, чтобы мой муж обладал всеми хорошими свойствами человека. Главой семьи я не хотела бы быть. Я девочка, в будущем женщина, не хотела бы брать на себя все тяготы семьи, пусть этим займется мой идеальный муж...».

Запрограммированная беда. Процентом на девяносто уже ясно, что не найдет девочка идеального мужа — в городе Хвалынске, откуда пришло письмо, Томасов Андерсов не водится. Да, кстати, на роль идеального мужа этот самый Томас ну просто никак не годится, что не умаляет его иных достоинств.

«Мне тринадцать лет, я учусь в седьмом классе. Много рассказывать о себе не буду. Ведущего положения в классе не занимаю, люблю научную фантастику. Мне нравится девочка из моего класса, я мечтаю о том, чтобы она стала моей женой. По моему мнению, у нас получилась бы вполне нормальная семейная жизнь. Я еще в десять лет дал себе слово никогда в жизни не пить и не курить. Я не хочу сказать, что я буду идеальным мужем. Но она почти не обращает на меня внимания. Я знаю ее полтора года, но за это время я понял, что в моем возрасте многие девчонки кажутся неповторимыми. И это правда. У меня в классе было два соперника.

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

Но они перешли в другие школы. С тех пор, мне кажется, она стала уделять мне больше внимания. Я предлагал ей дружбу, но она давала уклончивые ответы. Но, как сказал один человек, «если ты потерял деньги, ты не потерял ничего, если ты потерял друга, ты потерял половину, но если ты потерял надежду, то ты потерял все». Так что я надеюсь».

«Я не хочу, чтобы у меня была такая семья, потому что у меня нет ни сестры, ни брата. Не хочу, чтобы у меня был один ребенок, я эту скуку испытала на себе. Отца своих детей я представляю военным, добрым, красивым...»

«У меня очень хорошая мама. Конечно, нет людей без недостатков. Она очень любит читать мои письма, заметки. Ее можно понять, она следит за моим воспитанием, но это очень неприятно. Я бы хотела быть такой же матерью, с которой можно почти обо всем поговорить, но, по-моему, у меня это не получится. Папа — человек настроения. Накричит попусту и считает, что всегда кто-нибудь виноват, а не он. Не позволяет мне обращаться с ним даже немного на равных: например, сказать ему «привет!» Часто ходит и выискивает, за что бы накричать, обозвать меня. Часто это доводит до истерики. Но если настроение хорошее — это прекрасный человек. Обо всем можно поговорить, многое рассказать. Играет со мной (хотя я уже большая, но поиграть хочется). Я заметила — если мы втроем, то они, особенно папа, начинают покрикивать на меня, делать друг другу замечания, в общем, очень изменяются...»

Пишет девочка тринадцати лет: «Я хочу, чтобы моя семья была биархальной. Я не хочу, чтобы муж диктовал мне, как жить, но и брать всю ношу на себя и тащиться всю жизнь, как навьюченный осел, не хочу».

Читаю-читаю я почту «Пионера» и думаю — как же помочь ребятам? Наверное, хорошо бы перво-наперво добиться того, чтобы взрослые прочли эти письма-исповеди. Но ведь не все папы-мамы заглядывают в «Пионер»? А ты постарайся, чтобы заглянули. Наверное, некоторые родители будут недовольны, что мы цитируем вот такие письма — лучше бы, наверное, написать о счастливых семьях. Но уж что есть в нашей

журнальной почте, то и есть. Правда, вот если ты — или, еще лучше, вместе с родителями — напишешь и подаришь нам рецепт семейного счастья, будем благодарны. А то еще вот какую неожиданную акцию предприми. Добейся, чтобы разговор о современной семье зашел на родительском собрании — но так, чтобы и ребята в нем принимали участие. Правда, такой разговор надо хорошенько подготовить, причем вместе с самым умным из ваших учителей — ты ведь знаешь, кто у вас в школе из учителей самый умный, подойти к нему с этой идеей.

Заранее могу предсказать, что во время разговора, если он удастся, родится идея — почаще встречаться ребятам и взрослым, чтобы и говорить о самом сокровенном, и в походы вместе ходить, и расспрашивать друг друга — как это, например, удастся одной семье то, что иную в тупик ставит. И если ты проявишь упорство и будешь терпеть и учителей, и совет дружины, и комитет комсомола, то может у вас в школе родиться семейный клуб. Их в стране все больше возникает. Главная задача у них — ломать ту стенку, которая есть между ребятами и взрослыми, найти и общее дело, и такую тему для разговора, чтобы одинаково интересна была и тем, кто пока лишь размышляет о будущем, и людям пожившим, опытным.

Если такой клуб у вас заладится — пишите в «Пионер», мы подскажем, где, в каком городе неподалеку от вашего работают такие же клубы: можно опытом обмениваться, в гости ездить. Вместе с родителями.

А что касается советско-американских встреч и конференций — они теперь традиционными будут. Давайте-ка поднажмемся и, скажем, к 1990 году (а может, и раньше?) подготовим таких заядлых спорщиков по всем проблемам, чтобы не казались они маленькими и несмышлеными рядом с американскими подростками. Кстати, никто не мешает и тебе лично войти в эту группу. Надо только, чтобы твое следующее письмо в «Пионер» было уже не просто ответами на вопросы маленькой анкеты, а программой действий: что, на твой взгляд, нужно сделать, чтобы не было у нас в стране семей несчастливых. На конверте напиши: СЕМЬЯ.

Валерий ХИЛТУНЕН

Лето прошло

Дорогая Вероника,
Приезжай к нам погостить!
Тут у нас растет черника,
Поспевает земляника,—
В общем, есть чем угостить.

...Дорогая Вероника,
Приезжай, мы ждем давно.
Отошла уж земляника,
И кончается черника,
Но малины здесь полно!

...Дорогая Вероника,
Что ж не едешь ты никак?
Есть пока еще брусника,
Есть грибы в березняках...

...Дорогая Вероника!
Поезда летят, трубя...
Нет грибов. Сошла брусника.
Всюду пусто, всюду дико —
Очень плохо без тебя!

Тетушка Луна

Я возвращался из гостей,
В потемках шел пешком,
Вамною тетушка Луна
По небу шла бочком.

Я сел в трамвай, трамвай бежал,
По улицам кружа,
Над нами тетушка Луна
Скакала, дребезжа.

Тогда спустился я в метро,
Где ходят поезда,
Отстала старая Луна:
Ей не попасть туда.

...Усталый, прибыл я домой,
Вошел и в кресло — плюх!
В окошке полная Луна
Переводила дух.

мые со всех сторон ветрами озлобления...

«Я не хотела бы, чтобы моя будущая семья была похожа на ту, в которой я живу. Потому что, когда папа приходит выпивши, родители ругаются — он не сразу спит, я, конечно, не могу рассказать про отца все, но думаю, что не люблю его, а маму я люблю, и очень. Я представляю будущего мужа ласковым, добрым, чтобы любил детей, водил их гулять, чтобы был отцом своих детей».

Читаю, жалею эту четырнадцатилетнюю девушку: рад буду, если судьба подарит ей такую встречу — с ласковым и добрым. А если не подарит? Если и взрослая жизнь будет такой же печальной, как и детство? Как помочь ей, чтобы не ошиблась в выборе? А то ведь как будет. Не найдя взаимопонимания в семье — какое там взаимопонимание, если отец лыка не вяжет, а мать вконец издергалась? — девчонка будет искать хоть кого-нибудь, кому можно было бы выплакаться. И появится в ее жизни мальчик, пятнадцати ли, шестнадцати лет, тоже удравший из дому, и они поймут друг друга и подумают, что вот уже и произошла Встреча, и дай-то бог, чтобы через год-другой не наступило разочарования и опустошения души. Увы — из других писем, уже не в «Пионер» приходящих, а, скажем, в «Комсомольскую правду», знаю, что ласковые и добрые мальчики вовсе не обязательно превращаются в хороших отцов... Тот, который, выпив, не сразу засыпает, а мотает нервы окружающим — тоже ведь в детстве и юности был совсем иным. Иначе вряд ли его полюбила бы та измученная женщина, которая когда-то мечтала о детях и счастье. Что же такое потом произошло с этим мальчиком? Ни он не ответит, ни жена его, ни уж, тем более, дочь... семиклассница,

пи Марина БОРОДИЦКАЯ

Горожане

Где-то солнце встает из-за гор,
Где-то солнце встает из-за моря,
Наше солнце встает по утрам
Из-за крыши соседнего дома.
Длинным пальцем в окно погрозит:
«Эй, вы, там! Где вы там, горожане?
Днем проглянешь — вы небо коптите,
Утром встанешь — вы спите да спите...»

Где-то солнце садится за лес,
Где-то солнце садится за горы,
Наше солнышко ловко съезжает
Вниз по крыше соседнего дома.

Ноги свесит, присядет на край:
«Эй, вы, там, горожане! до завтра!»
Нас не балует солнце, но любит:
Пристрожит — потом приголубит.

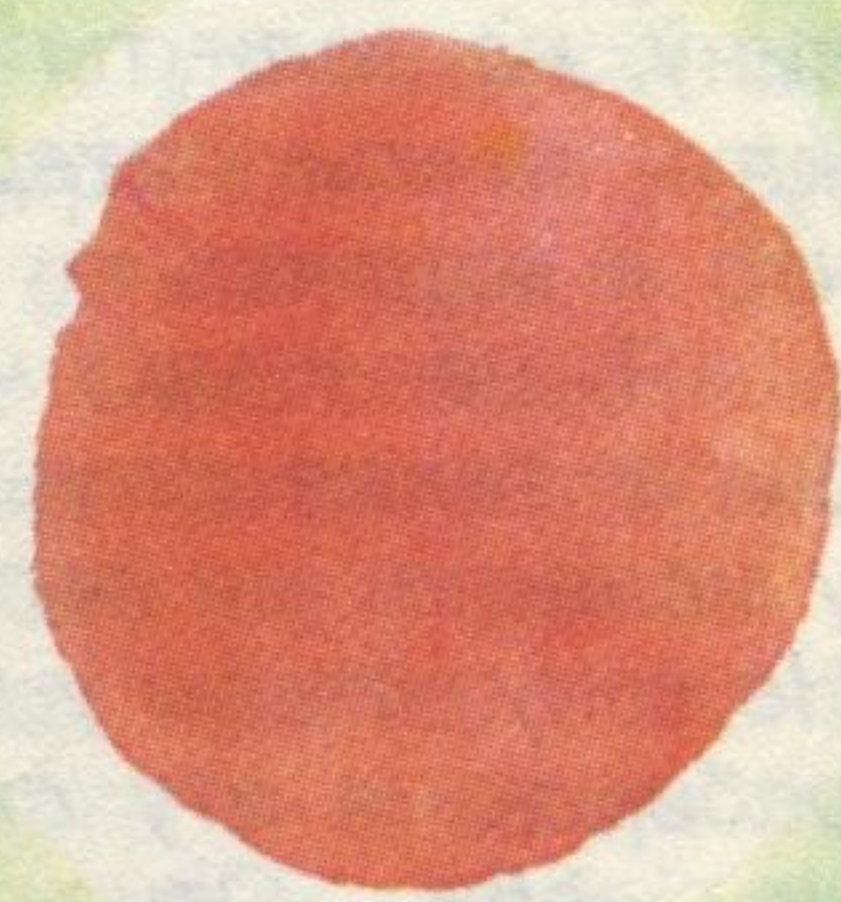
Художник

— Художник, смотрите, художник!
Пришел и сидит на пенке.
При нем голенастый треножник
И кисточка в правой руке.

За ним — гаражи и помойки,
А прямо — огромный закат,
Два стройных жирафа на стройке
Как черные тени сидят...

— Художник, смотрите, художник!
Сидит посреди пустыря...
Зачем-то сорвал подорожник,
Задумался — видно не зря!

И кто-то в квартире двухсотой
Соседу в окно помахал:
«У нас тут такие красоты —
Художники ходят, слыхал?»

В июле

В июле дворы опустели —
Лишь ветер скользит по белью.
Мальчишка присел на качели,
Вздыхнул, пересел на скамью.

Качели спросили: «Чего ты?
Влезай! — проскрипели они.—
Соскучились мы без работы,
Качайся хоть целые дни!

Ведь съедутся — станут толпиться,
Толкаться, покрикивать: «слазь!»
А нынче — куда торопиться?
Садись, налетаешься всласть!»

Но бродит мальчишка без цели,
Траву сандалетами мнет...
На что человеку качели,
С которых никто не столкнет!

Лето прошло

Дорогая Вероника,
Приезжай к нам погостить!
Тут у нас растет черника,
Поспевает земляника,—
В общем, есть чем угостить.

...Дорогая Вероника,
Приезжай, мы ждем давно.
Отошла уж земляника,
И кончается черника,
Но малины здесь полно!

...Дорогая Вероника,
Что ж не едешь ты никак?
Есть пока еще брусника,
Есть грибы в березняках...

...Дорогая Вероника!
Поезда летят, трубя...
Нет грибов. Сошла брусника.
Всюду пусто, всюду дико —
Очень плохо без тебя!

Тетушка Луна

Я возвращался из гостей,
В потемках шел пешком,
За мною тетушка Луна
По небу шла бочком.

Я сел в трамвай, трамвай бежал,
По улицам кружа,
Над нами тетушка Луна
Скакала, дребезжа.

Тогда спустился я в метро,
Где ходят поезда,
Отстала старая Луна:
Ей не попасть туда.

...Усталый, прибыл я домой,
Вошел и в кресло — плюх!
В окошке полная Луна
Переводила дух.

Рисунок В. ДУДКИНА.

СЕМЕРО СМЕЛЫХ

Сумерки. Лампа. Семейный альбом. Фотография из семейного альбома. Она — взгляд на время как бы через микроскоп.

Эта фотография 1938 года. В центре ее — Иван Дмитриевич Папанин. Что, читатель, имя кольнуло? Донесло из памяти далекое слово: «По-бе-да!..»?

...1937 год. 21 мая. Флагманский самолет Михаила Водопьянова уносил на Северный полюс первую высокоширотную экспедицию: И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, П. П. Ширшова, Е. К. Федорова...

Вот она — льдина, среди тысяч других льдин, — на которой жить, работать...

Начало июня. Необходимые грузы доставлены зимовщикам полностью. Прибыл «главный груз» — пес Веселый...

Начало научных исследований. Несколько раз измеряли дно Ледовитого океана: самый глубокий замер — 4290 метров...

Первое научное открытие — на большой глубине обнаружена теплая вода из Атлантического океана...

Первая радость — чайка над станцией. Значит, на Северном полюсе тоже есть жизнь!..

Позади девять месяцев рей-

да. Льдина преодолела две тысячи пятьсот километров, искрошилась, превратилась в обломки длиной 300 и шириной 200 метров. Папанинцы просят помощи...

Ледоколы «Мурман» и «Таймыр» пробиваются к зимовщикам...

А 17 марта 1938 года праздничная Москва встречала героев. На улицах порхали листовки с поздравлениями, музыка, смех, каждый попросту подходил к каждому, хлопал по плечу: «Папанинцы — представляешь? Молодцы!»

Среди тех, кто высыпал на улицы, был шестой «А» класс средней школы № 477. Хорошо делить радость со всем городом, страной, народом!

А кто только не хотел увидеть в те дни папанинцев, пожать им руки, посмотреть в глаза, задать единственный, самый главный вопрос: «Ну, как там, на Северном полюсе?» Кто только не хотел познакомиться с САМИМ Папаниным!

Прошло всего два дня после счастливого возвращения, Иван Дмитриевич отдыхал и никого не принимал. Но в дверь его квартиры в Большом Козловском переулке, недалеко от Красных ворот, позвонили, а за дверью стояли шесть пионеров и их старший пионервожатый. И Папанин не устоял, распахнул дверь: «Проходите, ребята!» За счастливыми «просочились» два фотокорреспондента, уже давно караулившие на лестничной площадке.

Вот так и появилась эта фотография.

Кто же эти семеро, которым так несказанно повезло? Они были отличниками, активистами класса. «Вот, — скажет читатель, — этим повезло, а другие что, рыжие?» Нет, не рыжие. Другие сами послали активистов на встречу с легендарным Папаниным. Они же заслужили, они же — представители класса...

Как сложились судьбы шестиклассников? Тех, на кого упал свет славы одного из первых советских героев и кого мы видим сейчас на второй фотографии?

Жизнь Вали Григорьева (слева от Папанина) была связана с морем, кораблями. Он окончил Военно-морское училище, служил штурманом на Балтике во время войны, в послевоенные годы был военным атташе в Италии и Дании. Вышел в отставку в звании капитана первого ранга.

Море стало судьбой и Измаила Полторжицкого: он служил на Дальнем Востоке, воевал с японскими милитаристами. Сейчас — начальник штаба гражданской обороны одного из предприятий Москвы.

Около Вали Григорьева старший пионервожатый школы № 477 г. Москвы — Алексей Кацнельсон.

Вероника Иванова (первая справа от Папанина) стала архитектором, Наташа Коридалина (рядом с ней) — пианисткой, объехала полсвета, Зоя Мурашова (возле Наташи Коридалиной) работала чертежником-конструктором, сейчас на пенсии.

Судьбы ребят — это судьба страны.

Слева направо: Валентин Герасимович Григорьев, Вероника Александровна Архангельская (Иванова), Наталья Яковлевна Черняк, Наталья Владимировна Коридалина, Зоя Васильевна Кислова (Мурашова).

А вот рядом с Иваном Дмитриевичем сидит Наташа Черняк, в чьей судьбе эта фотография через сорок три года сыграла роль «визитной карточки»...

Во время войны Наташа ушла добровольцем в Красную Армию, стала военной радисткой. После Победы закончила Московский университет, работала в одном из институтов Академии наук СССР.

Как-то Наталья Яковлевна узнала, что в Институте океанологии готовится очередная научная экспедиция на судне «Витязь» в районы Охотского моря, а затем Тихого океана. А надо сказать, что была у Натальи Яковлевны с детских лет мечта — попутешествовать по морю. И решила она эту мечту осуществить. Взяла фотографию, пришла к Ивану Дмитриевичу. Так произошла вторая встреча. По просьбе Ивана Дмитриевича Наталью Яковлевну включили в научный состав экспедиции. Больше двух месяцев посчастливилось Черняк провести в море.

А Иван Дмитриевич — каким он был человеком?

К кому тянулись люди, с кого хотели брать пример?

Можно перечислить его награды, посты, которые занимал, кратко изложить этапы яркой жизни. Но все же для сегодняшнего разговора мы выбрали анкету, на которую Папанин ответил. Ведь анкета — четкая правдивая характеристика человека (дается в сокращении).

«Любимое занятие (хобби; коллекция; отношение к охоте и рыбной ловле).— Чтение.

Раньше, когда позволяло здоровье, увлекался рыбной ловлей, был страстным охотником. В экспедициях, зная мою меткость в стрельбе, мне поручали охоту на медведя. Осуждаю хищническое истребление животных и приветствую решения правительства об охране природы.

Любимый герой.— Космонавт Андриян Николаев.

Любимые книги.— «Железный поток» Серафимовича, «Цемент» Гладкова, «Молодая гвардия» Фадеева, «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Любимый писатель.— Мой товарищ по гражданской войне Всеволод Вишневский.

Любимый путешественник.— Фритьоф Нансен.

Отличительная черта.— Энергичность. Не признаю вялых, тяжелодумов. Люблю, чтобы все решалось быстро, конкретно, по-деловому.

Что может рассердить.— Невыполненные обещания.

Недостаток, который внушает наибольшее отвращение.— Пьянство, так как пьяница теряет человеческий облик и становится животным, способным на подлость и преступление.

Ваш идеал человека.— Конечно же, Ленин.

Самый значительный день Вашей жизни.— 21 мая 1937 года — день высадки на Северный полюс».

Сумерки. Лампа. Семейный альбом. Фотография 1938 года...

О тридцатых годах сегодня много пишут, многое узнают.

Тридцатые — это победы и поражения. Радость и слезы. Фигуры и толпы. Великие начала и трагические концы. Это свет и тень. Тень и свет.

Но вот что удивительно: когда смотришь на фотографии того времени, читаешь письма того времени — жизнь представляется только на взлете, только на ликующем выдохе «Ура!», жизнь страны ощущается в одном, созидательном движении.

В тридцатые годы в нашей стране жили ликующие люди. Каждое дело — большое или малое — находило отклик в их сердцах. Новые города, перелеты через Северный полюс, рекордные надои молока от колхозных коров, фильмы, в которых снимались несравненные Любовь Орлова, Вера Марецкая, джаз Леонида Утесова — все воспринималось одновременно и как легенда, и как свое, близкое. Жизнь страны была личной жизнью каждого. Может быть, поэтому на фотографиях тридцатых — чистые лица, ясные улыбки, честные глаза?

Но ведь было же и другое — Сталин, репрессии, страх...

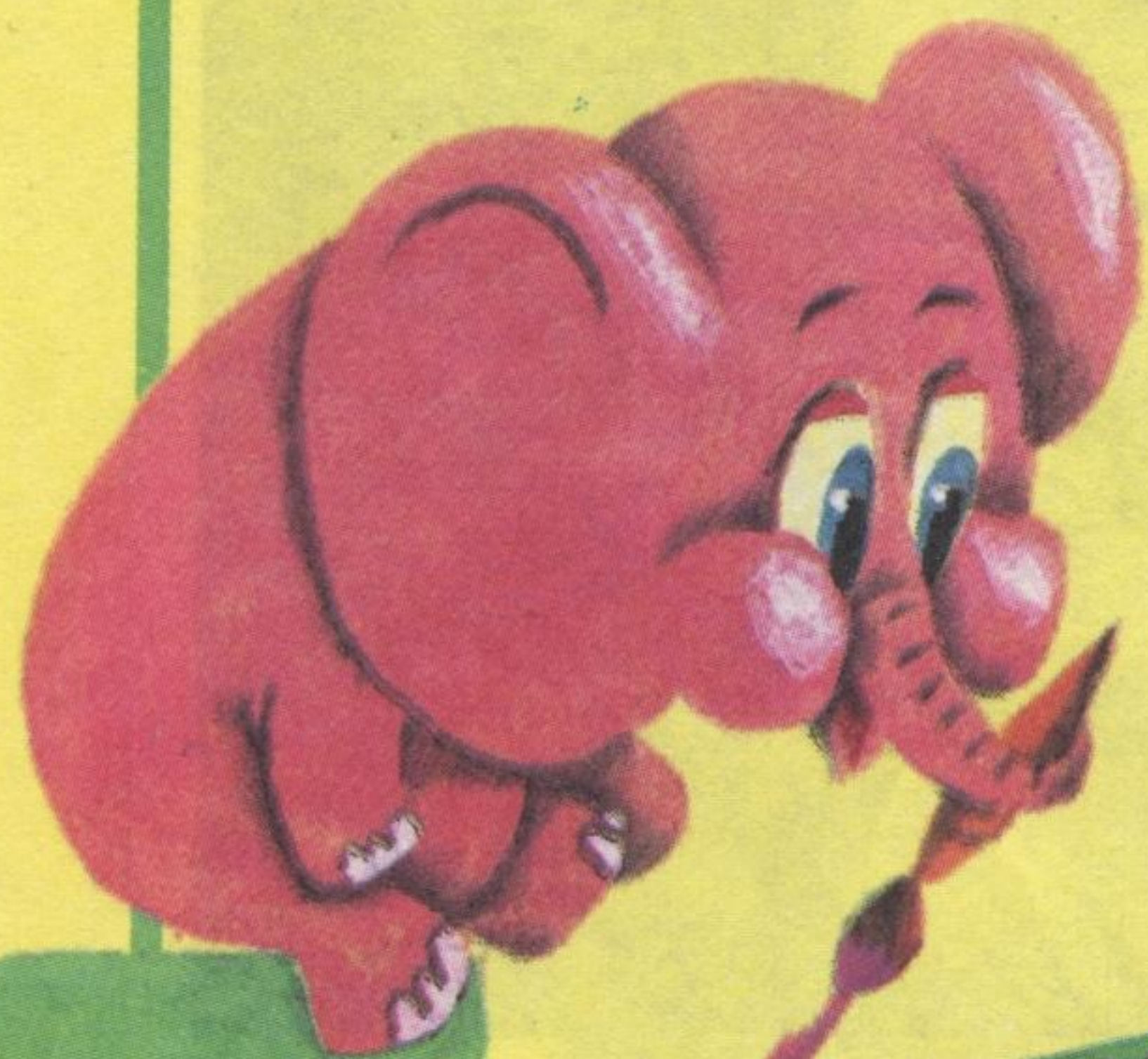
Свет и тень — они неразделимы, рядом. Они требуют знаний, неспешных размышлений, умного анализа и патриотического интереса. Правда, это тема уже для иного разговора, более вдумчивого, серьезного.

...Сумерки. Лампа. Семейный альбом.

Семейные альбомы — это история. История семьи, страны. Наша с вами история.

И. АНДРИАНОВА.

У НАС В ГОСТЯХ — ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

FRÖSI

Если спросить у школьников ГДР, что такое «ФРЁЗИ», то можно услышать очень разные ответы:

- О, «ФРЁЗИ» — это новые песни и игры!
 - «ФРЁЗИ» — это увлекательные рассказы и веселые стихи!
 - «ФРЁЗИ» — это сказки и загадки!
 - «ФРЁЗИ» — это статьи и репортажи о пионерских делах!
 - «ФРЁЗИ» — это забавные рисунки и захватывающие комиксы из номера в номер!
 - «ФРЁЗИ» — это слоненок Эмми!
- И это еще не все.

Так что же означает слово «ФРЁЗИ»? А это вовсе и не одно слово. Название журнала составлено из начальных слогов фразы «Фрёлих зайн унд зинген» («Веселись и пой»). Вот такое необычное название у журнала пионеров ГДР. Под стать ему и символ журнала — потешный слоненок Эмми, которого придумал и нарисовал художник Хорст Алиш. Эмми все время в делах и заботах — вместе с пионерами собирает макулатуру и сажает деревья, участвует в праздниках знаний и спортивных фестивалях, в конкурсах и играх. Он охотно откликается на приглашения ребят, путешествуя из одного конца республики в другой. Иногда, правда, случается ему попадать впросак, но он всегда относится к этому с юмором. «ФРЁЗИ» постоянно рассказывает о приключениях Эмми. И ребята настолько привыкли к нему, что обращаются в письмах к слоненку, как к реальному существу, без которого они уже просто представить не могут свой любимый журнал.

ДОРОГИЕ ПИОНЕРЫ-ЛЕНИНЦЫ!

Мы рады встретиться с вами на страницах журнала «Пионер». Ведь у «ФРЁЗИ» немало читателей и в Советском Союзе.

В августе 1988 года журналу пионеров-тельмановцев исполняется 35 лет. Так как наш юбилей совпадает по времени со слетом пионеров ГДР, а слет пройдет в Карл-Маркс-Штадте, то и день рождения журнала будет отмечен в этом городе. Пользуясь этой возможностью, мы хотим познакомить вас с городом VIII пионерского слета, а также рассказать о «Плотине мира», поскольку она тоже имеет отношение к слету.

Сердечно приветствуем читателей «Пионера» и обещаем выполнить пожелания всех ребят, которые захотят установить переписку с пионерами ГДР.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ФРЁЗИ».

«Frösi», Postschließfach 37,
Berlin, 1056, DDR

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Раньше у Карл-Маркс-Штадта было другое имя — Хемниц. Так называется река, на берегах которой он расположен. Хемниц был городом крепких революционных традиций, городом труда и рабочих, и поэтому ему 35 лет назад было присвоено имя Карла Маркса.

Есть три способа познакомиться с Карл-Маркс-Штадтом. Очень быстро можно это сделать, полистав путеводитель и купив несколько открыток с видами города. Быстро — совершив часовую поездку и посмотрев несколько достопримечательностей. И, наконец, обычный путь знакомства, но зато такой, который поможет все хорошенько рассмотреть и запомнить, — это побродить по городу.

В центре — красивый, уютный бульвар Брюль. Даже если вы не знаете города, рано или поздно вы все равно выйдете к бульвару, где можно полакомиться мороженым, сделать покупки или просто погулять.

Карл-Маркс-Штадт в последние годы стал довольно-таки известным городом. То тут, то там слышен многоязычный говор туристов из разных стран. Свободных мест в гостинице «Конгресс», а это корпус высотой девяносто метров, давно уже не бывает. Всех туристов, как магнитом, притягивает «окаменевший лес» — достопримечательность, равную которой, пожалуй, трудно сыскать. Во время раскопок была обнаружена целая роща высоких стволов, полностью покрытых кремниевыми отложениями. «Каменным» деревьям 250 миллионов лет. В музее неподалеку от бульвара Брюль можно ознакомиться с уникальной коллекцией древних окаменелостей.

Если вы не устали, можно пройтись еще по улице Наций, причем прогулка будет приятной в любую погоду: верхние этажи магазинов нависают над тротуарами; они защитят вас и от дождя в слякотную

погоду, и от солнечных лучей в жару. На каждом шагу попадаются маленькие кафе, множество фонтанов освежают улицы приятной прохладой.

В городе много скульптурных работ. Самая известная из них — памятник Карлу Марксу на центральной площади.

Здесь же — наш шестиугольный Штадтхалле, облицованный розовым порфиром, местной породой вулканического происхождения. Из порфира сложена и Красная башня — самое древнее здание площади. Башня эта была свидетельницей многих событий в жизни города — праздников, пожаров, мятежей.

Карл-Маркс-Штадт — один из крупнейших городов ГДР. В нем более трехсот тысяч жителей. По вечерам мигающие огни световой рекламы представят вам все, что создается их старательным трудом, —

текстильные и инструментальные станки, химические установки, спортинвентарь, лебедки, мебельный плюш и, конечно же, электронику, выпускаемую «Роботроном», который здесь называют попросту «Робертом».

В праздничные дни над городом разносится колокольный звон: звонари ратуши исполняют мелодию песни о рябине — самом красивом дереве здешних мест. В хорошую погоду вы можете подняться на смотровую площадку нашей старинной ратуши, откуда весь город виден, как на ладони.

О многом можно было бы еще рассказать. О том, что Карл-Маркс-Штадт университетский город и что

работы наших ученых известны всей республике. Что здесь живут всемирно известные спортсмены. А как не упомянуть о местном зоопарке, пионерской железной дороге или центре космонавтов «Зигмунд Йен» с блестящей серебряной ракетой, которая была установлена еще в 1964 году во время проходившего здесь V пионерского слета!

Вот в таком замечательном месте собираются пионеры ГДР на свою восьмую республиканскую встречу.

ГЕРД БИКЕР

Фотография Вернера ПОППА.

Эмблема VIII слета пионеров ГДР.

ПЛОТИНА МИРА

1080 метров над уровнем моря. Вряд ли высота горы Ауэрсберг покажется вам впечатляющей. Но у нас эта широкая, покрытая лесом возвышенность известна — ведь это вторая по величине вершина на территории ГДР. А главное — у ее подножия близ деревни Соза раскинулась водная гладь «Плотины мира».

«Мы неразрывно связаны с Созой!» — говорят жители Ауэ, Шнееберга, Шлемы, Лаутера и Йоганн-георгенштадта. И говорят это неспроста, потому что каждая капля чистой, прозрачной воды, которая струится из водопроводных кранов, поступает сюда из большого водного котлована, находящегося там, в горах.

В 1949 году, когда началось строительство, я работал лесничим неподалеку от деревни Соза.

Однажды, это было 21 мая, в дом буквально влетел мой старый знакомый, размахивая свежим номером газеты «Фольксштимме»: «Наконец-то они начинают строить плотину в Созе! У нас будет питьевая вода. Сюда приедет много людей, и здесь развернется большая стройка! А этим, — он похлопал по газете, — этим юнцам из Союза свободной немецкой молодежи будет поручено вести целый строительный участок. Ну и молодежь пошла нынче...» — В его голосе прозвучало недоверие и даже пренебрежение. Впрочем, забегаю вперед, хочу сказать, что мне довелось услышать от него последнюю фразу еще раз, когда плотина была построена и он открыл кран и наполнил ванну водой: «Ну и молодежь...» Только произнес он эти слова уже с уважением.

Через месяц после первого известия о стройке, 23 июня 1949 года, поздним вечером, уже после десяти, вдруг затрещал телефон. Звонили из группы ССНМ на строительстве плотины. Мне было сказано, что завтра, не позднее пяти часов утра, я должен быть в Гелленгрунде. Гелленгрунд — просторная долина, окруженная лесом, у подножия горы Ауэрсберг. Собирали всех, кто занимался корчеванием леса. «Но ведь завтра воскресенье», — возразил я. «Именно поэтому и приглашаем», — сказал позвонивший мне и повесил трубку. Моя жена решила, что этот поздний звонок — чья-то неумная шутка, и даже посовето-

вала не принимать его всерьез.

Наутро, едва начало светать, я отправился на мопеде в путь. Неожиданно я обнаружил, что за мной следует колонна грузовиков. Оторваться мне не удалось, и она сопровождала меня до самого Гелленгрунда. Когда машины остановились, из-под брезентовых укрытий на них стали спрыгивать люди в голубой форме с пилами, топорами и кайлами. Представитель ССНМ на стройке Сиги Граупнер подошел ко мне и сказал: «Пожалуйста, принимайте команду — три тысячи работников народной полиции прибыли на первый добровольный воскресник!» Столько народу

я еще никогда не видел в нашем лесу.

Это был первый длинный трудовой день на строительстве плотины. За ним последовала почти тысяча таких же дней, не короче.

Тем временем III съезд ССНМ объявил сооружение плотины «Первым центральным молодежным объектом ГДР». Отовсюду потянулись сюда строители. Многие объединялись в молодежные отряды. Кирками, мотыгами, лопатами корчевали они корни поваленных деревьев. По воскресеньям пешком и на грузовых машинах прибывали добровольцы, чтобы принять участие в «народной стройке № 1».

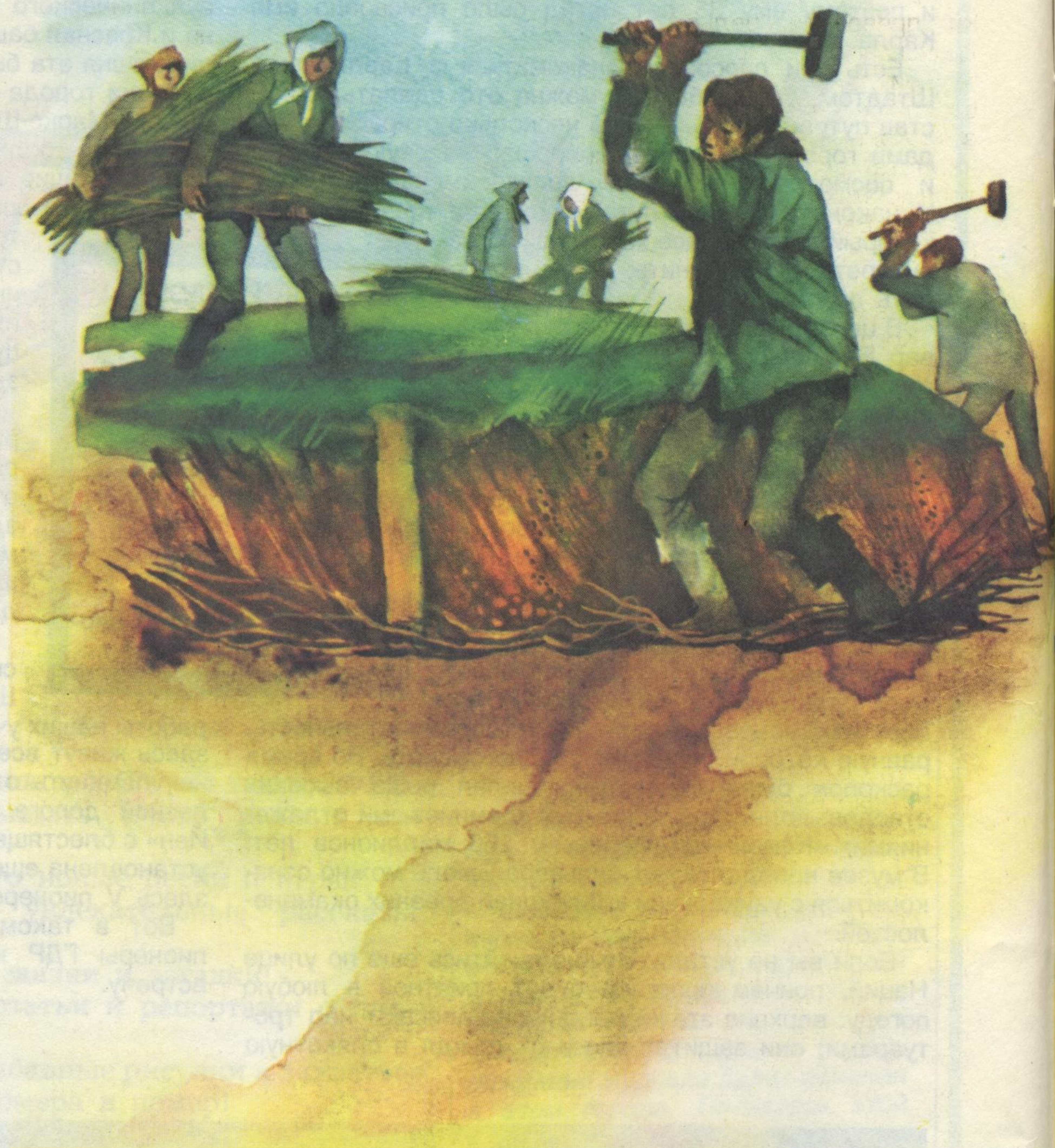

Рисунок Карла ФИШЕРА.

Тот, кто хотел оказать помощь, должен был привозить с собой свой инструмент, так как его не хватало. Со всех концов республики привозили рельсы, лебедки, краны, подъемные блоки. Откуда-то прислали даже паровоз, но он стоял на вокзале в Блауентале в нескольких километрах от стройки. Встал вопрос: как же эту многотонную машину доставить туда по шоссе? Выход нашли члены одной студенческой бригады. Они проложили рельсы на стометровом участке (на большее рельсов не хватало). Когда паровоз продвинулся по ним, путь позади него разобрали и перенесли рельсы вперед, чтобы локомотив смог одолеть еще несколько десятков метров. В конце концов паровоз добрался-таки до цели и смог неплохо послужить строителям плотины.

Гелленгрунд гудел, как муравейник. Около 1600 человек работали здесь постоянно. 24 тысячи становились их добровольными помощниками на несколько дней или часов. По канатной дороге прямо из каменоломни, расположенной в километре от стройки, доставлялись гранитные блоки.

Работы завершались поздней осенью 1951 года. Холода наступили рано. Раствор приходилось подогревать. Предварительно прогревались и камни в отапливаемых палатках. На улице термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля, а в палатках каменщики работали при комнатной температуре. И все было завершено в срок. 19 декабря 1951 года председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь передал плотину общественности и объявил, что отныне население окрестных сел и городов будет обеспечено водой.

Молодежный объект № 1 получил в народе название «Плотины мира».

Ну, а какое отношение плотина в Гелленгрунде имеет к VIII слету пионеров? Самое непосредственное.

14 августа 1988 года митингом мира у этой плотины будет дан старт слету. Отсюда начнется Марш мира пионеров округа Гера, направляющихся в Карл-Маркс-Штадт.

Манфред БЛЕХШМИДТ

ИЗ «ФРЁЗИ» РАЗНЫХ ЛЕТ

**«ФРЁЗИ»
появился
на свет,
когда
пионерская
организация
ГДР
не отметила
еще и своего
пятилетия.
Журнал рос
вместе с ней,
и на его
страницах
отражались
дела
и традиции
юных
тельмановцев,
история
детского
движения
в республике.
VIII слет
посвящается
40-летию
пионерской
организации
имени
Эрнста
Тельмана,
которое
исполняется
в конце
нынешнего
года.
Давайте
заглянем
в подшивки
«ФРЁЗИ»
разных
лет...**

● Четыре десятилетия назад, 13 декабря 1948 года, в центре Берлина, в полуразрушенном доме на Кроненштрассе состоялось заседание Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи, на котором было решено преобразовать детскую организацию при ССНМ в пионерскую. На заседание пригласили сто берлинских школьников и повязали им синие галстуки, которые члены ССНМ изготовили своими руками.

● В 1952 году пионерской организации было присвоено имя вождя германского рабочего класса Эрнста Тельмана, погибшего в концлагере Бухенвальд в 1944 году. Старших пионеров стали называть пионерами-тельмановцами, а их младших друзей, учащихся первых — третьих классов, — юными пионерами.

● В 1973 году, в связи с четвертьвековым юбилеем пионерской организации, отмечая ее заслуги в революционном воспитании подрастающих поколений, Центральный комитет Социалистической единой партии Германии предоставил пионерам-тельмановцам право носить красные галстуки.

● Ежегодно пионеры ГДР проводят «Неделю социалистической пионерской помощи». Собранные средства направляются во Вьетнам, Кампучию, Афганистан, Анголу, Эфиопию — туда, где дети сегодня нуждаются в помощи и поддержке. Одна из последних акций проходила под девизом «Дом для Карлоса, Рафаэлы и Лауры», а собранные деньги были переданы в фонд солидарности с детьми Никарагуа.

● Организовав акцию «Почтовая открытка», пионеры ГДР потребовали вернуть свободу Нельсону Манделе — видному борцу за права коренных жителей Южной Африки.

● У пионеров ГДР давние дружеские связи с пионерами Советского Союза. Еще в 1967 году в Москву прибыли три поезда дружбы с пионерами-тельмановцами и членами ССНМ. С тех пор взаимные поездки пионеров и школьников стали традиционными. Ежегодно в четырех поездах дружбы в СССР отправляется 1200 ребят из всех округов ГДР. И столько же советских школьников каждое лето посещают ГДР.

● Пионеры СССР и ГДР были инициаторами совместной акции пионерских организаций социалистических стран «Салют, мир!», которая посвящалась 40-летию победы над фашизмом и XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

● В школах ГДР действуют четыре тысячи клубов интернациональной дружбы, и большинство из них поддерживает прочные связи с советскими КИДами.

● В дни VIII слета пионеров в ГДР состоится международная конференция юных борцов за мир, в которой примут участие и советские пионеры.

● Сейчас пионерская организация ГДР объединяет в своих рядах свыше полутора миллионов ребят от семи до четырнадцати лет.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЕД

ЮНКОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА ПИОНЕР АВГУСТ 1988

ПАТЕНТ НА УДАЧУ

Пионеры школы № 1 города Хотьково Загорского района организовали кооператив, где шьют одежду — юбки, платья, блузки. На ярмарках солидарности ребята продают свои изделия, а деньги перечисляют в Детский фонд.

Андрей Макаров,
школа № 21, г. Загорск.

* * *

Из старого, заброшенного сарая, который когда-то был молочной кухней, пионеры нашего города сделали клуб для поклонников кино. Немало пришлось попотеть, чтобы привести этот сарай в приличный вид. Зато теперь там крутят фильмы, снятые самими ребятами, о флоре и фауне нашего края.

Марина Мельник,
ср. школа № 1, г. Алушта.

А ЧТО ЖЕ ВЗРОСЛЫЕ?

РЕПОРТАЖ

НЕТ ИМ ДЕЛА
ДО ИГРУШЕК

Мы вошли в небольшое здание из красного кирпича с вывеской «Загорский историко-педагогический музей игрушки». И почти сразу попали в экспозиционный зал.

Тут была загорская матрешка из 30 куколок... Швейцарская заводная игрушка «Сельский праздник»: механические человечки пляшут, играют и поют, механические птички порхают... Действующая корабельная пушка — игрушка Александра I... Едва мы углубились в изучение диковинных экспонатов, как... экспозиция закончилась. Неужели все?

— В музее 30 тысяч экспонатов, — объясняет нам научный сотрудник Виктор Алексеевич Соловьев, — но в экспозиции выставлены только две с половиной тысячи. Нам катастрофически не хватает места. Восемь лет просим у исполкома расширить помещение, но пока тщетно.

Жаль, что взрослые не играют, поэтому и нет им дела до музея игрушек, да и до игрушек вообще. Стоит только посмотреть на полки магазинов, чтобы в этом убедиться.

Юля Шумилина, Надя Зиновьева,
6-й класс, школа № 3, г. Загорск.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

С ПРАКТИКОЙ ТЕПЕРЬ ВСЕ ЯСНО?

«...Этим летом мы отработали три недели в колхозе. А теперь нас заставляют ехать в колхоз еще и осенью. Правильно ли это?»

Юля Закурдаева
г. Астрахань».

НАШ корреспондент Андрей МУХАНОВ, ученик 381-й школы г. Москвы, позвонил начальнику Управления по трудовому воспитанию, обучению и профориентации Министерства просвещения РСФСР Анатолию Павловичу КИСЕЛЕВУ и прочитал ему письмо Юли.

— Анатолий Павлович, летняя практика обязательна для учеников пионерских классов?

— Обязательна. 4—5—6-е классы должны отработать 10 дней, 7—8-е классы — 16 дней. Где и как будет проходить практика, решают исполкомы местных Советов. С будущего года в школах РСФСР у восьмиклассников практика будет отменена.

А вот работа в лагерях труда и отдыха — дело сугубо добровольное. В этом году разрешается работу в лагерях труда и отдыха засчитать в счет практики.

— А осенние работы в совхозах и колхозах?

— Отвлекать школьников от занятий во время учебного года не разрешается. Но если урожай гибнет, что же, дети будут сидеть? А потом жаловаться, овощей-фруктов нет в магазинах? Есть хороший выход из положения — отправлять школьников на сельские работы во второй половине дня или на 2—3 дня за счет концентрации занятий ОПТ.

Юрий ВИЗБОР

Милая моя

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны,
Пеплом несмелым подернулись угли костра,
Вот и окончилось все — расставаться пора.

Припев: Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною?

Крылья сложили палатки — их кончен полет,
Крылья расправил искатель разлук — самолет,
И потихонечку пятится трап у крыла,
Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Припев.
Не утешайте меня, мне слова не нужны,
Мне б разыскать тот ручей у янтарной сосны,
Вдруг сквозь туман там краснеет кусочек огня,
Вдруг у огня ожидают, представьте, меня!

Припев.
Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны,
Пеплом несмелым подернулись угли костра,
Вот и окончилось все — расставаться пора.

Припев.

ЗАВАЛИНКА

...РАЗМИНКА
ЗАКОНЧЕНА!

(Первое в жизни интервью)

«РАЗМИНКА в демонстрационной ванне закончена!» — пронеслось под величественными сводами бассейна спорткомплекса «Олимпийский».

— Ничего себе, корытце, — пробормотал я.

Я ждал Сергея Заболотнова, двухкратного чемпиона Евро-

пы, одного из десяти лучших спортсменов Советского Союза 1987 года, нашу надежду на олимпийское золото в Сеуле, чтобы взять у него свое первое в жизни интервью.

Тут появился парень в халате и махровых шлепанцах. Обычный такой парень, не страшный. «Вот на ком я потренируюсь, — решил я. — Тогда и с Заболотновым будет легче разговаривать».

— Слушай, парень, давай я тебе несколько вопросов задам.

— Давай.

— Значит, так: что ты любишь делать в свободное время?

— Спать.

— Так. Оригинально... Какую музыку ты больше всего уважаешь?

— Советскую и зарубежную эстраду.

— А «металл»?

— Я к нему равнодушен. Впрочем, как и к классике.

— Какой у тебя был самый любимый предмет в школе?

— Физкультура. Я с четвертого класса учился в школе со спортивным уклоном.

— А чего ты больше всего боишься?

— Собак. Как собаку встречу, кошки на душе скребут.

— А что ты в детстве любил больше всего? Кино? Мороженое?

— Веселиться, отдыхать, пожалуй... И проводить время на улице.

— Плаваешь?

— Да.

— С какой скоростью?

— Примерно пять километров в час.

— Ну-у, как черепаха...

— Попробуй сам, тогда и говори.

Тут кто-то крикнул: «Сергея! Заболотнов!» Парень ответил:

— Сейчас... Ну, все вопросы?

Над бассейном пронеслось в третий раз: «Разминка в демонстрационной ванне закончена!»

Вот это да-а, ванна ванной, но уж я-то точно сел в калошу!

Алеша Гришин, 9-й класс, г. Москва.

Номер готовили: Юлия Шумилина, Надя Зиновьева, Андрей Макаров из Загорска, Андрей Муханов и Алеша Гришин из Москвы. Помогал им студент II курса факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова А. Мухамедгариев.

Оформление П. САЦКОГО.

Перед Вами, уважаемый читатель, новая повесть Юрия Коваля — «Шамайка», в которой он рассказывает о трущобной кошке. И хотя эта история уже описана знаменитым канадским писателем Сетоном-Томпсоном, Юрий Коваль создал совершенно новое произведение. Это бывает не так уж редко. Например, когда-то давным-давно английский писатель Ю. Лофтинг написал книжку «Доктор Дулитл», о докторе, который лечил животных, а потом великий Корней Иванович Чуковский написал эту историю заново, и теперь «Доктор Айболит» существует сам по себе, хотя и имена похожи: там Барбара — тут Варвара, там обезьянка Ки-Ки — тут Чи-Чи, но дело вовсе не в сходстве, а гораздо серьезней.

В пятидесятые годы в Московском ТЮЗе я со своими товарищами поставил спектакль по пьесе Вадима Коростылева «О чем рассказали волшебники», и это была еще одна, совершенно новая история доброго доктора. Чтобы сразу было все ясно, автор пьесы написал для пролога такую песенку:

В английской сказке я — Дулитл,
А в русской — Айболит,
Ведь вы не скажете — «болитл»,
А скажете — «болит»...

И сразу становилось ясно, что история будет совершенно новой, отличной на этот раз от сказки К. И. Чуковского.

А еще через 20 лет, то есть совсем недавно, я обратился к писателю Юрию Ковалю с просьбой написать историю знаменитой королевской аналостанки для кино, и он написал эту новую повесть. Здесь история трущобной кошки стала совсем иной, потому что и жизнь сегодня совсем иная и у животных, и у людей.

Вы заметили, что собаки перестали гонять кошек, как это бывало раньше? Во всяком случае, теперь это происходит не так темпераментно, как в годы моего детства. Сегодня собака кинется за кошкой для приличия, кошка изогнет спину, пошипит, как оно полагается, почти формально — и все, инцидент исчерпан. Я слышал, что одна лиса не так давно устроила себе «логово» на территории курятника и не только не трогала кур, а, наоборот, не хуже любой сторожевой собаки охраняла «своих» кур и цыплят от любых врагов. Человек распространяется — животным жить становится негде.

Но главное, наверное, все-таки в другом. Главное в том, что Юрий Коваль так же, как и канадец Сетон-Томпсон, пишет

о животных, но делает это совершенно не так, а совсем по-другому. И если для Сетона-Томпсона очень важен сам факт, то для Юрия Коваля факт — только начало, а дальше начинается самое главное. Там, где Коваль шутит, — он грустит, там, где грустит, — он любит, там, где любит, — он защищает. Он ни на кого не похож, он добр, прост и при этом удивлен. Он любит природу, животных и детей — это его мир, это то, что он защищает.

В его повестях и рассказах наша добрая и мудрая мать-природа охраняется, как в знаменитой «Красной книге», но уже не столько законом, сколько любовью и искусством. И это, на мой взгляд, даже немножко лучше, потому что здесь природа и животный мир не только охраняются, но еще и сохраняются для людей. Навечно сохранен маленький рыцарь свободы недопесок Наполеон Третий или озорник медведь, который хоть и, как говорится, «нечист на лапу», но это больше из озорства. И мыши, и птицы, и всякая другая живность, и картофельная собака — единственный экземпляр особой породы, выведенной самим писателем, которую можно было бы назвать — «дворянка-хулиган, добрый». И деревья, и луга, и травы, и кленовый лист, который осенью «особенно молодец», и простое русское слово «яшень», даже сам лесной воздух живут в книгах Юрия Коваля, как какой-нибудь дух лесной.

Можно сказать, что Юрий Коваль создал свою «красную книгу», которая сохраняет природу, животных и детей, как самую главную ценность жизни. Он певец доброты, естества и фантазии. Я, конечно, упрощаю. Хороший писатель никогда не укладывается в какие-то определения, тем более Юрий Коваль. Но я твердо знаю одно: таких писателей мало, они очень редки. Их самих надо записывать в «красную книгу», а то совсем переведутся и исчезнут.

Пора, пора создать книгу не только для животных и растений, но и для настоящих художников слова, кисти, сцены, экрана...

Пока Вы будете читать «Шамайку» Юрия Коваля, я буду снимать по этой повести свой новый фильм, только может случиться, что в переводе на экран получится еще одна, совершенно новая история.

Уважающий Вас и откровенно любящий писателя Юрия Коваля Ролан Быков.

Господину
Эрнесту Сетон-Томпсону
и
маэстро Ролану Быкову,
живущим в разном времени
и смысле,
умудрился посвятить
автор эту повесть.

Глава 1. Рваное Ухо

Свирепый и кривозубый, какой-то разлапистый Полубульдог рвался с цепи.

Он уже не то что «лаял» — это мягко сказано — он выворачивался наизнанку, разевая свою рябую пасть. Цепь, натянутая до предела, перехватила полубульдостью шею. Стоя на задних лапах, передними он бестолково молотил воздух, напоминая полубоксера в человеческом смысле этого слова.

В пяти сантиметрах от его носа лежал на земле огромный черный кот-пират по прозвищу Рваное Ухо.

Кот спал сладко и спокойно. Он давно рассчитал, точно вымерил длину и прочность цепи. Рев и сип Полубульдога его убаюкивали. Он спал, прекрасно понимая, что убивает сразу двух зайцев, хотя и думал больше о кроликах. Во-первых, он был под охраной Полубульдога, и никто на него не мог напасть. Во-вторых, своим спокойным сном он мстил старому врагу за былые подлые поступки. Это большая редкость, чтоб кто-то кому-то мстил сном. Да, да, чтоб кто-то спал и этим сном кому-то мстил — такое на земном шаре встречается редко. В истории мщений такие случаи пока не отмечены.

Полубульдог совсем потерял голову и голос, и если уместно сравнивать собак с чайниками, то это был уже выкипевший чайник, чайник, кото-

рый выклокотался, простите за это непроизносимое слово, чайник, который начинал плавиться на углях. Он — чайник — должен был вот-вот скончаться, глаза его выкатились из орбит, он посинел. Тут и послышался далекий голос:

— Мяяяу! Мяяяу!

Кот приоткрыл пиратский глаз, шевельнул рваным ухом, потянулся, просыпаясь.

— Мяяяу! — доносилось издали, но это «мяяу» кричал человеческий голос и добавлял к этому «мяяу» еще один очень и очень кошачий и вкусный звук: «со!» Получалось:

— Мяу-со! Мяу-со! Мясо!

Пират Рваное Ухо окончательно проснулся, выгнул спину, презрительно фыркнул в рожу Полубульдогу, плюнул ему в правый глаз и побежал на крик:

— Мяусо! Мяусо!

Глава 2. Господин Ливер

— Мяяясо! — орал человек, измазанный сажей, орал и катил по закоулку деревянную тележку, из которой валил неопрятный и жирный пахучий пар.

Кошки сиамские и сибирские, тигровые и черепаховые, кошки трактирчиков и бакалейщиков сбегались на его голос, выныривая из дворов и подворотен. Они бежали за тачкой, и, как только

их собиралось достаточно, тачка останавливалась. Грязноватый господин доставал из тачки вертел, унизанный кусочками вареной печенки. Длинною двузубой вилкой спихивал печенку с вертела, и кошка, схватив кусок, с урчанием бросалась прочь, чтоб насладиться варевом в одиночестве.

Наглый рыжий кот вспрыгнул на тачку, но тут же получил вилкою по ушам и слетел на землю.

— Тебя и хозяин накормит, — ворчал на рыжего ливерщик. — У него на скотобойне печенки хватает.

Белая кошечка с розовым носиком потихоньку прорывалась к печенке, но ливерщик саданул ее сапогом.

— Хэлло! — крикнули ему из окна. — Хэлло, господин Ливер!

Рыхлая дама в заспанном халате недовольно взирала со второго этажа.

— Хэлло! В чем дело?

— За две недели не плочено, мадам Дантон, — поклонился ливерщик. — С вас двадцать центов.

— Хам! — возмущенно ответила она, бросила в окно монетку, которую господин Ливер ловко поймал шляпой, а мадам долго еще повторяла в глубинах полуспящего дома:

— Подумайте, девочки, двадцать центов! За тухлую печенку!

А кошечка с розовым носиком, которую, кстати, звали Молли, всхлипывала в сторонке и, наконец, получила свой кусок. Обливаясь слезами, схватила она печенку, побежала к забору, и тут из какой-то дыры вырвался пират Рваное Ухо. Он вцепился Молли в горло, и она выронила ржавый кусок, отбиваясь от бандита. Тут из проулочка явилась серая и грязная ободранная кошка-трущобница. Она ловко подхватила печенку, скользнула под калитку, перескочила через задний забор и тут остановилась. Быстро и жадно проглотила она неожиданную удачу и неторопливо, окольными путями отправилась к свалке, где на дне старого ящика из-под сухарей ее поджидали котята.

Послышалось жалобное мяуканье. Серая кошка рванулась к ящику и тут увидела черного пирата, который терзал ее котят. Ослепительный гнев вспыхнул в ее глазах, страшной сделалась серая кошка, и она бросилась на пирата. Кот Рваное Ухо, застигнутый на месте преступления, в ужасе рванул прочь.

Черный кот-пират Рваное Ухо, который поначалу показался нам симпатичным, был все-таки порядочная сволочь, и это явление еще встречается в среде бродячих котов.

Глава 3. Тайна имени

Уцелел один серый котенок с черными полосками на спинке, с белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста. Целыми днями сидел он в ящике из-под сухарей, а серая мамаша шарилась по мусорным кучам, разыскивая селедочные головки и картофельную шелуху. Все это она тащила в ящик из-под сухарей, который, надо сказать, был замаскирован очень хорошо. С одной стороны он был завален щебнем, с другой зарос глухой крапивой, человеку пробраться сюда было трудно.

Иногда серая кошка бегала на пристань. Сюда приходили рыбацьи шаланды, здесь удавалось порой схватить рыбешку, которая вывалилась из ящика.

Как-то раз два рыбака, разгружавшие шаланду, заметили голодную трущобницу.

— Смотри-ка, Сэмми, — сказал один, — она, пожалуй, зарабатывает даже меньше нашего.

Старый грузчик Сэмми выбрал из ящика приличную рыбку.

— Кис-кис-кис! — сказал он. — Фрида, Фрида, иди сюда, Фрида!

Кошка остолбенела. Имя ей никто никогда не давал, у нее просто не было никакого имени. Не было, не было, и все-таки было. Оно взялось откуда-то с неба, и старый грузчик угадал его внезапно и неожиданно. Черт знает, откуда он его выкопал, из каких вытащил закоулков памяти?!

— Фрида, — позвал он и бросил ей весьма приличную рыбку.

Кошка-мамаша была потрясена. Ее впервые в жизни назвали по имени да еще подбросили цельную рыбку. Это был, наверное, самый счастливый день в ее жизни.

Она схватила рыбку и побежала к ящику из-под сухарей.

Тут и объявился Полубульдог, которого к вечеру хозяин спускал с цепи. С ревом кинулся он на Фриду, нашедшую свое имя и рыбку, вырвал рыбку и проглотил, и кошка, у которой осталось теперь только имя, побежала обратно на пристань. Полубульдог гнал ее до самой воды, и она вскочила на судно, то самое, с которого разгружали рыбу.

Послышался стеклянный звук — это матросы ударили в рынду — медный корабельный колокол.

— Отваливай! — послышалась команда, и рыбацкая галоша отвалила от берега, и кошка Фрида отплыла в далекие края, увозя с собою тайну своего имени.

Глава 4. Рыжая дама

Не дождавшись матери, котенок вылез из ящика и стал рыскать по мусорным кучам. Он обнюхивал все, что казалось съедобным: рваные ботинки, битые банки, колесо от телеги. Но все это было совершенно несъедобным, и в особенности почему-то колесо от телеги. Он пожевал подорожник и вдруг почувствовал запах, острый и едкий, который шел снизу. И он увидел деревянные ступеньки, ведущие в подвал, и ступил осторожно на эти ступеньки.

Он услышал звуки — странные звуки, которые неслись из глубины земли, куда он спускался, и удивлялся, что из глубины земли могут доноситься такие звуки.

А это пели канарейки, потому что здесь в подвале была лавка продавца птиц японца Мали. И над входом в лавку висела вывеска:

«ГОСПОДИН ЯПОНЕЦ МАЛИ.
ПРОДАЖА ПТИЦ, ЗВЕРЕЙ И КАНАРЕЕК.
Токио».

И котенок увидел множество клеток, а в них удавов и кроликов, обезьянок и канареек, нутрий и морских поросят. Они пели и пахли, фыркали, спали и рычали изо всех углов.

А в одном углу сидел на ящике негр. Он заметил котенка и с интересом следил, что будет дальше.

Котенок миновал несколько клеток с кроликами, которые не обратили на него внимания, и подошел к широкой решетке, за которой сидела лисица. Рыжая дама с пушистым хвостом припнула

шаланду,

она, по-
го.

ика при-

Фрида,

когда не
мени. Не

сь отку-
внезапно

выкопал,

ма при-

впервые
бросили

ый сча-

дику из-

к вече-

ся он на

вал рыб-

лось те-

ристань.

на вско-

згружа-

матросы

колокол.

и ры-

а Фрида

о тайну

из ящи-

обнюхи-

ботинки,

то было

почему-

рожник

й, кото-

ступень-

на эти

которые

ускался,

т доно-

в подва-

и. И над

ЕЕК.

а в них

нутрий

ыркали,

заметил

дальше.

ролика-

и, и по-

ела ли-

иникла

к полу в самом дальнем углу клетки. Глаза у нее загорелись.

Котенок приняхивался к решетке, просунул голову в клетку и сам пролез следом, и двинулся к миске с едой. И в тот же миг лисица кинулась на него, встряхнула, и тут бы кончилась кошачья судьба, если б в дело не вмешался негр. Выпучив губы, он вдруг пустил в морду лисицы такой смачный, звучный и точный плевок, что та выронила котенка и забилась в угол, мигая от страха.

Глава 5. Японские обычаи

Негр Джим любил жевать табак под названием «Читаного-Чуча», который и помогал ему в делах наплевательских. Да, Джим по характеру был такой человек. Он плевал на всех и на все и в прямом, и в переносном смысле. А так-то он был добряк. Он налил малышу молока в блюдце, и скоро котенок уже мурлыкал на коленях у негра.

Вокруг них чирикали канарейки, шуршали и хрустели в клетках кролики, тихо скулила оплеванная лиса, а они сидели и мурлыкали. Котенок мурлыкал своим кошачьим нутром, а негр большим и грубым носом.

Тут звякнул колокольчик, и в лавку вошли сразу два господина. Один — в цилиндрической шляпе, другой — в клетчатом картузе. В цилиндрической шляпе был покупатель, а в картузе — хозяин лавки.

Господин японец Мали вовсе не был никаким японцем. Он просто-напросто нарочно так прищуривался, чтоб все думали, что он с острова Хоккайдо. Господин Мали еще в детстве слышал, что японцам больше платят, с тех пор он и начал прищуриваться.

— Послушайте, господин Тоорстейн! — воскликнул японец, сильно прищурившись. — Послушайте, в моей лавке имеется превосходная лиса! Отменный экземпляр! Для вас со скидкой!

— Лиса? — переспрашивал господин Тоорстейн, покачивая цилиндрической шляпой. — А на кой же пес мне лиса?

Тут японец сделал господину доверительные знаки и сказал почти шепотом:

— Лисы, дорогой сэр, лисы в клетках украшают нашу жизнь.

— Вы думаете? — усомнился господин Тоорстейн. — Первый раз слышу.

— Во всех высоких домах имеются лисы, — шептал японец. — И в прямом, и в переносном смысле. Вы меня понимаете?

— Я-то вас понимаю, — сказал господин в цилиндре. — Понимаю в переносном смысле, а в прямом мне нужен кенар.

— И кенара возьмете, и кенара! Вот вы представьте себе. Наверху, в клетке, поет кенар, а внизу, в другой, — лиса. И вот лиса смотрит на кенара и облизывается, а он поет! Смех, и все! Самое смешное, что они оба в клетках! Понимаете? У нас, у японцев, это называется икебана!

— Да нет уж, — защищался господин Тоорстейн. — Японские обычаи я чту и уважаю, но с лисой пока не будем торопиться, давайте кенара.

— О? — сказал японец. — Есть очень хороший поющий товар, но, поверьте мне, очень дорогой, привезен прямо с Канарских островов. Ему только скажешь: «тю-лю-лю» — тут он и отвечает.

И японец Мали совсем прищурил глазки и сказал канареечным голосом:

— Тю-лю-лю-лю-лю-лю!

И кенар немедленно дернулся, встал в позу и запел. Он действительно пел очень хорошо, заливался, и было видно, как ходит в его горле канареечная горошинка.

Господин Тоорстейн долго слушал кенара, потом они торговались, выбирали для кенара изумительной красоты клетку с цейлонскими колокольчиками, пробовали на вкус канареечное семя, причем японец кричал: «Отличное семя! Я могу хоть два кило сразу съесть!» — и жевал, жевал это семя и глотал его с наслаждением нарочно, чтоб завлечь господина Тоорстейна в болото больших платежей, и завлек, и, когда господин расплатился и ушел с кенаром, японец снял кепку, вытер пот, сел на табурет и сказал:

— Фу, черт, устал, как собака. Не знаю прямо, Джим, что делать с этой лисой? Никто не хочет покупать. А надо бы продать ее поскорее, боюсь, сдохнет.

— Не бойся, маса, — ответил негр, — это крепкая лиса. Она хочет есть, значит, не сдохнет. Только что чуть было котенка не сожрала.

— Какого котенка? — спросил японец и только сейчас заметил на коленях у негра мурлыкающее дитя трущоб.

— Откуда он взялся?

— Сам пришел.

— Ну если сам пришел, пускай у нас и живет. Доброму гостю у нас почет. — И японец погладил трущобного котенка.

— Садись, маса, рядом, — сказал негр. — Давай будем сидеть и гладить котенка.

— Давай.

И так они сидели и гладили котенка, и японец говорил:

— Если дело хорошо пойдет, мы скоро разбогатеем. Я-то, Джим, мечтаю слонами торговать.

— Сосед наш, господин У-туулин, купил быка, — рассказывал негр. — Здоровый бык и очень бодучий. Роги во!

И негр широко растопырил руки, показывая быка.

Глава 6. Холодная атмосфера

Тут снова звякнул колокольчик, и в лавку спустилась некоторая дама. Высокая и мосластая, худая и грязноватая, это и была подруга господина японца с тихим и лижущим именем Лиззи. При ласковых стечениях обстоятельств японец будто облизывался, с удовольствием растягивал букву «з»: Лиззззззи...

— Продам лису?

— Пока не удалось, голубушка Лиззи, — ответил японец, жмурясь. — Десять долларов давали, — врал он. — Но я стою на своем. Двадцать, и никаких скидок!

— Десять давали, и ты не продал? — изумилась Лиззи. — Ну и дурак, а еще японец! А это кого вы гладите?

— Мы гладим котенка, — ответил японец, и тут они с Джимом стали гладить особенно вдумчиво.

— Зачем нам трущобный котенок? — спросила Лиззи. — Какая в нем выгода? Пускай Джим бросит его на двор скобяного склада. Хватит и того, что лиса воняет на весь дом, не хватало еще блох трущобных!

— Я не понимаю, Лиззи,— говорил японец в тот же вечер, укладываясь спать,— я не понимаю, как у тебя любовь ко мне сочетается с такой нелюбовью к животным.

— Сочетается, и все,— мрачно отвечала Лиззи, взбивая подушки.— Наверно, ты единственное животное, которое воспринимает мое сердце.

— Но ты глубоко не права, что выгнала этого котенка,— объяснял японец, разворачивая газету и натягивая на нос очки.— Вот смотри, что пишут в газете «Старый натуралист»: «Кошачий мех нынче снова в цене, и многие предприимчивые люди выращивают кошек на мех. Чтобы выращивать кошек на мех, необходимо соблюдать два условия: жирная пища и холодная атмосфера». Надо было нам оставить этого котенка и вырастить его на мех.

— Жирной пищи нам самим не хватает,— ворчала Лиззи, кутаясь в одеяло,— а холодную атмосферу я могу тебе устроить прямо сейчас.

И тут она принялась сталкивать японца с кровати.

— Иди, иди,— толкалась она.— Иди на холодную атмосферу.

Глава 7. Брэдбери

Ничего противнее, чем бросить котенка во двор скобяного склада, дурацкая Лиззи придумать не могла. И негр Джим напоследок как следует накормил малыша и отнес его совсем в другую сторону. Но котенок каким-то образом развернулся, прошелся, прогулялся и попал все-таки как раз во двор скобяного склада.

Хозяин скобяного склада по имени У-туулин, кроме огромного количества одинаковых букв в своем имени, имел немало ящиков со скобами, замками, крюками и гвоздодерами. Ящики эти лежали во дворе, их-то и охранял неприятный Полубульдог Поль. Да, его звали Поль, и совершенно непонятно, какая извилина шевельнулась в мозгу почтенного У-туулина, когда он давал эдакой образине столь достойное имя. Впрочем, У-туулин имел еще и рыжего злобного кота по имени Христофор. Это уже шевельнулась другая извилина, которую можно оправдать только тем, что это имя завез в Америку Колумб.

А совсем недавно господин У-туулин купил быка. Зачем он купил быка — мало кому известно, но сам У-туулин рассуждал, что бык — это целый курган ростбифов и холм котлет. И еще он рассчитывал иметь от быка могучий приплод.

Быка господин У-туулин назвал Брэдбери, и тут, мы считаем, шевельнулась самая плодотворная из извилин почтенного скобаря. На этот раз он попал в точку. Имя подходило быку.

Вот в какую компанию попал трущобный котенок, когда прополз под забором во двор скобяного склада. А во дворе росли одуванчики, и котенку это понравилось. Он стал разгуливать среди одуванчиков, нюхать их и всячески наслаждаться жизнью. Он здорово наелся в лавке японца, животик у него вздулся, и котенок с удовольствием влачил свой животик по одуванчикам.

Тут и объявился рыжий Христофор, сокращенно Крис.

— Это кто тут давит мои одуванчики?! — закричал он и навалился на обжеванного котенка с оплеухами. Крис шипел и фыркал, и перепуганный котенок кинулся в сторону. Полубульдог взревел, загремел цепью, разинул кривоzubую пасть, и ко-

тенок кинулся под ноги быку. Тут и должны были его немедленно затоптать, и бык Брэдбери уже поднял страшное копыто, но опускать его пока не стал.

— Я вижу, что его все гонят и клянут,— рассуждал бык.— Зачем мне ввязываться в это зверское дело?

И бык спокойно опустил копыто на траву, и котенок улегся в бычьей тени под его ногами.

А когда рыжий Крис с приятелем своим Полубульдогом хотел сунуться туда же, в бычью тень, Брэдбери взревел, наклонил страшную курчавогладкую каменистую башку и направил рога на Криса с приятелем.

Это был первый случай в истории мирового натурализма, когда крупный рогатый скот защитил представителя семейства кошачьих.

Глава 8. Воробьи и тигры

А котенок плавал по течению ветра.

Он подставлял под ветер нос, выбирал какое-то его течение и плыл по этому течению, которое приводило его, как правило, к очередной помойке.

Целыми днями шарил он по трущобам, наслаждаясь отбросами, а воду пил из бочки, что стояла под водосточной трубой. Он пил из бочки, поменьку подрастая.

Однажды возле бочки он заприметил воробьев. Воробьи налетели стайкой, попили из бочки и принялись купаться под бочкой в пыли, хотя этим трущобным птишкам недурно было бы искупаться и в самой бочке.

Котенок припал к земле и пополз к воробьям. Он таился за подорожниками, и только хвост его, как полосатый цветок, выглядывал из травы. Он полз к воробьям, понимая, что он невидим, но на самом деле это он сам не видел ничего, а его видели двое: негр Джим и японец Мали. Они сидели на лавочке за бочкой и наблюдали за его охотничьи-ми наклонностями.

— Помнишь этого котенка, маса? — спросил негр.— Это тот самый, которого чуть лиса не сожрала.

— Красивая масть,— подтвердил японец.— Я его еще хотел на мех выращивать. А это кто?

Воробьи купались в пыли, котенок подкрадывался к ним, а с другой стороны торчал из травы другой кошачий хвост-цветок. Это полз к воробьям черный пират Рваное Ухо.

Коты прыгнули на воробьев одновременно, воробьи прыгнули в воздух, но котенок все-таки вцепился в воробья. Но это ему только казалось, что он вцепился в воробья. На самом деле он вцепился в морду пирату.

Кот Рваное Ухо от неожиданности пришел в ужас, и слезы брызнули у него из глаз. И он уже хотел задать стрекача, умчаться вскачь, унести стремглав, ему показалось, что воробей превратился в тигра. Но тут же он проморгался и понял, что с тигром он мысленно поторопился. Шерсть у него встала дыбом, он взревел, поднял в воздух страшную лапу, чтобы пришибить котенка на месте, но тут послышался протяжный пронзительный звук — это негр готовился плюнуть. И плюнул-таки на десять шагов и попал

в морду пирату. Сила плевка была такова, что кот повалился на бок. И тут уж он подскочил и задал все-таки стрекача, умчался вскачь, унесся стремглав.

Японец и негр хохотали, хлопая друг друга по коленям.

И тут следует отметить, что мысль о тигре пришла в голову не только коту-пирату.

— Прямо тигренок, — сказал японец.

— Нет, — заметил негр. — Это скорее серый барс с голубыми глазами.

— Поймай-ка его, Джим.

И негр протянул в воздух пустую руку и сказал: «Кис-кис-кис».

Трущобный котенок не понял, что такое «кис-кис-кис», он попятился к забору, а негр пошел за ним, протягивая руку, в которой ничего не было, кроме сложенных пальцев.

Котенок повернулся к нему хвостом и нырнул в дырку, негр перескочил забор, котенок — в другую дырку, негр — через другой забор, котенок спрятался в бочку, которая валялась на боку.

— Попался, — сказал негр и перевернул бочку, а у нее не было дна, и котенок оказался во дворе скобяного склада.

Негр перескочил и через этот забор и увидел быка.

Бык Брэдбери наклонил свою страшную башку и угрожающе замычал на негра. А под ногами у быка прятался в тени котенок — серый барс с голубыми глазами.

Глава 9. Первое попавшееся под руку

Кот-пират Рваное Ухо был глубоко оскорблен негровским плевком. Конечно, его гнали, в него кидали камнями и косточками олив, его обливали помоями, но вот так прямо плюнуть ему в морду — этого в его жизни еще не было. Кот долго оттирался и отмывался и решил затаить на котенка глубокую ненависть.

А серый барс увлекся бидонами с молоком.

Бидоны с молоком — вот была его новая страсть. Каждое утро молочник развозил по закоулкам эти бидоны и ставил их на крыльцо. Хозяйва обычно еще спали, дрыхли плотным трущобным сном, а вокруг бидонов ходили хозяйские кошки, слизывали капли, вздыхали на крыльце, потому что добраться до молока никак не могли.

Котенок однажды изловчился. Он вспрыгнул на бидон, вокруг которого бродила кошечка, белая с розовым носиком Молли. А крышка у этого бидона была закрыта неплотно, кое-как закрыта была крышечка. Котенок подsunул под нее нос и усы и под крики снизу обиженной Молли стал напиваться всласть.

Тут проснулась мадам Дантон и вся в белых розах на голове выглянула в окно. Она увидела, как пьет котенок из-под крышечки ее молоко, и до того сильно вздрогнула, что розы посыпались с ее ночной головы. Грозное ворчанье послышалось из-под роз, и мадам гаркнула, как львица:

— Бррррысь!!!

Кошечка Молли бросилась бежать, а котенок этого всего не услышал, потому что уши его находились под крышкой.

И тут мадам Дантон схватила первое попавшееся, что ей попало под руку, и бросила этим первым попавшимся прямо в котенка.

Первое попавшееся под руку летело трепеща и махая белыми крыльями, и тут многие могут подумать, что это была курица. Но согласитесь, откуда у мадам Дантон могла быть под рукой курица? Да и кто станет бросаться курицей в кошку?

Короче, первое попавшееся под руку ударило котенка по хвосту. Он в ужасе спрыгнул с бидона и умчался, а первое попавшееся улеглось на мостовую и успокоилось. Отметим, что это была книжка известного советского детского писателя, лауреата многих международных премий и медалей, «Недопесок», которой мадам Дантон наслаждалась на ночь.

Глава 10. Грудь пирата

Котенок мчался по переулку вскачь. Бег его напоминал аллюр «Три креста», и четвертая лапа добавляла еще один крест к этому аллюру.

Тут и подстерегло его некоторое Рваное Ухо. Пират давно дожидался своей минуты, наблюдая сцену «у бидона».

Разбойник выскочил из подворотни и подставил свою грудь под бег котенка. И котенок ударился со всего маху об эту грубую грудь. Злые языки, кстати, говорили, что у кота на груди под шерстью имеется бандитская татуировка с якорем и русалкой.

Котенок ударился в эту грудь, как в запертые ворота.

Пират Рваное Ухо оскорбительно зашипел и молвил:

— Ну вот, голубчик, теперь-то уж ты попался! Теперь я буду делать из тебя котлету и глинтвейн, теперь я разорву твою серую...

Котенок сидел на бульжнике, выслушивая все это. Спокойно взирал он на черного кота, равнодушно прослушивал дикие угрозы и даже чуть-чуть зевнул, смахивая лапою с усов остатки мадамдантонского молока.

— Ну так в чем дело? — как бы спросил он. — Я слушаю вас, сэр.

— А помнишь, как мне в морду наплевали?! — вскричал пират.

— Вам наплевали в морду? — удивился котенок. — Когда? Такой достойный кот — и вдруг в морду? Я бы не хотела слышать об этом.

«Как же так? В чем дело? — мучительно раздумывал в этот миг черный пират. — Почему я стою тут и разглагольствую вместо того, чтоб немедленно растерзать эту тварь? Тварь?.. Гм... кажется, это слово неуместно...»

— Ну ладно, мне недосуг, я пошла, — сказал котенок, неожиданно и бесповоротно переходя из мужского рода в женский. — Я пошла...

И тут что-то гулко стукнуло в пиратскую грудь черного кота.

— Постойте, — заикаясь, сказал он. — Куда же вы? Забудем про плевки, но вы меня не поняли...

Но, кажется, он и сам себя не понял, как не понял никто в трущобах, что никудышный котенок превратился в необыкновенной красоты и достоинств кошку.

Пират потерянно глядел ей вслед.

«Боже, какая поступь! — крутилось в его мозгу. — Королева! Ну как же я, дурак...»

ГОСПОДИН ЯПОНЕЦ МАЛИ
Продажа птиц, зверей и канареек
ТОКИО

Пират Рваное Ухо был отъявленный негодяй, но на дне его души оставалось еще что-то человеческое.

Глава 11. Свобода действий

Наставала зима.

Холодного воздуха становилось больше, а теплого все меньше.

— Холодный воздух, друзья,— рассуждал японец,— полезен только кошкам, которых выращивают на мех.

— Неграм он вреден,— соглашался Джим,— потому что негры происходят из теплых стран. Негров привезли сюда, как рабов.

— Ты скажи лучше, куда девал кролика? — ворчала Лиззи. — Неужели сожрал?

— Зачем негру кролик? Один маленький кролик не согреет большого негра, кролик сам сбежал и теперь замерзает где-то. Но кролику все-таки теплее, чем негру, потому что у него есть шерсть, а у негра только черный цвет, который не согревает, мэм, ой, не согревает.

Они сидели у маленькой железной печки, которую Джим топил осколками ящиков. На печке в железной банке вскипало какое-то варево. Из этого варева валил тягучий пар.

— Воничу развел,— сердилась Лиззи. — Что ты там варишь?

— Это жир гремучих змей, мэм. Я всегда мажусь им в морозы.

Так они сидели у железной печки и пререкались по-зимнему, а из клеток и загончиков смотрели на них канарейки и кролики, и, свернувшись в клубок, мигала красным глазом некогда оплеванная лиса.

Тут звякнул звонок, и в чудовищной меховой шапке, составленной из волка и собаки, вошел господин Тоорстейн.

— Полгода прожил и издох,— ворчал господин Тоорстейн, особо не приветствуя хозяев. — Пел полгода, а после издох.

— Полгода — это замечательно! — вскричал японец. — А что же вы хотите за полдоллара? Это всем известно: полдоллара — полгода, доллар — год, полтора — полтора! Таков закон канареечного пения! Но вот смотрите — вот грандиозный кенар! Это уж двухдолларовый певец. Он будет петь у вас два года, а добавите доллар — и все три!

Но господин Тоорстейн никак не соглашался. Он требовал, чтоб ему на старые полдоллара дали нового певца.

— На старые полдоллара? — восклицал японец. — Они давно ушли в прошлое! Ну какой может быть из них певец? Чепуха! Очень уж маленький будет певец, какой-нибудь французский шансонье, не больше! Ну ладно, берите зяблика.

— То лису, то зяблика! Я любитель канареечного пения. Ладно, дам доллар за грандиозного певца.

— Как хотите, сэр,— равнодушно, якобы прикрыв глазки, ответил японец. — Тогда он будет петь всего год и скончается. Скончается от огорчения, что за него дали полцены.

— Ах, дорогой господин,— вмешалась Лиззи. — Я всегда наслаждаюсь пением этого кенара. Не отдавай кенара, японец, а то мне станет тоскливо.

Тут господин Тоорстейн как будто впервые заметил Лиззи. Он подскочил к ней, шаркнул ножкой и сказал:

— Ах, мадам, но во сколько же вы цените этого певца?

— Три доллара! — твердо сказала мадам Лиззи.

— При условии, при условии,— галантно трещал господин,— что вы лично будете иногда заходить, чтобы послушать грандиозного певца. Я люблю, когда красоту птичьего пения со мной разделяет настоящий любитель и знаток.

Господин Тоорстейн расплатился, сунул кенара под меховую шапку и вышел на мороз.

— Я уговорю этого мехового болвана купить у нас лису,— сказала Лиззи. — Мне только нужна свобода действий. Слышишь, японец? Дай мне свободу.

Японец поморщился, понюхал варево, которое вскипало на печке, и сказал:

— Бери!

Глава 12. Шамайка

Джим бродил по свалкам и помойкам, собирал обломки деревянных ящиков да и сваливал их на тележку. Голубой бесснежный мороз покрывал инеем заборы и подворотни.

На задах скобяного склада Джим заметил у стены сарая неровно приколоченную доску и затеял ее оторвать на дрова. Приотдрал немного, заглянул в щелочку и вначале увидел только пар, густой и морозный, который валил откуда-то снизу, а из пара раздавался заунывный нечеловеческий храп.

Бык Брэдбери спал и храпел и выпускал из ноздрей своих облако рыжего пара, и в этом бычьем пару, в теплом живом дыхании грелась трущобная кошка, которую пират Рваное Ухо принял за королеву.

И бык, и кошка спали, во сне королева мурлыкала, и это мурлыканье сливалось с бычьим храпом и превращалось в особое двойное пение — теплое ржавое пение в голубом морозном сарае.

Добродушный Брэдбери иногда прерывал храп, открывал лениво кровавый глаз, взглядывал на свою подругу, ласково говорил: «у!» — и снова закрывал кровавый свой глаз.

Джим-негр у щелочки окоченел, а все смотрел и смотрел на теплое дыхание, если можно смотреть на теплое дыхание, смотреть на мурлыканье и храп. Не очень чистая, но все-таки прозрачная слеза катилась отчего-то с негритянских век, и почему она объявилась, сказать трудно, потому что мы не можем так глубоко проникнуть в глубины этого негра, мы скользим по поверхности. Но на поверхности этой мы видим, что негр Джим не был ни кошкою, ни быком, но каким-то странным образом он был и кошкою, и быком в этот момент, и, когда он отошел от щелочки, он по-бычьему наклонял голову и мурлыкал котенком.

— Я все понял, маса,— торжественно и печально сказал Джим, спускаясь в подвал. — Я все понял.

— Что ты понял? — крикнула всклоченная Лиззи, вылезая из спальни в розовом халате, неприлично замусоленном. — Что ты понял, черноносый? Где дрова?

— Мэм! — сказал негр. — Это Шамайка!

— Где Шамайка? — сказал и японец, вылезая из спальни в халате более стеганном, но тоже бестолковом. — Откуда? Где?

— Там, у быка!

И негр Джим наклонил голову, показывая быка, и замурлыкал сладостно, изображая кошку.

И долго еще японец и Лиззи топтались возле

негра, который пил настой из жира гремучих змей, бодался и мурлыкал, и допытывались, кто такая Шамайка, и он уверял, что это богиня крупного рогатого скота, к каковому рогатому скоту и он, негр Джим, себя причисляет.

— Доставишь мне Шамайку! — вскричал японец. — Получишь полдоллара!

— Ой, маса! Что ты, маса! Меня покарают боги! Меня повесят вверх ногами и перекрасят мою кожу в белый цвет! Нельзя!

— А за доллар? — спросил японец.

— За доллар? — подумал негр, перестав бодаться и мурлыкать. — За доллар, маса, пускай перекрашивают.

Глава 13. Сердечный друг

Мне хочется здесь напомнить вам о черном коте Рваное Ухо. Мы тогда еще сговаривались, что на дне его души осталось что-то человеческое. Так вот, это человеческое действительно на дне осталось.

Кот впал в задумчивость.

— Ну в чем же смысл жизни? — думал порою пират.

Конечно же, лакать разбавленную сметану, терзать нервы Полубульдога, давить крыс, но есть и еще что-то такое, да только какое оно?

Кот не раз встречал ее, названную Шамайкой, где-нибудь на помойке или возле молочных бидонов, и тут ему казалось, что он начинает понимать смысл. Но кошка, заприметив кота, тут же ускользала, и вместе с нею ускользал и смысл. Рваное Ухо пытался догнать ее, и всякий раз она пряталась в бычьем сарае.

Брэдбери ненавидел черного пирата. Угрюмо наклоняя голову, он бил копытом в стену сарая, если вдруг возникал в щелочке кошачий глаз.

И в страхе бежал пират Рваное Ухо и с особенным наслаждением укладывался перед мордой Полубульдога, и ревел Полубульдог, вываливая зверский язык, а кот засыпал, мечтая о королеве трущоб, которая в этот момент дремала перед мордой добродушного Брэдбери. Да, так и спали они, перед разными мордами, из которых одна лаяла и осипала, а другая исторгала пар.

Глава 14. Убитая кобра

Настал месяц март, а этот месяц во всем мире издавна считается месяцем взбесившихся котов. Во всем мире воют мартовскими ночами коты, заунывно и яростно. В некоторых цивилизованных странах их обливают водой и помоями, а в слаборазвитых стреляют в них из крупнокалиберных винтовок.

Настал март, и коты взбесились. Днем они были на помойках, а по ночам царапали когтями крашеные суриком жестяные крыши.

В такую-то ночь Шамайка грелась на крыше возле трубы, прищуривалась на луну, как вдруг заметила черную пиратскую тень. Кот Рваное Ухо направлялся прямо к ней. Королева насторожилась, внутренне собралась, но тут перед Рваным Ухом возник на трубе тот самый Крис, друг Колумба, которого удлинено называли Христофор.

Рваное Ухо остановился и зарычал на луну. Рычание его достигло луны в две секунды и тут же вернулось обратно на крышу и свалилось прямо на Криса. Крис вздрогнул и выпустил в луну длин-

ный угрожающий тоненький рев. Отразившись от луны, тоненький рев оцарапал шкуру пирата. Некоторое время коты общались, обращаясь в основном к луне, наконец, пират оторвался от светила.

— Посмотри на мой хвост, Крис ничтожный! Он сейчас превратится в змею! В гадюку! Стррррашись!

И тут хвост пирата действительно обратился в гадюку, которая свивалась и развивалась, собиралась в пружину, угрожая ужалить.

— А у меня хвост — кобра! — бахвалился Крис. — Ррыжая коббра!

И хвост его обратился в кобру, и даже помпонкапюшончик раздувался, переполненный ядом.

Под черной и рыжей шерстью, по ребрам и хребтам котов волнами перекачивались мышцы и рябью дробились мускулы.

— Я-я-а-а! — взревел пират. — Я-я-а-а с нею встречался! Я-я-а-а!

— Моя-а-а-у! Моя-а-а-у! У нашего она живет быка.

— Вррррь! — взревел пират, нервы его разом лопнули, как струны у гитары, и он ринулся на abordаж. И черный пиратский бриг столкнулся с рыжею каравеллой друга Колумба. Разом обрушились все мачты, треснули борта, взорвались пороховые бочки. Коты-корабли превратились в клубок змей, глаз, когтей и предсмертных воплей. Клубок прокатился по крыше, сшибая трубы, и Шамайка лениво рассуждала, когда же он свалится на землю, и он свалился, и в воздухе, в полете продолжались битва и вой, царапанье и бесстыдное рукоприкладство.

Потом как-то разом все стихло.

Шамайка подошла к краю крыши, заглянула вниз. Рыжий Крис уползал в сторону скобяного склада, волоча за собою убитую кобру, а черного пирата не было пока видно. И тут кто-то тронул ее за плечо.

— Моя-а-а-у! — сказал пират.

Шамайка легко прыгнула в сторону, пробежала по карнизу, прыгнула на другую крышу, и кот долго бежал за нею, до самого бычьего сарая, и остановился только, когда грохнуло в стену копыто Брэдбери.

Глава 15. Коричневая баржа

В марте вместе с котами взбесился отчего-то и господин У-туулин. Целыми днями он стегал и проклинал быка, пинал сапогом Полубульдога, бросался скобяными изделиями в рыжего Криса. Но особенно гневен был он к Брэдбери.

— Какую же тебе нужно корову? — ревел он. — Костромскую? Ярославскую?

Однажды три здоровенных негра пришли в бычий сарай. Они схватили Брэдбери за кольцо в носу и потащили его куда-то по переулкам.

Брэдбери надсадно ревел, мотал башкою, упирался, и Шамайка металась под ногами быка, чувствуя, что тащат его неправильно и нечестно. Ее наконец хлестнули кнутом, она отстала, но все равно бежала за Брэдбери и оказалась на пристани. Здесь быка втащили на палубу какой-то коричневой баржи, привязали к мачте. Брэдбери ревел, бился о мачту лбом, и Шамайка по сходням пыталась взбежать на баржу. Не-

гры и матросы отгоняли ее, свистели и пугали, хохотали, убрали сходни, и медленно-медленно отвалила баржа от пристани и поплыла в неведомые края, где кто-то ожидал быка Брэдбери с кнутом в руках.

Бык перестал биться башкой о мачту, оглянулся и, перекрывая вой пароходов, заревел, прощаясь с Шамайкой. И она долго сидела на пристани и смотрела вслед барже, которая увозила кровавые и угрюмые бычьи глаза.

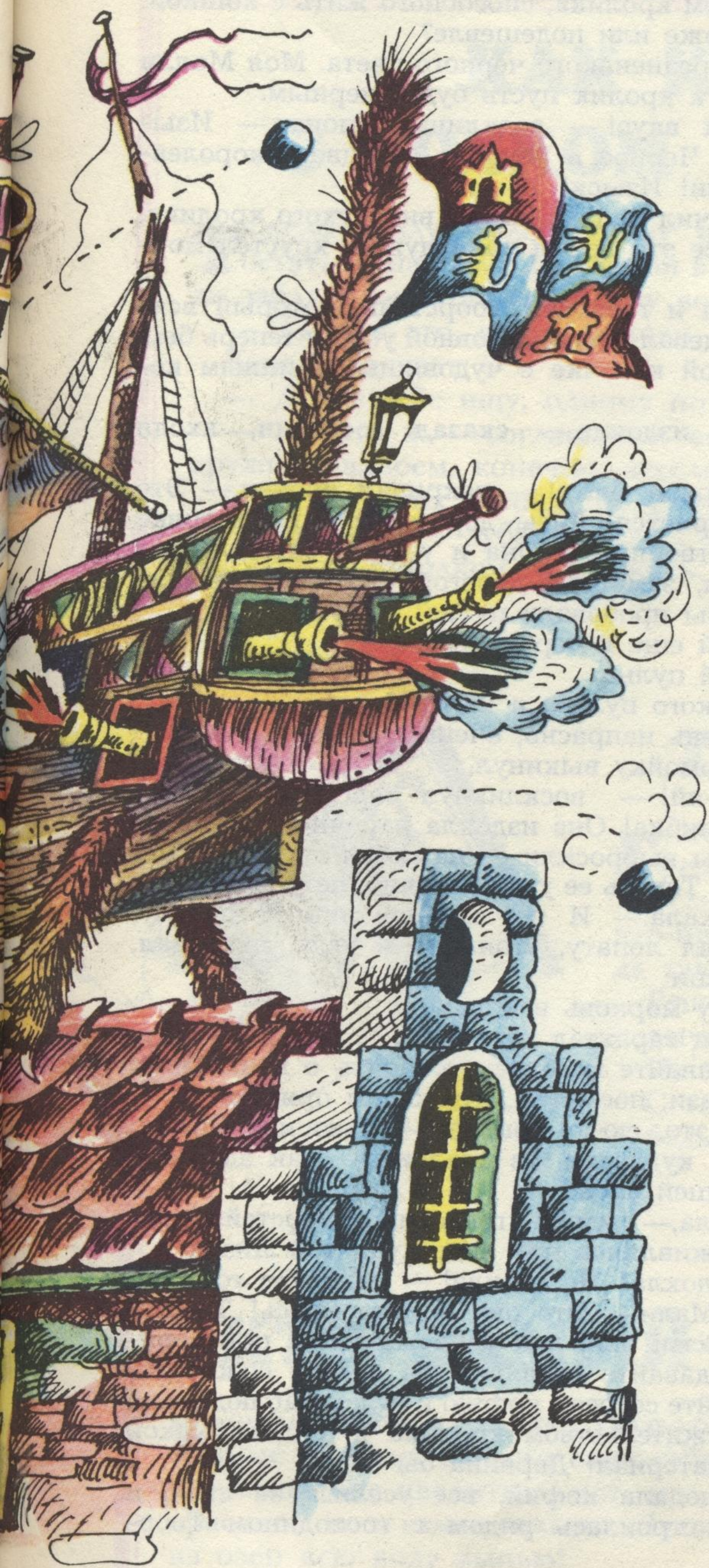
Шатаясь, пошла она обратно в трущобы и часто останавливалась, оглядываясь в ту сторону, куда уплыл бык, и умывалась, умывалась, ожидая его назад. Она, конечно, чувствовала, что потеряла друга, который любил ее бескорыстно и добродушно, по-человечески и по-бычьи.

Тут и встретился ей снова черный пират. Сегодня он был угрюмый, пришибленный и печальный. Он плелся стороной, не решаясь приблизиться к Шамайке. Кот хромал, кто-то зашиб ему лапу.

И Шамайка, у которой никого из близких не осталось, на этот раз пожалела его и не стала отгонять старого пирата.

Глава 16. Подарки пирата

Худо ли, бедно ли, долго ли, коротко, но у Шамайки родились котята. Пять маленьких котят родились в том самом ящике из-под сухарей, из которого она сама выползла впервые на помойку.

Котята пищали, притыкаясь к материнскому брюху, и Шамайка бесконечно облизывала их.

Папаша-пират Рваное Ухо приносил ей в ящик мышей и ворованную салаку. Мышей и салаку она брала, а папашу всегда прогоняла. Пират внутренне изменился, подтянулся, но окончательного доверия к нему не испытывали. Шамайка сильно сомневалась в глубине его отцовских чувств.

— Я теперь уже не тот,— толковал ей пират.— Сила встречи с вами переродила меня внутренне.

— Ладно, ладно, верю, верю,— мурлыкала Шамайка.— Беги за салакой.

— Вот поймаю вам крысу, небось, поверите в мои качества?

— Будем надеяться.

Папаша старался доставить ей удовольствие,

и ему повезло. Однажды он заметил в траве, в зарослях пустырника и пижмы возле свалки небольшое коричневое существо с длинными ушами. Это был кролик, сбежавший из лавки господина японца Мали. Пират подкрадывался к нему долго и схватил длинноухого, и уже хотел его задавить, как вдруг подумал:

«Доставлю ей удовольствие. Преподнесу подарок любви в живом виде».

И он принес кролика в ящик из-под сухарей и бросил на кучу котят. Выбраться из ящика кролик не смог и пристроился к котяткам, которые сосали мать. Сообразительный кролик, переживший ужас пиратского нападения, понял, что судьба посылает ему невиданную удачу, и тут же принялся сосать Шамайкино молоко.

— Тоже мне подарочек,— поначалу ворчала Шамайка.— Длинноухого принесли.— Но скоро она к кролику привыкла и облизывала его утром и вечером.

Прошло две недели, и котята подросли. Они свободно уже стали вылезать из ящика, только кролик никак не мог выбраться наружу.

Глава 17. Господин У-туулин

— Слишком много развелось трущобных котят,— ворчал господин У-туулин, протирая тряпочкой малокалиберную винтовку.— Надо их перестрелять, пока они беспомощные.

И он полез на крышу с винтовкою в руках.

— Маса, маса! — вскричал негр Джим, вбегая в лавку японца.— Господин У-туулин стреляет по котяткам! По трущобным котяткам! Мне их жалко, маса!

— Трущобные — они же ничейные,— сказал японец.— Значит, господин У-туулин может по ним стрелять. Ты не вмешивайся в это дело, Джим. Нельзя нам ссориться с господином У-туулиным.

Но Джим все-таки побежал назад и полез на крышу, с которой стрелял господин У-туулин. Прилипая к оптическому прицелу, господин стрелял и стрелял, и очень много мазал.

Котята играли во дворе возле бочки и, конечно, не понимали, что это щелкает и прыгает вокруг них. Когда пулька зарывалась в пыль и поднимала облачко пыли, они пытались поиграть с пулькой, прихлопывая это место лапкой. Поиграв так, они падали замертво.

— Не надо стрелять в котят, господин У-туулин,— сказал Джим.— Мне их жалко.

— Нечего жалеть всякую шваль,— ответил господин.— От них только блохи и разные болезни. Отойди в сторону.

Но Джим не отошел в сторону, потому что он заметил, что на соседней крыше объявился черный кот-пират папаша Рваное Ухо. И господин У-туулин навел на него винтовку. В оптический прицел хорошо был виден пират, который сегодня отчего-то весь день ухмылялся. С ухмылочкой поглядывал он на этот мир и брел по самому гребешку крыши.

— Не надо стрелять в этого кота, маса,— сказал негр Джим.

— Это твой кот?

— Нет, маса, это не мой кот,— ответил честный Джим.— Но этот кот — король трущоб. Он — пират из пиратов.

— А я не люблю пиратов,— ответил господин

У-туулин,— потому что они грабят честных собственников.

И он выстрелил, и черный кот-пират, новоявленный папаша Рваное Ухо, свалился с крыши, потому что пуля попала ему в лоб. И тут мы должны снять шапки в честь и в память старого пирата, если, конечно, шапки наши не из кошачьего меха.

И тут объявилась Шамайка. Она должна была объявиться по всем законам судьбы и литературы. И она объявилась. Она шла по гребню крыши, след в след за Рваным Ухом, и господин У-туулин навел на нее винтовку. И тут, вероятно, закончился бы наш рассказ, если б не одно обстоятельство. Шамайка тащила в зубах огромную дохлую крысу.

— Не стреляйте, маса, не стреляйте,— сказал негр Джим.— Ведь это кошка-крысолов. А у вас во дворе скобяного склада очень много крыс. Сами вы их не перестреляете.

Господин У-туулин почесал во лбу.

— Твоя правда, негр,— сказал он.— Эта кошка достойна жить дальше.

Глава 18. Пульс кролика

Джим с крыши заметил, куда отправилась Шамайка, и пошел по следу. Осторожно заглянул он в ящик из-под сухарей, увидел в ящике кошку, кролика и дохлую крысу и накрыл ящик доской.

— Господин японец! — кричал он, втаскивая ящик в лавку.— Господин японец! С вас полтора доллара!

Японец заглянул в щелочку и стал всплескивать короткими руками:

— Это сенсационные обстоятельства! Джим, ты гений, получишь два.

— За что два доллара такому обалдую? — спрашивала Лиззи, как всегда спускаясь в подвал из спальни.

— Смотри, хозяйка! Вот где пропавший крольчонок, а ты-то думала, что я его сожрал!

— Хватит с тебя и двадцати центов,— ворчала Лиззи.

— Я всегда чувствовал,— сказал японец,— что в этой кошке заключаются деньги. Но теперь я знаю, как их из нее извлечь!

Такие афиши расклеивал Джим в переулках, и народ валил не то что валом, но некоторые любопытные заходили посмотреть на редкое сожительство. Пришла и мадам Дантон с тремя молодыми подругами.

— Ах, какая редкость! Какое великолепие! — говорила она.— Среди людей это уже не встречается! Подберите кролика для моей Молли. Пусть и она живет с кроликом.

— Сию минуточку,— радовался японец.— Сей-

час подберем кролика, способного жить с кошкой. Вам подороже или подешевле?

— Мне средненького черного цвета. Моя Молли беленькая, а кролик пусть будет черным.

— Какой вкус! — восклицал японец.— Изысканность! Черное и белое — это цвета королевской мантии! Изыск! Изыск!

И он всучил мадам Дантон вислоухого кролика, который все это время равнодушно хрустел морковкой.

Заявился и господин Тоорстейн, который всякий раз надевал новый головной убор и теперь был в жокейской кепочке с чудовищно длинным козырьком.

— Лиса издохла,— сказал господин, входя в подвал.

— Не может быть! — вскричал японец.— Это она притворяется! Лисы, дорогой сэр, очень ловко умеют притворяться! Она и у меня сдыхала раз двадцать и, заметьте, дорогой сэр, она сдыхала нарочно. Вы пробовали пульс?

— Какой еще к черту пульс?

— Лисий пульс.

— Никакого пульса я не пробовал.

— И очень напрасно, очень. Где сейчас лиса?

— На помойку выкинул.

— Ай-я-яй! — воскликнул японец.— Чудовищная ошибка! Она издохла нарочно, специально, чтоб вы выбросили ее на помойку. Ах, какой недосмотр. Теперь ее уже, конечно, нету. Она ожила и убежала.— И тут японец мигнул Джиму, и негр взял лопату, стоящую в углу, и сказал, побряхтевши:

— Пойду морковь вскопаю.

А японец тарахтел дальше:

— Но давайте не будем говорить о печальном. Лиззи, Лиззи, посмотри, кто к нам пришел!

— Вот это сю-ю-юрприз! — завопила Лиззи, спускаясь, кудлатая, из спальни.— Как здоровье почтеннейшей лисы?

— Сдохла,— изрек господин Тоорстейн, несколько оживляясь при виде кудлатой Лиззи.

— Не сдохла! Не сдохла! — радостно гомонил господин Мали.— Это она притворилась! Ты помнишь, Лиззи, как она у нас нарочно притворилась? Но давайте поглядим на редкое сожительство. Давайте согреем кофию и будем наблюдать за редким сожительством кролика и кошки. Какой богатый материал! Дарвина бы сюда!

Лиззи подала кофий, все уселись за стол, и Лиззи пристроилась рядом с господином Тоорстейном.

— Давайте понаблюдаем,— говорила она, подталкивая локотком господина,— за редким сожительством.

— Наблюдайте, наблюдайте,— кричал японец.— А я буду делать научные записи!

Тут японец достал замусоленную тетрадь и принялся строчить в ней научные закорюки, а Лиззи всячески подливала кофию почтенному господину.

Господин Тоорстейн хрюкал, стараясь поймать Лиззи за ушко и особо не смотрел ни на кошку, ни на кролика, который, между прочим, лежал в клетке без движения, а Шамайка облизывала его. В какой-то момент взор господина Тоорстейна прояснился, он присмотрелся к кролику.

— Кролик-то,— сказал он,— кажись, тоже издох. Попробуйте у него пульс.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

КАК КОЗЕЛ С ВОЛКОМ ДРУЖИЛИ

Тяжело козлу было одному вокруг колышка по лужайке бегать — надоело. Пошел он в лес друга себе искать. Пошел да заблудился. Навстречу ему волк, спрашивает:

— Ты что это, козел, в моем лесу делаешь?

Козел отвечает:

— Друга себе ищу, одному по лужайке бродить скучно...

— Ну что ж, — соглашается волк, — будь по-твоему, давай дружить, вдвоем, конечно, веселее.

И все бы у них хорошо, да захотелось им есть. Сели друзья за стол, тут волк — зубами щелк... и сожрал козла.

Так вот, с волком-то дружить.

ПРО ФЕДОТА И ВЕТЕР

Гулял по земле ветер, угодя подметал, заглянул к Федоту — решил посмотреть на свою работу.

Услыхал, что Федот его хвалит, и на радостях решил ему еще что-нибудь хорошее сделать. Смотрит, стог на огороде вырос, да такой весь лохматый — солома клочьями торчит.

Решил ветер тот стог причесать: чесал его, чесал... да весь и вычесал.

На том месте, где стог стоял, — стало пусто.

С тех пор Федот в гости ветер не зовет: сам двор убирает и беды не знает.

КТО САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

Пошло утром солнышко умываться и, засмотревшись в речные зеркала, до того само себе понравилось, что стало во всеуслышание хвалиться: вот, мол, я какое — не только самое красивое, но и самое сильное. Захочу — весь белый свет спалю, из озер всю воду выпью!

А в то время туча по небу проплывала, услышала она, как солнышко хвастает, разозлилась и заволокла его собою, так что ни один луч пробиться не в силах, и говорит:

— Я самая сильная! Коли захочу, то все цветы дождем побью, все улицы залью...

И затопила стежку, которой люди в ту пору мимо нашего дома на работу спешили. Но тут налетел ветер, разогнал тучу и говорит:

— Коли я захочу, то туман с реки подниму, деревьям руки поломаю, людям песком глаза засыплю! Я — самый сильный!

Однако сколько ни силился, а так залитую дождем стежку высушить не смог.

Как раз в то самое время дед Пахом у соседей крыльцо чинил — все видел, все слышал. Взял в руки метлу, ухмыльнулся в свои молодецкие усы, размел лужу и спрашивает:

— Ну, кто самый сильный?!

Поначалу они называли себя «Винни-Пухами», а потом придумали более взрослое название — «Разноцветные перья». Они — это литературный кружок для ребят младших классов при детской библиотеке города Колпино. Колпино — пригород Ленинграда. Наш Кораблик попал туда, когда путешествовал по Неве. Юнга заглянул в библиотеку, чтобы выбрать книжку на дорогу — и каково же было его удивление, когда он встретил там Людмилу Фадееву, поэтессу, стихи которой он знал и любил! Людмила Леонидовна познакомила Юнгу с ребятами из литературного кружка, которым она руководит. Юнга принес Капитану их сочинения, а тот приказал немедленно поднять их на борт.

Наташа КОРЧЕШКИНА учится в школе № 454, перешла в 5-й класс.

Ночь

Стало тихо.
Ночь настала.
Только мышка пробежала,
На березе совы встрепнулись,
И звездочки на небе улыбнулись.

Илья ШТОМПЕЛЬ окончил 4-й класс школы № 401.

Музыка

На теплоходе музыка играла.
Вокруг природа тихо замирала.
Тот теплоход давно уплыл,
Но музыку я не забыл.

Веселый человек Артем ГОРЛОВСКИЙ — одноклассник Ильи. Не о нем ли говорит он в своем стихотворении?

Мы смеемся!

Мы с Илюшей друзья,
Посмеяться любим.
Ну, а если нам смешно,
Мы про все забудем!

Пишут нам и замечанья,
Ставят двойки в дневники,
На родительском собрании
Нас ругают у доски.

Что прикажете нам делать?
Что такое предпринять?
Мы решили не смеяться...
Но хохочем мы опять!

Уля ПИЧУЕВА — шестиклассница из школы № 455.

Мой класс

Сажу в просторном классе,
И нравится он мне:
В нем есть подружка Ася
И солнышко в окне.

Собака Сима

Из школы я домой спешу,
Ведь я же точно знаю,
Что Сима ждет меня давно
И хвостиком виляет!

Забавный маленький щенок,
Тебя люблю я очень!
Не подведешь меня нигде,
Я это знаю точно!

Надя ГРИГОРЬЕВА учится в школе № 454, с 1-го сентября пойдет в 5-й класс.

Кавардак

Живет в одном домишке
Волшебник Кавардак.
Проникнуть к нам пытается
И так, и сяк.
Ко мне в портфель забрался
Волшебник Кавардак
И книжки разбросал он
И так, и сяк!
К нам в комнату явился
Волшебник Кавардак.
Игрушки там валяются
И так, и сяк!
Метлой его гоню,
При этом говорю:
«Все! Ты попал впросак,
Противный Кавардак!»

СВЕТ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

К 160-летию Л. Н. Толстого

1850 году двадцатидвухлетний помещик Крапивенского уезда Тульской губернии, владелец имения Ясная Поляна, бросивший, неокончив, курс Казанского университета, решил, «ежели будет свободное время», писать повесть. Необычным это решение назвать нельзя: российские дворяне частенько сочиняли на досуге — кто музыку, кто повести, кто стихи... Итак, сначала было желание написать повесть «из цыганского быта», но потом решение переменялось: был задуман роман в повестях под названием «Четыре эпохи развития».

Через несколько лет, за которые молодой человек успел побывать юнкером на Кавказе, артиллерийским офицером в Севастопольской кампании, написать три из четырех частей романа и еще другие повести и рассказы, съездить за границу, приобрести литературную известность и завести знакомства среди писателей, он вдруг отказывается от литературного труда и запирается в имении. А еще через несколько лет сообщает родственнице: «Я теперь писатель всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал...»

Поверхностный наблюдатель назовет все это непостоянством и непоследовательностью. Но мы-то знаем, что «непостоянен» и «непоследователен» — Лев Толстой, а гения невозможно судить по меркам людей обыкновенных. Учитель детей Толстого, знавший писателя близко, говорил: «Лев Николаевич всю жизнь свою стремился начать жизнь сизнова». Сам Толстой в молодости писал: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». И в старости от этих слов не отрекся.

Но как бы ни «изменялся» Лев Толстой, неизменными оставались самые глубинные его мысли, убеждения, чувства; великие, всеобщие о совести, равенстве, мире, и такие, казалось бы, простые, как любовь к месту своего рождения — Ясной Поляне.

За что человек любит родину? За то, что она прекрасна? Да нет, скорее наоборот, — она прекрасна потому, что родная. Человек неотделим от уголка земли, где родился и прожил жизнь, даже если тот уголок скуден, а жизнь там тяжела. Если же земля эта и сама по себе хороша, да еще родились тут отец или мать, дед или бабка... то человек совсем становится похож на новый побег дерева, крепко вросшего корнями в родную почву.

Так и Лев Толстой любил Ясную Поляну — отчизну его по матери, Марии Николаевне, в девичестве Волконской.

В Ясной в самой что ни на есть средней России, в лесах и полях, в речках, петляющих среди лугов и перелесков, нет буйной роскоши юга или изысканной строгости севера, но есть своя, особая прелесть. Спелая рожь, у темного дубового леса, желто-фиолетовый цветок иван-да-марьи, заросший клевером луг могут открыть человеку, который умеет видеть, истинную красоту. И недаром Толстой, по воспоминаниям его старшего сына, часто после долгих прогулок в окрестностях Ясной Поляны восклицал: «Как у бога добра много!»

Но Лев Николаевич был не просто привязан к месту своего рождения: Ясная Поляна служила всю жизнь для Толстого зеркалом, в котором он видел всю Россию, да и весь мир. Еще совсем молодым, размышляя о будущем освобождении крестьян и о возможной потере имения, он написал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе

представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Мы же без Ясной Поляны трудно можем представить себе Льва Толстого и наше отношение к нему. Рассказ о Толстом всегда будет рассказом о Ясной Поляне...

заповеднике «Ясная Поляна» на середине пути от литературного музея к мемориальному под старым деревом лежит камень. На нем высечено: «Здесь стоял дом, в котором родился Л. Н. Толстой». Дома этого давно нет: его продали по поручению молодого Льва Николаевича, нуждавшегося в ту пору в деньгах, много лет простоял дом в селе Долгом, что за 30 верст от Ясной, а через три года после смерти Толстого обветшавшее строение разобрали.

Но есть фотография дома, составленный Львом Николаевичем план его, есть написанные Толстым воспоминания о детстве...

И вот уже в нашем воображении на месте памятного камня, между двумя одинаковыми изящными флигелями поднимается огромный, в два этажа, в 32 комнаты, с шестью белыми колоннами по фасаду дом. Шумит березами ведущий к нему от башен въезда широкий Прешпект, тихо под ветерками плещется вода усадебных прудов, привольно раскинулся Нижний парк, правильными рядами выстроились старые липы в парке Клины. И еще не перестроен правый флигель, нет еще больших фруктовых садов, заведенных Львом Николаевичем в молодости, нет лесных посадок — ни берез, ни елочек, под которыми на самодельной скамейке любил отдыхать Толстой в старости.

Нет надобности подробно пересказывать историю детства Толстого — он рассказал ее сам, а лучше него нам это сделать не удастся. Но давайте попробуем, бродя по дорожкам Ясной, по тропинкам старого леса, называемого Заказ, по берегам речки Воронки, ощутить тот воздух свободы и любви, в котором росли четыре мальчика: Николенька, Сережа, Митя, Левочка — и их младшая сестра Маша.

Конечно, Ясная Поляна была таким же имением, как и другие, а граф Николай Ильич, отец Льва Толстого, — таким же, как другие, помещиком. И жили Толстые «за счет» своих крепостных и «по надобности» крепостных этих по приказу графа пороли, но все же граф Николай Ильич был барин просвещенным, «добрым», и Ясную никогда не захлестывала волна «дикости» барства. Впрочем, и в Ясной были «непокорные», но еще дед Толстого придумал отправлять их, словно в ссылку, в дальнюю деревню, названную им Грумант — по имени острова в студеное Белом море, известного деду Волконскому со времени его службы в Архангельске. Деревню Грумант крестьяне переименовали в Угрюмово — то ли по характеру ее жителей, то ли по иным причинам.

Но для детей Толстых Ясная никогда не была угрюмой. Их искренне любили и родители, и крестьяне. Иного состояния, чем состояние любви, Левушка Толстой лет до девяти не ощущал. И поэтому-то в старости смог написать: «Я думаю, даже знаю, потому что испытал это, особенно в детстве, что любовь к людям есть естественное состояние души или, скорее, естественное отношение ко всем людям, и когда оно такое, его не замечаешь».

...В Ясной дети, хотя у них и были гувернеры и учителя, хотя и надо подчиняться каким-то взрослым правилам, делать уроки и вести себя прилично, жили своей детской компанией вольно и интересно. Да и как иначе можно жить среди деревьев, кустов, цветов, мошек, птиц, лошадей... среди того, что называют невыразительным словом «природа» и что в действительности есть чудо, неотторжимой частью которого является человек.

Много позже, уже став великим писателем, Толстой с ужасом и отвращением говорил о городской жизни. Причин этому отвращению было множество, и одна из них — отделенность человека от живой природы. И, наверное, более всего было жаль Льву Николаевичу детей, растущих в городах: они не могут проснуться от песни зарянки за окном, не могут, выбежав из дома, со всего маху броситься в заросли цветущей черемухи, не знают, как душисто пахнет липа, не умеют различить калину и рябину... они отторгнуты от красоты мира и, значит, никогда не достигнут в своем развитии гармонии.

Что было бы, если бы семья Толстых жила не в Ясной Поляне, а в городе? Вырос бы Лев Толстой в писателя? Может быть, и вырос, но уж точно — не в такого, каким он стал на самом деле. И уж совершенно точно, в городе не могла бы родиться тайна зеленой палочки, которая запала в душу маленького Левушки и не исчезла, когда мальчик превратился во взрослого.

О существовании тайны объявил Николенька Толстой, когда ему было 11, а младшему брату, Левочке, — 5 лет. Когда эта тайна откроется, объяснил тогда Николенька, «все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга». Сама же тайна, посредством которой Николенька хотел сделать людей счастливыми, была «написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа». Там, в Заказе против оврага, на месте зеленой палочки, и похоронен Лев Толстой, который всю свою долгую жизнь стремился раскрыть тайну счастья для всех людей...

В детстве сам Толстой вспоминал как о чем-то особенно светлом, прекрасном, гармоничном. И, может быть, та давняя эпоха Ясной Поляны виделась Льву Николаевичу из старости чистой и гармоничной потому, что действительная его жизнь вся — и внутренне и внешне — была в разладе, в негармонии.

Но детство и вместе с ним старый дом можно считать «преданием» Ясной Поляны. И хотя невероятно интересно представлять себе мальчика в льняных кудрях, младшего из четырех братьев, Левку-пузыря, как прозвал его отец, мальчика, растущего между любящими и любимыми людьми, в согласии с окружающими его деревьями и травами, — еще более интересно представить себе мальчика этого выросшим и сформировавшимся в великого писателя Льва Толстого. (Впрочем, сформировавшегося, то есть застывшего без развития Толстого представить невозможно: он формировался и развивался всю свою жизнь...)

Когда большой дом продали на вывоз, воспитательница Левочки Толстого и его братьев, «хранительница» Ясной Поляны, дальняя родственница Толстых, которую все называли тетенькой, Татьяна Александровна Ергольская, переехала в пра-

вый флигель. Вместе с ней поселился и вернувшийся в Ясную Лев Николаевич. Левый флигель стоял пустой; точнее, не пустой (туда перенесли часть мебели и библиотеки), а нежилой.

Это еще только многие годы спустя флигель станет называться «флигелем Кузминских» — по фамилии живавшей там в летние месяцы с семьей свояченицы Льва Николаевича, Татьяны Андреевны Берс, в замужестве Кузминской. И это еще только после превращения Ясной Поляны в заповедное место в левом флигеле расположат литературный музей. А пока, с осени 1859 года, здесь разместились школа.

«Отказавшись» от литературы, как будет он «отказываться» от нее еще не раз, Лев Николаевич, кроме дел хозяйственных, вроде выращивания в оранжереях персиковых деревьев, занялся образованием народа. Народ, однако — собственные Льва Николаевича крепостные, — на школу вначале смотрел как на барскую забаву да и вообще сомневался, можно ли ребят чему-нибудь выучить, если и денег за учение не брать, и учеников не пороть. Позже взгляд этот переменялся, и, как рассказывал сам Толстой, крестьяне говорили, что «... в Яснополянской школе всему учат и всем наукам, и такие дошлые есть учителя, что бьют: — гром и молнию, сказывают, приставляют! Однако, ребята хорошо понимают — читать и писать стали».

Ясная Поляна в ту пору была словно «остров» — добираться до нее было трудно, а осенью и весной вообще невозможно: железную дорогу в этих местах строить еще не собирались, а в карете по раскисшей колее ехать было мучение.

И вот в этом отъединенном от всего мира месте родилась невероятная, по тем временам совсем невозможная школа. И дело даже не в том, что барин, «грах», учил детей своих крепостных (в конце концов одно это можно было бы объяснить прихотью или чудачеством). Но было в этой школе нечто такое, что и сейчас, в наше время, «живо». И более того: идеи Толстого-учителя удивительно совпадают с идеями сегодняшних наших лучших учителей и завтрашних их последователей, студентов и школьников, которые решили стать учителями в обновленной школе.

Домашних заданий в Яснополянской школе не задавали, тишины и порядка на уроках не требовали. Ученики могли не приходить на урок, если он казался им скучным, могли спорить с учителем и не соглашаться с ним. Человеку постороннему, в первый раз попавшему в школу ко Льву Николаевичу, представлялось, что во флигеле-школе царит полный беспорядок, дети ходят на головах, а учитель не может с ними справиться. Но на самом деле этот «беспорядок» был полон внутреннего порядка.

Однако если кто-нибудь захочет подробнее узнать о жизни Яснополянской школы, ему надо будет обязательно прочесть журнал «Ясная Поляна». В этом журнале описано, как дети учились петь, и как проходили уроки географии, чтения, рисования, истории, математики, и как мальчики вместе с Львом Николаевичем сочиняли рассказы. По этим описаниям можно понять, что «дух школы» (это название придумал Толстой) в Ясной Поляне был свободный, веселый, помогающий детям быстрее постигать науки. А еще по этим описаниям и по воспоминаниям учеников Толстого можно понять, какой замечательный учитель был Лев Николаевич. Дети очень быстро почувствовали это, перестали звать Толстого «васятельство» (как

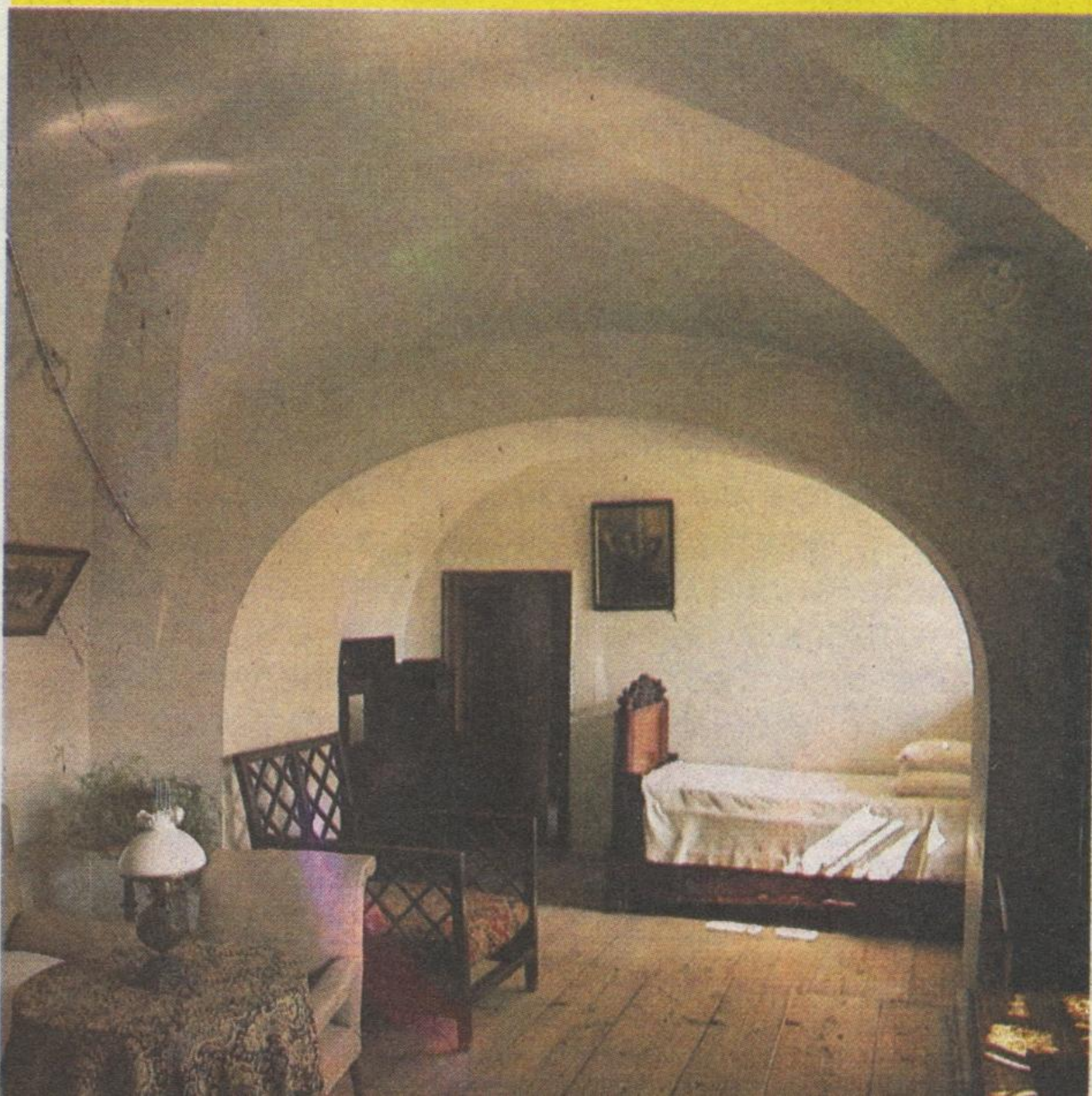

В изыщном флигеле, который позже стал носить имя Кузминских, Толстой устраивал школу для крестьянских детей.

должны были обращаться к своему барину), поружились с ним. Лев Николаевич не только показывал им, как читать и считать, — он занимался с ребятами музыкой, гулял с ними по Ясной и вокруг нее, играл (даже в такую замечательную игру, как «мала куча») и советовался, как со взрослыми. Конечно, большинство других учителей Яснополянской школы не могли сравниться с Толстым: в их умы слишком въелось убеждение, что учитель должен вести себя с учеником, как начальник с подчиненным, а не становиться с ним на равную ногу. Поэтому-то в Ясной Поляне переменилось несколько учителей: «одни сами уходили, не имея сил справиться с учениками, а других граф увольнял за грубость», вспоминал Петр Васильевич Морозов, учитель, который свyksя со школой Толстого и проработал до конца ее существования...

К ак-то, придя в школу на урок русской истории, который вел один из учителей, Лев Николаевич обнаружил, что ребятам скучно слушать о Святославе, о том, что было давным-давно. Было обещано, что учитель будет рассказывать историю «с начала», а Лев Николаевич — «с конца», и вот

К омната «под сводами» была кабинетом Льва Николаевича долгие годы. Здесь писал он «Войну и мир».

теперь он решил рассказать о войне с Наполеоном. Рассказ начался с Александра I, с Французской революции, с завоевания Наполеоном власти... Постепенно дети стали проявлять все большее участие к событиям. Когда дело дошло до 12-го года и наполеоновского нашествия, ребята начали переживать всю. Сначала они ругали Кутузова и Барклай; при рассказе о Бородинском сражении страшно горевали, но потом решили, что «хоть не наша, да и не ихняя взяла!»; возмущались, когда Наполеон ждал ключей от Москвы; одобрили московский пожар... И вот, наконец, Лев Николаевич подошел к отступлению французов от Москвы: «Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнал его и пошел бить». Но один из учеников поправил рассказчика: «Окарячил его!» Дети при этих словах «застонали от гордого восторга»... Когда же рассказ был окончен, разбежались по домам, «кто обещаясь задать французу, кто укоряя немца, кто повторяя, как Кутузов его окарячил»...

Толстой назвал этот свой урок не историей, а «сказкой, возбуждающей народное чувство». Но может быть, этой «сказкой» писатель проверял, верно ли он выбрал тему? Ведь своему решению отказаться от литературы (издание «Ясной Поляны» и ведение дневника литературным трудом не считались, хотя именно в дневнике «созревали» будущие книги) Толстой следовал очень недолго. Вновь начала двигаться оставленная было работа над кавказской повестью, возник замысел романа о декабристах. Но главный герой этого так и не законченного романа словно подтолкнул автора к новой теме, сказав: «Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе».

Толстой «затеял» произведение из эпохи 1812 года. И тема — не только «войны», но и «мира» — захватила Толстого. Он становился все менее учителем, все более писателем. Когда же в дом его вошла молодая жена, Соня, Софья Андреевна, когда родились дети, жизнь в Ясной и вообще переменилась...

Лев Толстой писал величайшее свое произведение — роман-эпопею «Война и мир».

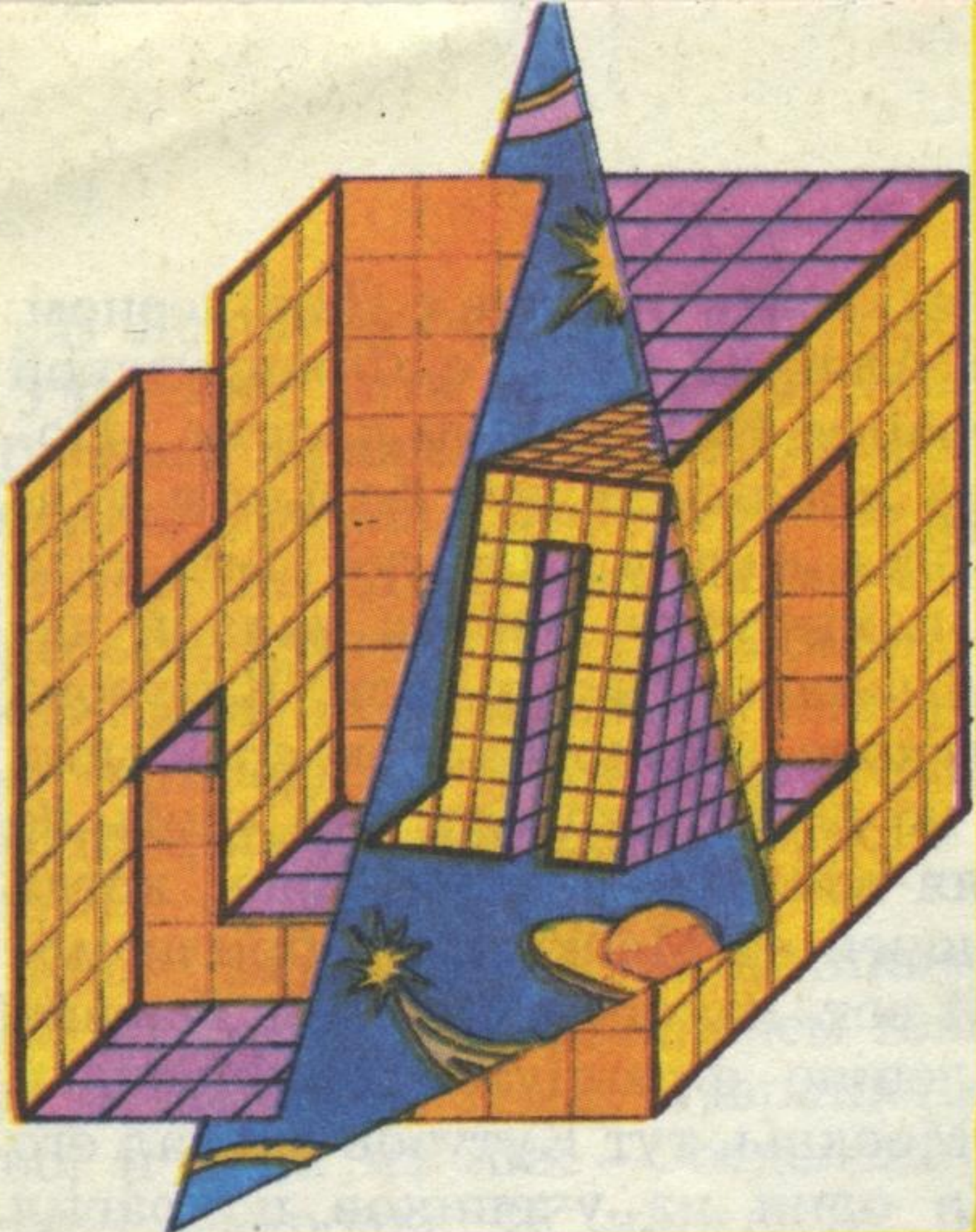
* * *

С ейчас автобусы подъезжают прямо к башням въезда в Ясную Поляну. За три часа экскурсанты должны осмотреть мемориальный дом, прослушать «лекцию» о творчестве Льва Толстого и месте в этом творчестве Ясной Поляны, пробежать торопливо по дорожкам парков и тропинкам лесных посадок, сфотографироваться на память под «деревом бедных» — старым вязом, что растет у дома Толстых, — и умчаться на изрыгающем бензиновые пары автобусе по пыльному шоссе.

Большинству людей, посещающих Ясную, этой стремительной пробежки по заповедным местам достаточно. Но есть и люди, мечтающие об ином.

Как хорошо было бы приехать в какой-нибудь гостеприимный дом в одной из деревень, входящих в кольцо Ясной Поляны, поселиться там надолго, неспешно бродить по местам, которые помнят Толстого, но, главное, приложить руки, умение к делу восстановления и сохранения Ясной Поляны, родины Льва Толстого, без которой мы, может быть, не будем до пристрастия любить его творчество.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

ДРУЗЬЯ!

Мы продолжаем полет в нашем НЛО. И прежде всего хотим обратить внимание на новые даты в календаре НЛО.

131

год с момента восстания сипаев, которые отстаивали независимость Индии от английских колонизаторов. После поражения восстания принц Даккар построил «Наутилус» и назвал себя капитаном Немо.

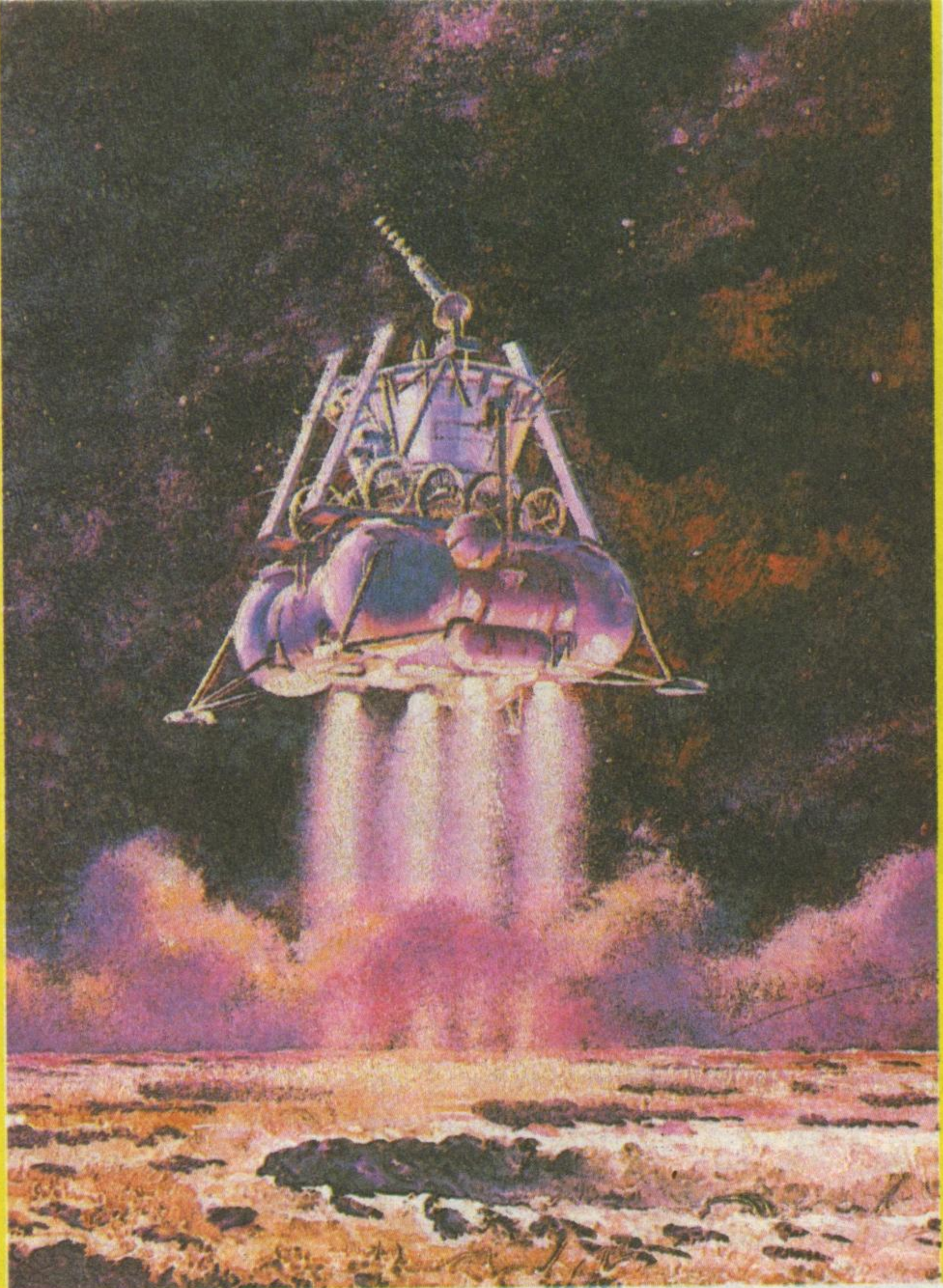
248

лет назад Нетти Бампо-Зверобой получил от поверженного минга имя Соколиный Глаз.

302

года назад был спасен Робинзон Крузо.

А. ЛЕОНОВ, А. СОКОЛОВ. Посадка «Луны-17».

Давайте заглянем в Белый ящик НЛО — ящик открытий. Что там появилось за последнее время? Ага, что-то есть — горит сигнальная лампочка. Немного

поработаем клавишами, ведь это не простой ящик, а компьютер... На дисплее появились строки.

Мы любим Шерлока Холмса, которому без распутывания сложных клубков преступлений жизнь казалась попросту пустой. Корней Чуковский назвал Холмса человеком высокой культуры, поэтом и художником своего непростого дела, а каждое его новое расследование — наглядным уроком могущества человеческого разума.

Героя, обладающего мощной логикой, проницательным и победоносным умом, подарил миру Артур Конан Дойль.

Популярность Холмса была столь огромна, что вскоре появились люди, решившие использовать это имя в своих целях. В начале XX века спекулянты-издатели в Америке, Австралии, Норвегии и Турции стали наживаться на имени Шерлока Холмса, публикуя бездарные фальшивки. В них Холмс превращался в обыкновенную полицейскую ищейку с неповоротливым, казенным умом сыщика Лейстрейда.

Сын писателя — Андриан Конан Дойль — продолжил летопись приключений Холмса. А современные американские писатели, двоюродные братья, Фредерик Энней и Манфред Б. Ли, под псевдонимом Эллери Куин, «нашли» неизвестную рукопись доктора Уотсона.

В детективной повести Эллери Куин Шерлок Холмс разоблачает тайну Джека Потрошителя, терроризировавшего Лондон осенью 1888 года.

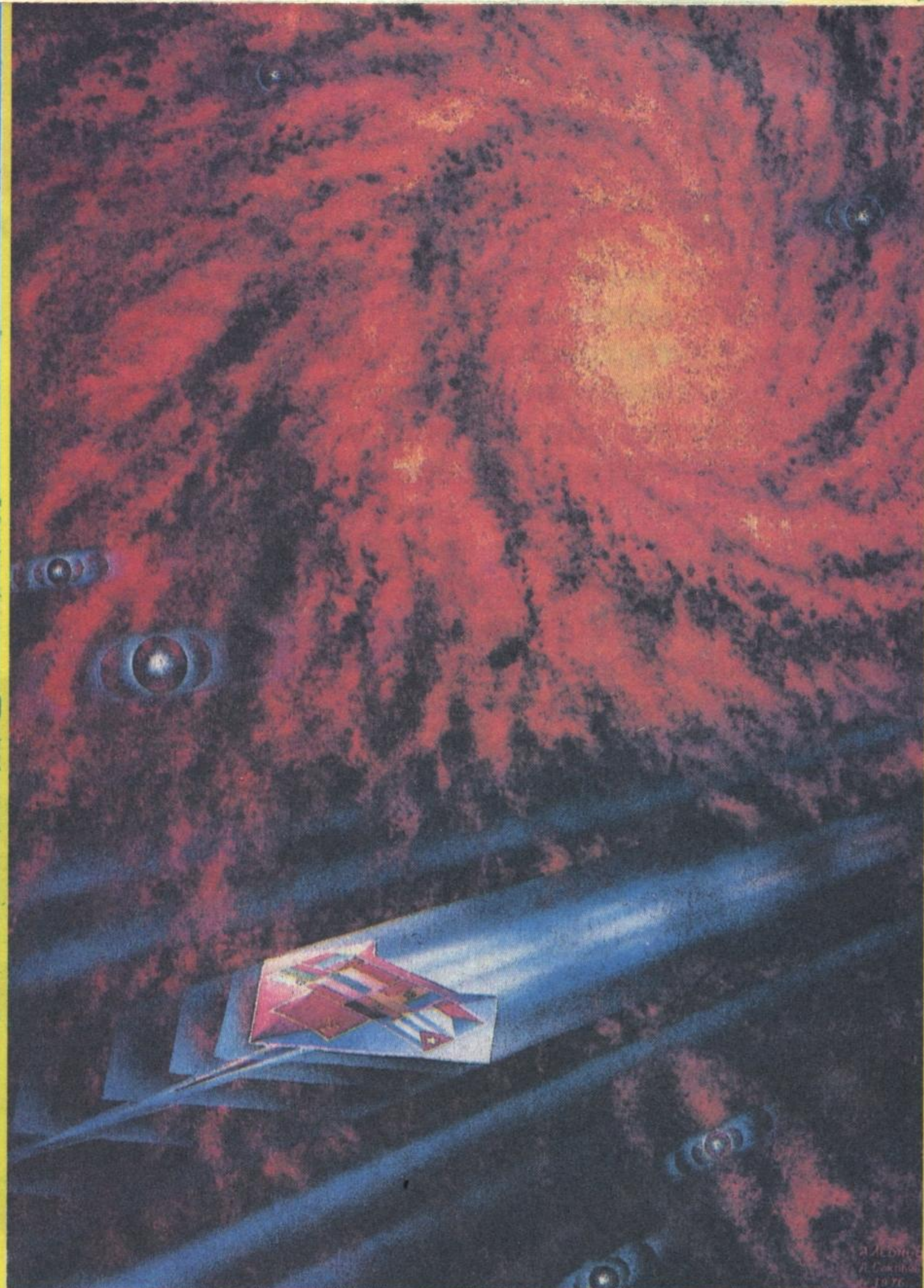
Здесь, в «Неизвестной рукописи Доктора Уотсона», Холмс подлинный. С первых страниц мы узнаем героически храброго, цепко наблюдательного мастера дедуктивного метода и быстро погружаемся в процесс мышления выдающегося детектива.

Возможно, пройдет немного времени, и будут «открыты» другие неизвестные рукописи Уотсона. Тогда «Энциклопедия Шерлокианы», изданная в 1978 году в Лондоне, опять пополнится.

А. ЛЕОНОВ, А. СОКОЛОВ. Космические монтажники.

А. ЛЕОНОВ, А. СОКОЛОВ. К звездам.

А теперь давайте заглянем в Черный ящик для таинственных гипотез. Несколько нажатий на клавиши и...

Иногда НЛО удастся сфотографировать. На одних фотографиях летающий объект напоминает диск, на других сигару. Ученые не хотят отмахиваться от не объяснимых пока явлений. Да разве пройдешь мимо многочисленных преданий Японии, Китая, Индии, Древней Греции и Египта. Сыны неба, сыны Солнца, летающие драконы и огненные колесницы — не космических ли пришельцев называли так наши далекие предки? Кто знает, может, они и сейчас посещают Землю.

Такова гипотеза итальянского исследователя Лучиано Бокконе, который считает, что большинство неопознанных летающих объектов существует в невидимом для нас мире и только изредка теряет свою невидимость. Их даже можно сфотографировать, только в инфракрасном свете и на специальной пленке. Эти НЛО — живые существа без веса. Раньше их называли «духами стихий» или демонами. Они древнее нас и появились на свет, когда Земля была больше газообразной, чем твердой. Они любят смотреть на пожары, кружиться у высоковольтных линий, греться у вулканов, мчатся наперегонки с воздушными лайнерами. Они похожи на светящиеся шары и бабочек, только величиной с полкилометра. Иногда слышен их свист и жужжание. Американцы прозвали их невидимыми грифозаврами, или неоптеродактилями. Передвигаются грифозавры, быстро раздуваясь и сокращаясь, как

кальмары. Бокконе приписывает им удивительные качества и способности: например, они могут подарить человеку искру вдохновения или исцелить от болезни. Но могут и обжечь, высушить, парализовать, даже заставить человека видеть и думать, как им хочется. Могут, но... остаются бездейственными созерцателями. Они только приглядываются к атомным взрывам, радиоактивным загрязнениям, нарушениям экологического равновесия, психическим стрессам. И даже сам Бокконе говорит, что грифозавры непонятны, очень непонятны, и даже возникает мысль о мистификации. Некоторые наблюдатели специально располагались под линиями передач сверхвысокого напряжения. В перенапряженном электрическом поле рождаются шаровые молнии. Часто появляются здесь и невидимые грифозавры.

Еще двести лет назад наука не могла объяснить загадку метеоритов и комет. И, конечно, рискованно говорить, что в атмосфере и ближнем космосе больше нечего открывать. Да и потом — не являются ли загадочные невидимки-грифозавры Бокконе чем-то уже знакомым и просто неузнанным? Ведь, должно быть, и в этом случае верна мысль Шерлока Холмса о том, что, желая объяснить необыкновенное явление, надо прежде всего отбросить все невероятные его толкования, и тогда останется лишь одно — правдивое и вполне реальное.

Видите, какую невероятную информацию выдал нам Черный ящик?! Но оставим исследователя Бокконе, исполненного стремлением узреть грифозавра, лежать под линией электропередач (интересно, хорошо ли там ему загорается?!), и отправимся в пилотскую кабину нашего НЛО.

Сегодня наш НЛО ведут три пилота. Первый совсем еще недавно пилотировал настоящий космический корабль — это летчик-космонавт Алексей ЛЕОНОВ. Картины, написанные им вместе со вторым нашим пилотом Андреем СОКОЛОВЫМ, вы видите в иллюминаторах НЛО. Третий пилот — писатель из Еревана Руслан САГАБАЛЯН. Он прочтет нам в пути рассказ «Новенький».

Руслан САГАБАЛЯН

Ш

ел урок астрономии. Неожиданно распахнулась дверь класса и появился директор, а вместе с ним высокое, тощее, чуть изогнутое существо, очень по-

хожее на стручок фасоли. Мы дружно вскочили со своих мест не из-за стручка, конечно, а из-за директора.

— Садитесь, — сказал он. — Вот, привел вам новенького. Он с планеты Кокос, будет учиться в нашей школе. — Обвел взглядом класс, заметил рядом со мной свободное место и велел новенькому занять его.

Тот послушно кивнул, подошел, сел и вежливо проговорил:

— Здравствуйте, уважаемый ученик межпланетной школы.

— Привет, уважаемый новенький, — в тон ему откликнулся я.

Ребята, понятное дело, стали оборачиваться. Очень уж воспитанным был новенький: сидел, аккуратно сложив на парте коротенькие ручки, смотрел, чуть прищурившись, на учительницу, как снайпер на мишень, и всем своим видом выражал чрезвычайное послушание.

— Смотрите сюда, — сказала наша астрономичка и коснулась указкой светящегося экрана телевизора. — С новеньким успеете познакомиться на перемене... Итак, третья планета Солнечной системы наиболее пригодна для жизни. Ученые выдвигают предположение, что она обитаема. Туда было послано несколько экспедиций, но о них пока не поступало никаких сведений...

— Астрономию любишь? — спросил я новенького.

— Не знаю, — пожал он плечами. — А вы?

— Ничего, терпеть можно. Тебя как зовут?

— Новенький.

— Что, так и зовут?

Он кивнул.

— В футбол играешь?

— Очень плохо, — признался он. — Мяча боюсь.

— Чего бояться, по нему бить надо.

— Жалко.

Странный какой-то.

— А что любишь?

— Мультки люблю. И вообще кино.

— Ну, это, брат, все любят. Сам-то что умеешь?

— Мультки и кино, — повторил он.

— Ты меня не понял. Я спрашиваю, чем увлекаешься...

— Я вас понял. Мультками и вообще кино.

«Ненормальный», — подумал я и отвернулся.

— Расстояние от Солнца до третьей планеты сто пятьдесят миллионов километров. — Учительница вновь повернулась к экрану, чтобы показать нам эту планету. Повернулась и ахнула, а вместе с ней ахнул и весь класс. И было отчего: яркое пятно солнца и сероватые шарики планет сменились рисованными мушкетерами, затеявшими схватку на лазерах.

— Безобразие! — покачала головой учительница и переключила программу, но на экране ничего не изменилось: по-прежнему пищали лазеры и прыгали с места на место ловкачи в широкополых шляпах с перьями. Видя такое дело, учительница решительно щелкнула выключателем, но экран и не думал гаснуть. Мушкетеры продолжали драться.

— Нравится вам? — спросил Новенький.

— Здорово! Впервые вижу такое. — Я посмотрел на него с откровенным уважением. — Как это тебе удастся?

— Это не так уж трудно, — скромно отозвался он. — И вас можно научить.

— Перестань мне «выкать», пожалуйста. Скажи, а что-нибудь другое можешь? Ну, например, про пиратов...

Новенький сказал, что это легче легкого, и телевизор стал показывать нападение пиратов на пассажирский космический корабль. Ребята во все глаза таращились на экран. Что же касается нашей астрономички, то, вконец разозлившись, она рванула шнур из розетки, но телевизор это ничуть не смутило. Астрономичка выбежала из класса. Теперь мы могли спокойно досматривать кино. Но не тут-то было: через пару минут на пороге возник директор в сопровождении нашего школьного монтера. Тот подступил к телевизору, как к вырвавшемуся из клетки тигру, сзади, осторожно и бесшумно. Подошел, в мгновение ока снял заднюю крышку, вывинтил какие-то детали, а телевизор все показывал. Тогда монтер почесал затылок, махнул рукой и потащил телевизор вместе с пиратами вон из класса.

Учительница вновь пустилась рассказывать про третью от Солнца планету. Мелом нарисовала на доске большой круг и девять маленьких кружков. И тогда случилось совсем уж невероятное: кружочки стали вращаться вокруг нарисованного Солнца, и третья планета замигала. Но и это не все. Солнце и планеты переселились на красное платье учительницы и затеяли там жуткий хоровод. Она завизжала, потом стала смахивать их. Но они не смахивались. Особенно нахально вела себя третья планета, та, что пригодна для жизни. Мы же сидели, как истуканы, не зная, то ли смеяться, то ли спешить на помощь учительнице.

Что же касается моего нового соседа, то он вел себя так,

будто все это не имело к нему никакого отношения. Сидел и смотрел вежливо в одну точку. Спросил только:

— Нравится?

— Вообще-то ты, парень, перегнул,— заметил я.

— Разве? — удивился он. — Ничего, через три дня рисунки сами собой исчезнут.

А мульт про пиратов продолжался, теперь уже на доске.

Ребята закричали «ура» и стали смотреть. И снова нам помешал директор. На этот раз он явился в сопровождении учителя труда и двух старшеклассников. Они сняли доску и унесли, однако Новенькому ничего не стоило перенести изображение на стену.

— Так,— подытожил директор. — Атракционы, значит, устраиваем?..

Нас быстренько вывели, построили в коридоре и велели рассчитаться на «первый-второй». Зачем — мы не поняли, но дело принимало серьезный оборот. Я шепнул Новенькому, чтобы он прекратил просмотр, но тот многозначительно ответил:

— То ли еще будет... Самое интересное, когда король пиратов дерется с чудовищем, а чудовище то и дело меняет облик. И знаешь, в кого превращается в конце?.. В принцессу. Увидишь...

И тут вся наша шеренга и учителя, которые здесь были, и сам директор — все отшатнулись от стен, превратившихся в большие, вытянутые экраны. Они стали показывать поединок короля пиратов с чудовищем. Раздался звонок на перемену, в коридор высыпали ученики старших и младших классов, и теперь уже вся школа смотрела захватывающий мульт.

— Смирно! — скомандовал учитель физкультуры. — Разойдись!..

Но ребята и не думали расходиться, вертелись в коридоре, задрав головы.

— Все во двор! — скомандовал директор.

— Стройными рядами! — уточнил учитель физкультуры.

Мы вышли стройными рядами из здания, но лучше бы нам этого не предлагали: все наружные стены школы показывали мульт про пиратов. Нам оставалось лишь стоять и смотреть, как чудовище превращается в принцессу. Тут Новенький тихо сказал:

— Что-то у меня в голове гудит...

Сел на скамейку, весь красный, сжался в комочек и застыл. Откуда ни возьмись — директор.

— Врача, живо! — крикнул он, и я побежал за школьным доктором.

...Уроки в школе отменили на целых три дня. Как Новенький и обещал, на четвертый день стены перестали показывать кино. Мы явились с утра на занятия, и директор, встретив нас на крыльце, объявил:

— Выяснилось, что жители планеты Кокос живут втрое дольше нас. Это значит, что биологический рост у них, соответственно, в три раза замедленнее. Новенький оказался ребенком, который еще не дорос до школы. Даже до младших классов. К тому же при перелете на нашу планету он заболел космическим гриппом. В тот день, когда он устроил нам тут кино, у него был сильный жар.

— Бедняжка,— вздохнула учительница астрономии, на платье которой тоже уже перестали плясать небесные тела...

В туалете, в дальнем уголке, стена еще несколько дней показывала мультик, и ребята часто наведывались туда. Потом изображение потускнело и погасло. Так эта история и закончилась.

Рисунки А. БАЛДИНА.

ДРУЗЬЯ!

Продолжаем с нетерпением ждать ваши письма с удивительными и таинственными историями, необыкновенными рисунками и загадочными фотографиями. Присылайте их, если хотите стать членами экипажа НЛО.

Напоминаем, что лучшие работы мы поместим в бортжурнал НЛО, страницы которого будем печатать.

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

БОРТПРОВОДНИКИ НЛО

С. ГРАЧЕВ

и В. КОЖЕМЯКИН.

САТИРИКОНЧИК

РАССКАЗИК

Игорь ВОСТРЯКОВ

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

Классный политинформатор Мишка Гуляев заболел, и временно назначили меня. Целую неделю я готовился. Наконец наступил день дебюта. Полина Ивановна пригласила меня к своему столу, а сама села за последнюю парту и стала проверять тетради. Я так хорошо знал, о чем буду говорить, что, наверное, мог бы пропеть все, как стихи, но, сам не зная почему, скучным Мишкиным голосом сказал:

— Ребята! В мире произошли важные события! Так как важных событий было очень много, я расскажу вам только о самых важных из них. Потому что

всегда важно в политинформации рассказать именно о важных событиях, чтобы всем сразу стало ясно, как важно знать самые важные события!

Как только я произнес это, ребят будто кто выключил. Братя Федоровы принялись играть в «Морской бой», девочки зашумелись, кое-кто задремал. Мне стало обидно. Чтобы спасти положение, я стал рассказывать им самые занимательные истории, какие знал, но все было напрасно. Тогда я с отчаяния решил читать газету по диагонали сверху вниз, а еще вдоль и поперек.

— Хроника! — крикнул

я. — В арктических прериях Сахары австралийский колбасник Цифердумов вывел новую породу сумчатого айсберга, скрестив для этого воображаемый обломок мельничного колеса с железной мочалкой великого Гумбольдта!

Кое-кто из ребят поднял головы, прислушиваясь, а Васька уставился на меня с явным интересом. Ободренный первым успехом, я продолжал:

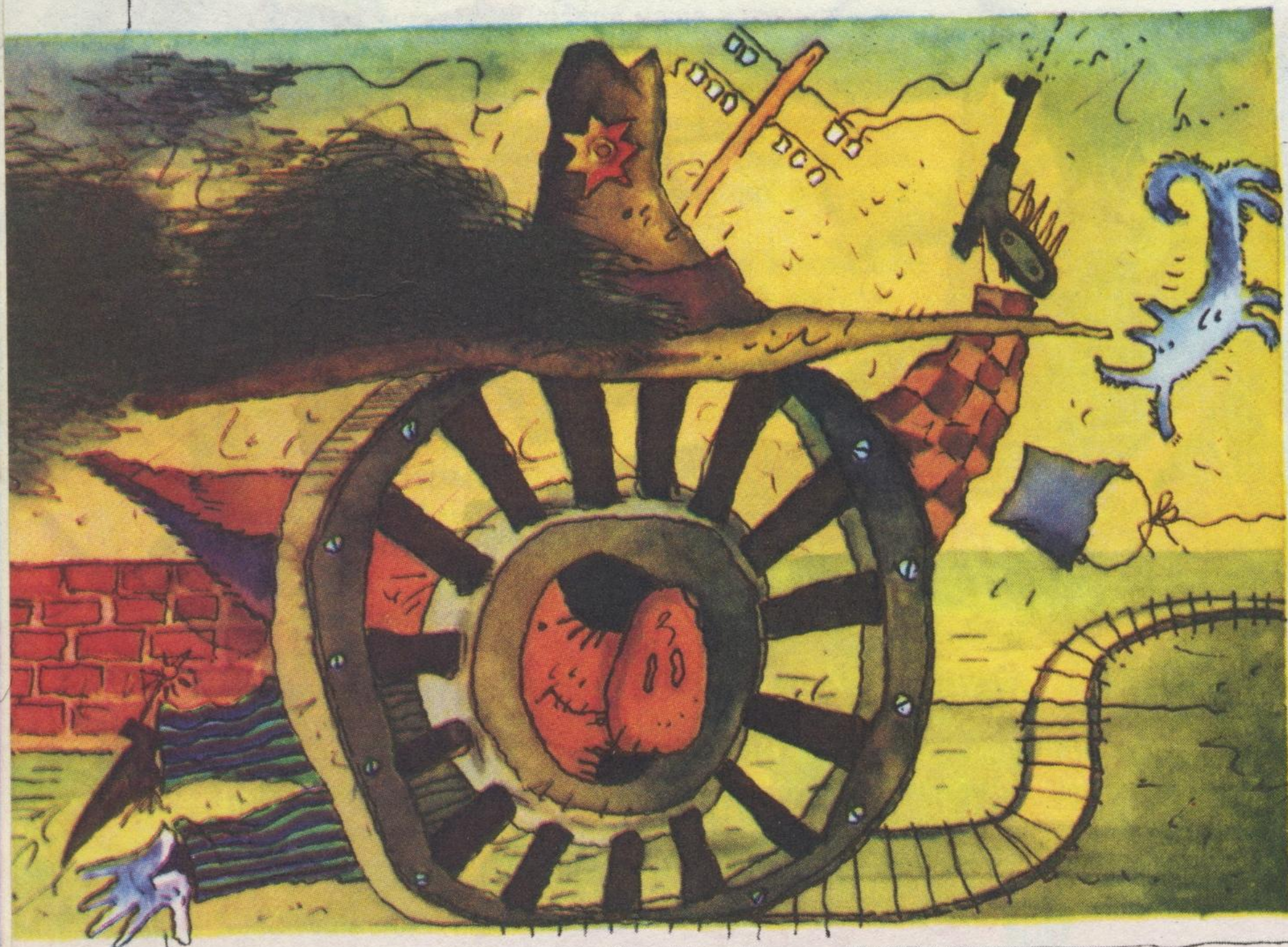
— Происшествия. Вчера из молочной фермы «Заря Востока» сбежали два телеграфных столба. Столбы обнаружены полицией в трех тоннах из двенадцати децибелов по местному времени!

Теперь уже весь класс вместе с Полиной Ивановной смотрел на меня.

— Их нравы! — с вызовом крикнул я. — Капрал Джонни, прыгая через стену, уронил голову. При осмотре голова оказалась свиной. В капрале очевидцы опознали левый сапог с правой руки сегодняшней бороды вчерашнего премьер-министра! Все!

— Полина Ивановна, я не понял! — крикнул Васька. — Почему сумчатый айсберг застрял в арктических прериях, если в правой руке у него был левый сапог из двенадцати децибелов по местному времени?

— Потому и застрял, — сказала Полина Ивановна, — что случайно перепутал правую перчатку сегодняшнего урока с левым ботинком вчерашней политинформации.

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Получил Леша двойку. «Что же ты, Леша,— сказала учительница,— на тебя это не похоже!» «Нет, похоже»,— ответил Леша и превратился в большую жирную двойку. А учительница пошла к директору и говорит: «Я не могу вести урок: у меня в классе сидит большая неудовлетворительная отметка — кто-то ее принес в класс». Директор очень рассердился и сам пошел разбираться. Заходит и видит: сидит в классе аккуратная пятерка и объявляет новый материал. Он, чтобы не мешать, вышел тихонько и говорит: «Что же это вы двойку от пятерки не отличаете? Успеваемость от этого страдает».

СТИШОК

Алексей ДМИТРИЕВ

О БРОКГАУЗЕ, ЕФРОНЕ И КУДЫКИНЕ СОФРОНЕ

Брокгауз с Ефроном стояли на полке,
В себе собирая различные толки.
От дальних планет до гвоздя и подковы,
Лишь только бы толки те были толковы.
Пришел к ним однажды Кудыкин Софрон:
— Здорово, Брокгауз! Здорово, Ефрон!
Я слышал, вы знанья копили века —
Томов слишком много — начну-ка я с «К».
Какао, китаец, кукушка, корвет —
Написано много, а главного нет.
Трудились, старались, а книжка — хоть выкинь —
Все есть, но скажите — а где же Кудыкин?
Заплакал Брокгауз, заплакал Ефрон:
— Прости, если можешь, Кудыкин Софрон,
Весь мир изучили мы, знанья любя,
Но что мы могли рассказать про тебя?

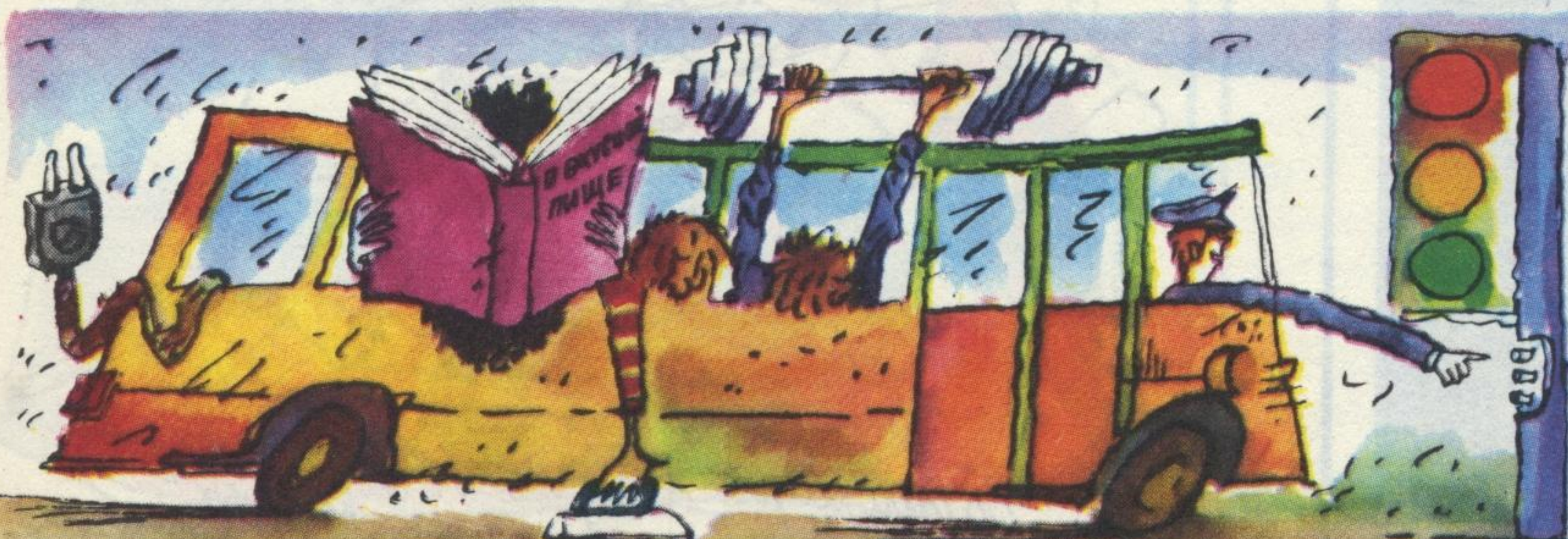
ОТВЕЧАЙНАЯ

«Дорогой Домовенок и компания! Напишите мне, пожалуйста, по каким правилам вы живете?» М. Д-на, г. Северодвинск.

«Мы живем по Правилам дорожного движения, Нормативам ГТО, Инструкциям по эксплуатации телевизоров и утюгов и рецептам книги «О вкусной и здоровой пище».

«Пишу вам в третий раз. И ни одно письмо не было опубликовано. Вы даже не пошевелились!» Г-ва Л., Усинский район, п. Парма.

«Вот — шевелимся!»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМЧИК

Григорий ОСТЕР

ВРЕДНЫЙ СОВЕТ

Если друг на день рожденья
Пригласил тебя к себе,
Ты оставь подарок дома —
Пригодится самому.
Сесть старайся рядом с тортом,
В разговоры не вступай,
Рот во время разговора
Вдвое меньше съест конфет.
Если вдруг дадут орехи,
Сыпь их бережно в карман,
Но не прячь туда варенье —
Трудно будет вынимать.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ТРЕТЬЯКОВКА

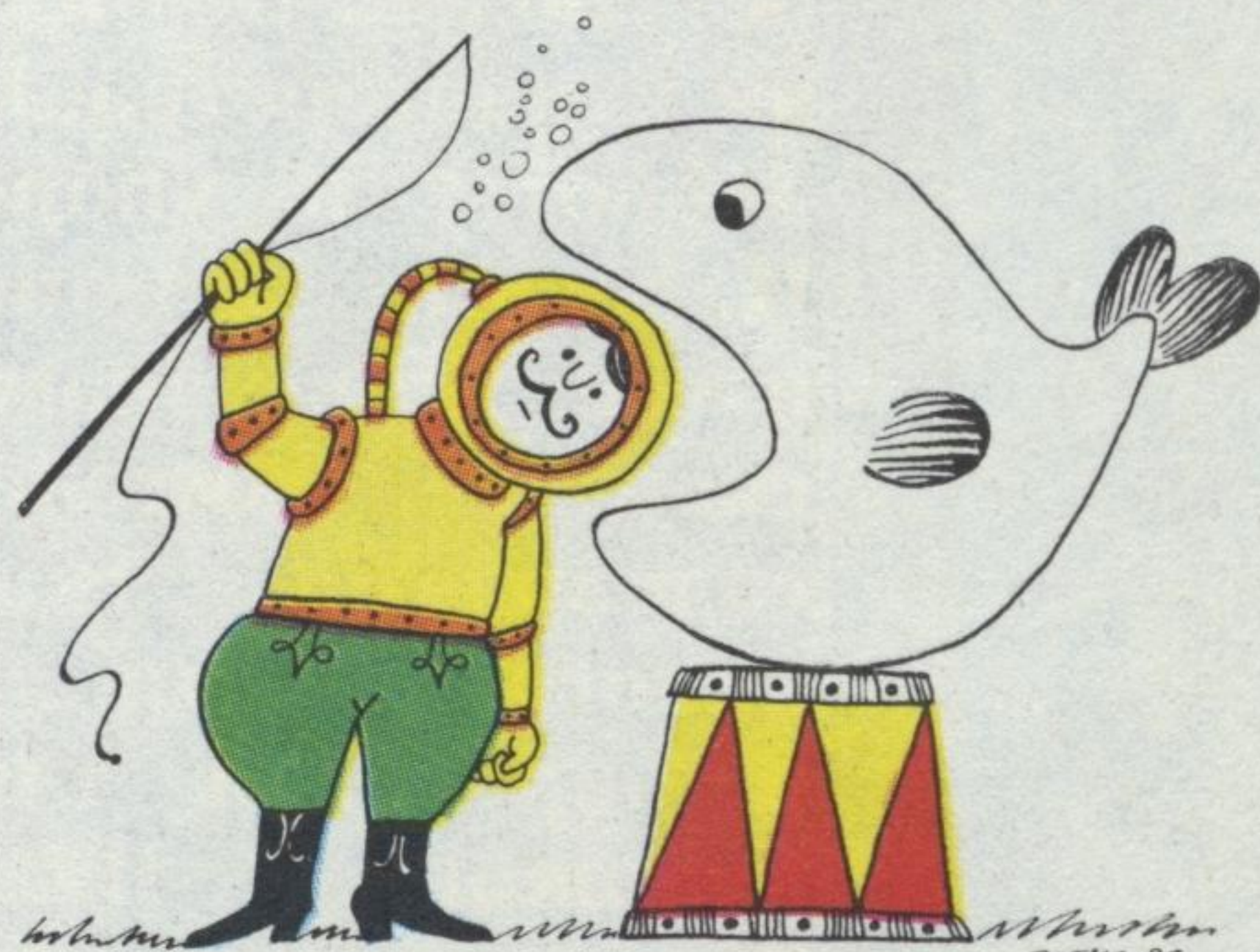

Рисунок О. Эстиса.

КУБА, ХУБА, ГУБА

Тот, кто подумал, что речь пойдет о далеком знаменитом острове в Карибском море, будет абсолютно не прав. Ударение надо поставить на последний слог. А поставив ударение правильно, многие из вас, быть может, сразу поймут, что перед вами тоже довольно знаменитая азербайджанская Куба.

А почему в заголовке после слова «Куба» стоят еще «Хуба» и «Губа»? Очень просто. Название этому месту дали древние персы, а в персидском языке Куба́, Хуба́, Губа́ звучат одинаково и означают: «место преклонения», «красота родного края».

Чем же Куба знаменита? Для тех, кто не знает, объясняем: кубачинскими коврами, кубачинскими яблоками, кубачинским виноградом. Но ни первое, ни второе, ни третье не может быть создано без людей. Без их любви и мастерства, без их доброты и упорства... И, значит, в конечном итоге Куба знаменита своими жителями — садоводами, ткачами, виноградарями... Их и нарисовал для вас художник Валентин Гинуков.

Руководителю студии «Говорящие камни» — Гурьёв Сулейманов
А. Сер. «Куба»

Дашдакиров Е. Х. тибар
студии «Говорящие камни».

Даш

В

один из августовских дней по коридору редакции двигалась гора книг.

— Доброе утро! — услышали сотрудники «Пионера» ее голос.

— Будем знакомы, Ося из Новых Васюков! — заглядывая в каждую редакционную дверь, говорила вежливо гора.

Бац! Книги сброшены на стол, и перед нами предстал в полной красе шахматист-семиклассник Ося Б. (Кстати, Ося благополучно перешел в восьмой класс. Но мы думаем, это не повлияет на дружеские отношения Оси с нашим журналом. «Ваш журнал — самый любимый журнал моего деда Остапа Бендера», — успел сообщить Ося Б. Надеемся, что и сам он в преклонных летах будет продолжать выписывать «Пионер».)

— Пора объявить шахматный конкурс! Вот призы! — объявил энергичный Ося Б. Мы не стали сопротивляться его желанию и натиску.

ВНИМАНИЕ! ШАХМАТНЫЙ КОНКУРС № 1 ОСИ Б. ИЗ НОВЫХ ВАСЮКОВ. Ответы присылать до 15 октября. Победителей ждут призы — шахматные книги.

Диаграмма № 1

В этой позиции имеются две задачи сразу: белые начинают и ставят мат в три хода, независимо оттого, куда идут черные пешки — вниз или... вверх (вторая задача получается при повороте доски на 180°).

Диаграмма № 2

Белые начинают и дают мат в два хода.

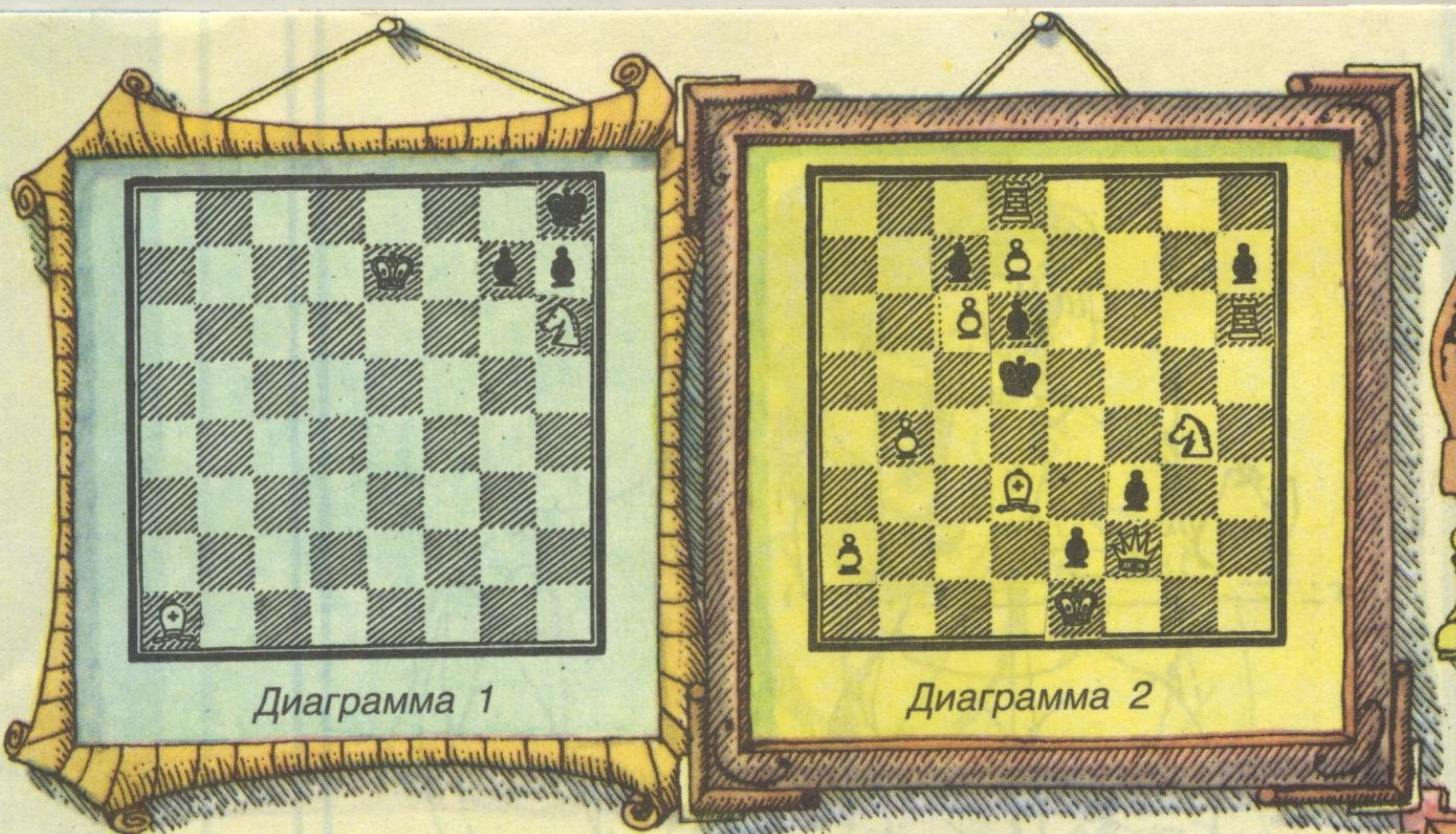

Диаграмма 1

Диаграмма 2

А здесь скрыто вместе несколько задач, причем главная роль предоставлена белой пешке «а». (Решение первой двухходовки — она на диаграмме — 1. а4 Кр:с6 2. Се4х.)

Теперь в позиции на диаграмме переставьте белую пешку с а2 на а4 (обратите внимание, что это первый ход решения задачи). Перед вами — новая двухходовка. Решив ее и сделав на доске первый ход решения, вы получите еще одну задачу. А затем продолжение следует вплоть до пятой задачи...

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

Однажды...

...перед началом турнира у Стейница спросили:

— Кто, по вашему мнению, имеет лучшие шансы на первый приз?

— Я, — ответил чемпион мира. — У меня более легкие противники, чем у конкурентов.

— Почему?

— Им надо играть с чемпионом мира, а мне нет!

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Сенсация!!!

Когда двести с лишним лет назад знаменитый французский шахматист XVIII века Филидор провел сеанс одновременной игры вслепую на трех досках, это стало сенсацией шахматного мира. Ведь при такой игре мастер не смотрит на фигуры, запоминает все позиции и соображает в уме, не глядя на доску, а ходы принимает и передает через посредника. Играя все партии черными, а одному из противников давая даже фору — пешку, Филидор одержал три победы. Так началась любопытная история этого необычного и всегда вызывающего особый интерес вида шахматного спорта.

Со временем количество досок в подобных сеансах увели-

чивалось, и многие известные шахматисты неплохо играли вслепую. Но самых больших спортивных и творческих достижений добился первый русский чемпион мира Алехин.

В 1924 году в Нью-Йорке Алехин установил свой первый рекорд — он сражался на 26 досках, годом позже соперников было уже 28. В это время, намереваясь сыграть матч на первенство мира с Капабланкой, он остро нуждался в рекламе — недоверчивых финансистов надо было чем-то поразить. Ведь до матча Алехин должен был внести крупный денежный залог — такими были тогда правила. Позже Алехин установил свой последний рекорд — 32 доски (Чикаго, 1932 г.). Он выиграл 19 партий, 4 проиграл, 9 закончил вничью.

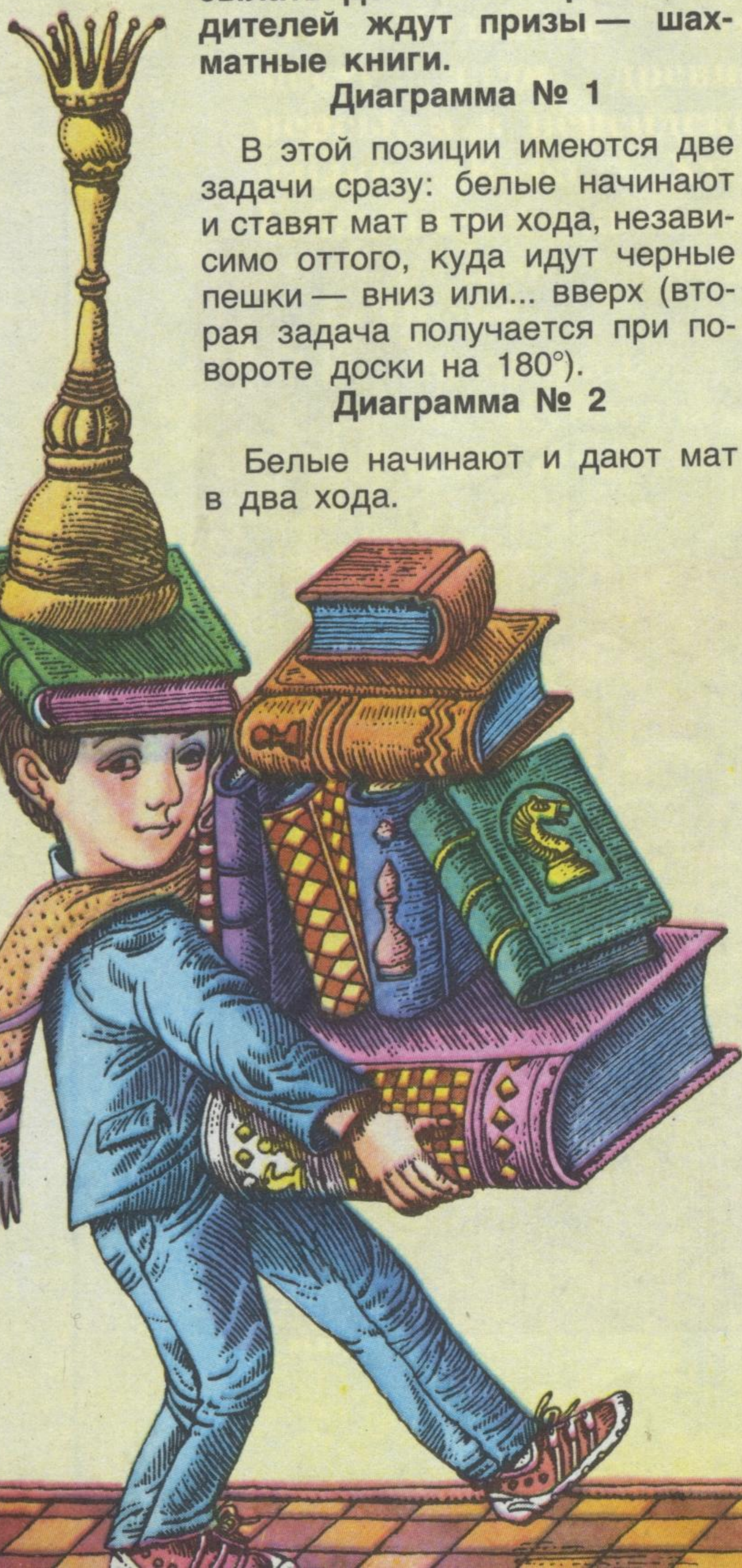
В этих сеансах у русского шахматиста были очень сильные противники, и целый ряд выигранных им превосходных партий мог бы украсить любой «нормальный» турнир. Однако самые знаменитые свои партии в соревнованиях такого рода он сыграл раньше. Одну из них — в 1916 году, когда после тяжелой контузии, полученной на фронте, он несколько месяцев был прикован к постели в госпитале Тернополя, и игра вслепую оказалась для него настоящим спасением.

Диаграмма 3

1. Kf7! Теперь на любое отступление черного ферзя последует 2. Ф:е6 с угрозой хорошо известного мата — 3. Kh6++ и так далее.

1...Кр:f7 2. Ф:е6+! Еще один блестящий удар! Если сейчас 2...Кр:е6, то 3. Kg5х, а на 2...Кр:f8 решает тот же выпад коня. Интересный вариант получился и в партии.

2...Кр:g6. И здесь черный король не находит покоя. Алехин объявил мат в два хода — 3. g4 Се4 4. Kh4х.

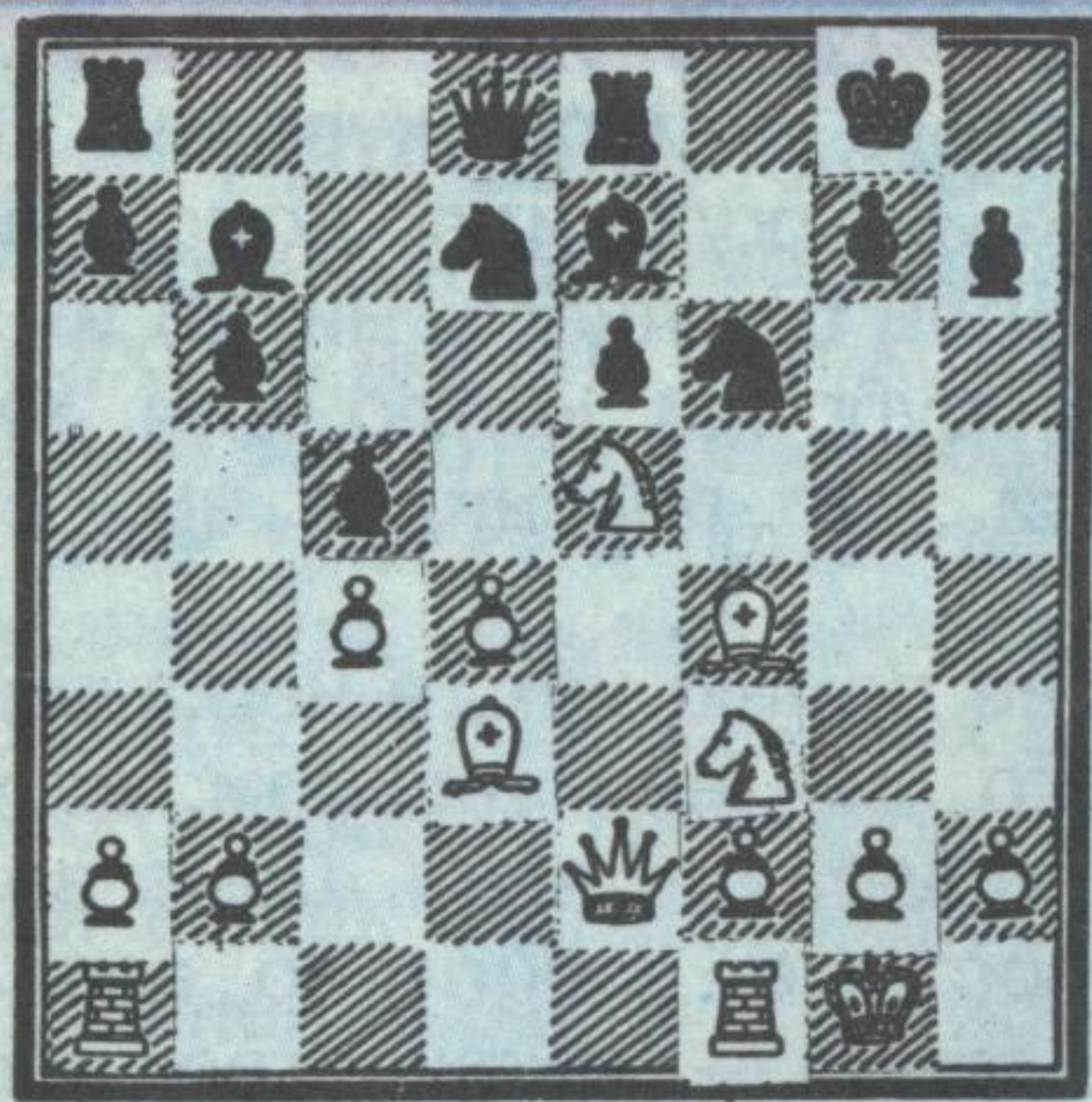

Диаграмма 3

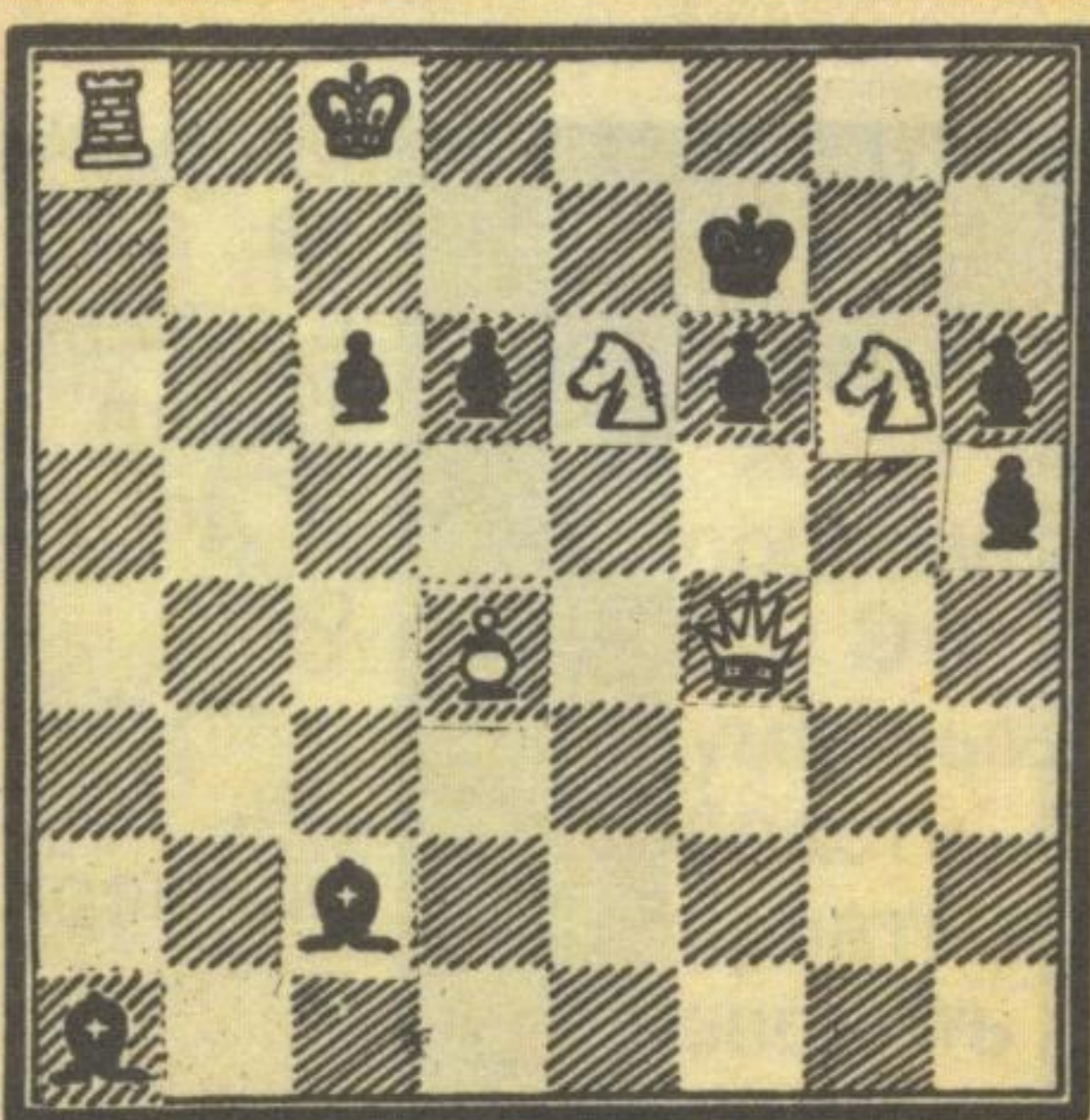

Диаграмма 4

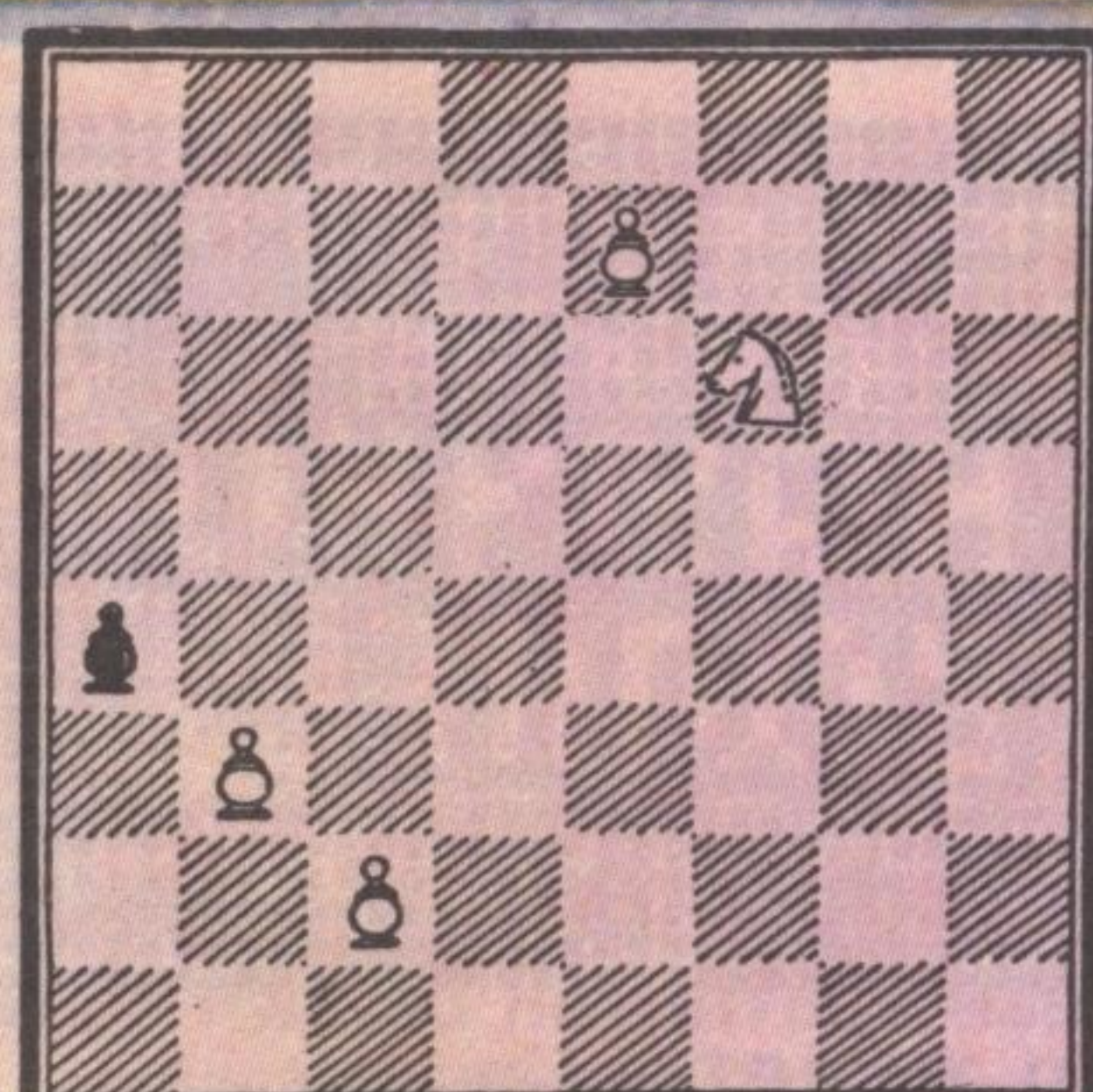

Диаграмма 5

Рисунок А. БАЛДИНА.

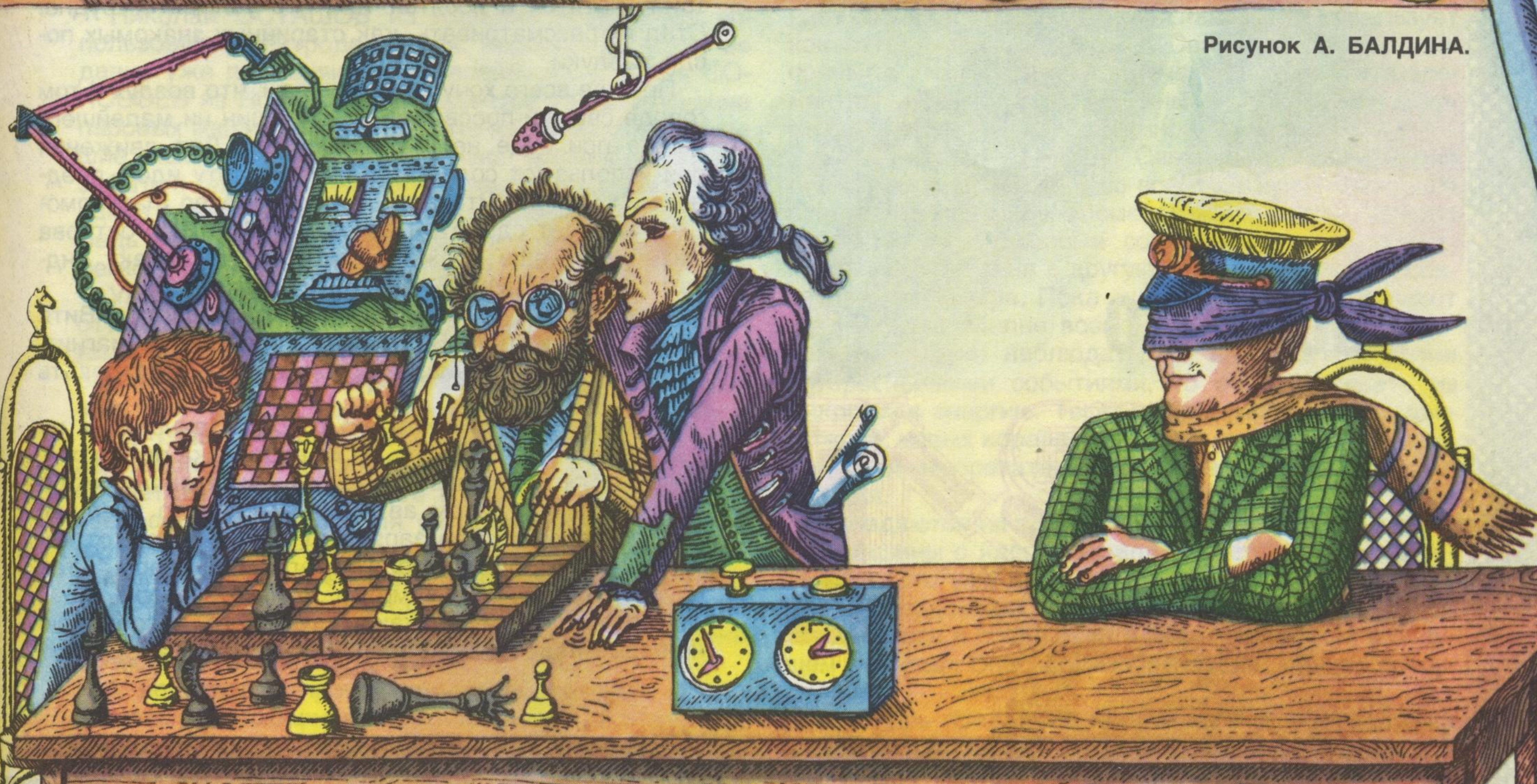

Диаграмма 4

Белые начинают и дают мат в три хода.

Эта единственная задача Алехина, над которой вам предстоит подумать, интересна не только своим оригинальным содержанием, но и тем, что она была составлена им вслепую, без доски и фигур.

БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ

Первые шаги (продолжение)

Диаграмма 5

КОНЬ — самая хитрая фигура на шахматной доске. В отличие от слона он скачет с белого поля на черное и наоборот. В этой позиции Kf6 может пойти на любое из следующих восьми полей — d5, d7, e8, g8, h7, h5, g4, e4 (своеобразный круг). Конь как бы передвигается сначала на одно поле по горизонтали или вертикали, а затем еще на одно поле в том же направле-

нии, но уже по диагонали (получается буква «Г»).

ПЕШКА — самая слабая единица армии, однако у нее имеются такие способности, которые заставляют «уважать» пешки.

Пешка идет только вперед, причем лишь на одно поле. Значит, в позиции на диаграмме белые могут сыграть пешками так: b3—b4, c2—c3, e7—e8. Кроме того, в начальной позиции каждая пешка имеет право сделать сразу два шага вперед, и поэтому белые могут сыграть и c2—c4.

В отличие от других фигур пешка бьет не так, как ходит, — она бьет на одно поле по диагонали и тоже только вперед. В нашей позиции белые могут сыграть b3:a4 («:» — знак взятия). У черных при их ходе есть две такие возможности: a4—a3 и a4:b3.

Наиболее привлекательной особенностью пешки является ее способность во много раз

увеличить свою силу — при достижении последнего ряда она может стать любой фигурой своего цвета, кроме короля. После хода e7—e8 пешка снимается с доски, а на поле e8 ставится любая по выбору белых фигура, чаще всего ферзь — ведь он самый сильный. В записи это выглядит так: e7—e8Ф. Таким образом, в принципе белые (и черные тоже) могут выставить на доске $8+1=9$ ферзей сразу.

Поправка ОСИ Б. к объявлению ШАХМАТНОГО КОНКУРСА № 1.

Все шахматные призовые книги будут с автографом Оси Б.

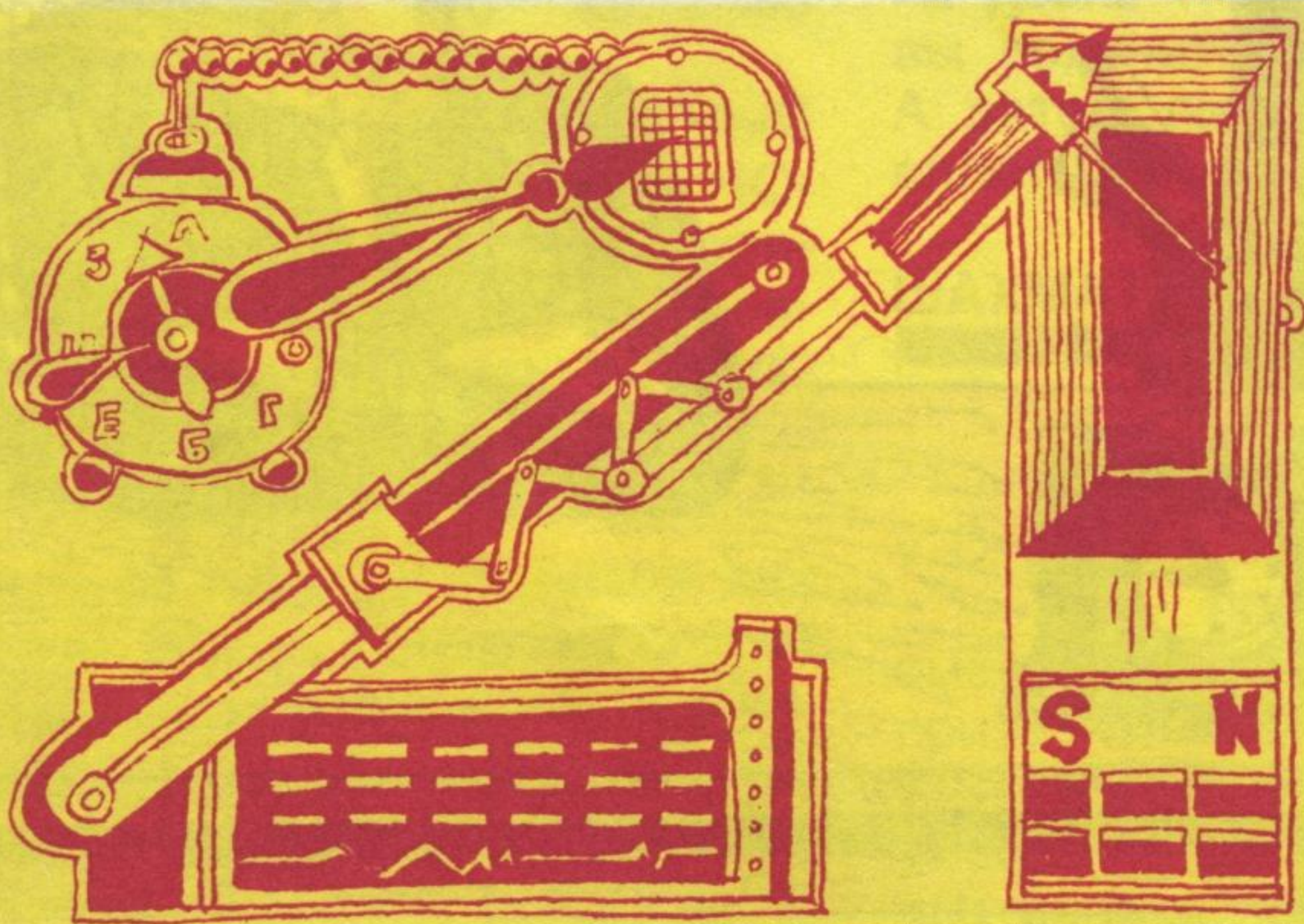
На конверте не забудьте написать: «Шахматный конкурс № 1».

Всех читающих этот шахматный выпуск Ося Б. просит подписаться на журнал «Пионер» 1989 года, обещая, что в будущем году читателей ждет такое... такое... САМИ УВИДИТЕ, КАКОЕ!

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет
В. НИКИТИНА.

СОН ПРО

ВЕК

После выхода январского номера журнала «Пионер» за этот год редакция получила полсотни писем с проектами двигателей будущего. Читал их, перечитывал автор нашей рубрики «Дело для XXI века» и до того зачитался, что приснился ему странный сон.

«Оказался я, уж не помню как, в необычном городе, городе будущего, но не слишком далекого — примерно начала следующего века. Дома вокруг высотные стоят, скоростные дороги во все стороны разбегаются, но главное — множество необычных машин и летательных аппаратов туда-сюда снуют. И вроде бы марки машин незнакомые, но чувствую, где-то их видел. Пригляделся, ба, да это ж проекты наших корреспондентов, воплощенные в железо, летают, катятся и носятся так, что уследить трудно. Стал их рассматривать, как старинных знакомых после разлуки.

Прежде всего хочу сообщить вам, что воздух в том городе свежий-пресвежий, а из машин ни малейшего дымка при езде не выбрасывается. Для движения они используют солнечную энергию (эту идею предложили многие читатели), а еще — ветер (парусомобиль мечтает сделать Сергей ЯСТРЕБОВ с острова Сахалин), а еще — сжатый воздух (это проект Андрея КАМОЛУТДИНОВА из Актюбинска).

Сергей КРОТОВ из Архангельской области и Витя ПАХОМОВ из-под Волгограда предпочли магнит, правда, не объяснив, как он будет действовать в двигателе.

Максим из подмосковного города Одинцово и не назвавший себя читатель из Новодвинска предложили оснастить машины... вечным двигателем: мотор крутит колеса, потом автомобиль едет по инерции, и крутящиеся колеса заряжают аккумулятор, от которого работает электродвигатель для мотора. И так по очереди — колеса, мотор, колеса, мотор...

Получается, что никакого горючего автомобилю не надо — едет сам по себе. Так, кстати, рассуждает

и Андрей ПЕТРОВ из Хабаровска. Нет, ребята, ничего не получится: автомобиль испытывает силу трения со стороны дороги, по которой едет, ему мешает двигаться сопротивление воздуха, и чтобы преодолеть силу трения и сопротивление воздуха, да еще и разогнаться, машине необходимо эту энергию откуда-то брать. В современных автомобилях она берется из сгорающего горючего: бензин сгорает, превращается в пар, толкает поршни в двигателе, движение поршней передается к колесам, и те вращаются. Но стоит прекратить подачу бензина, как автомобиль, проехав триста — четыреста метров, остановится. Не получится вечный двигатель и у Андрея ЕРМАКОВА из Баку — его тоже остановит трение.

Николай ОСТАШОВ из Карелии предлагает использовать электродвигатели. Хорошая идея, но ее давно уже применяют в троллейбусах. Сережа СОЛЮБОВЕВ из Новосибирска надеется на возвращение паровых машин и хочет ставить на автомобили большие маховики. Можно, конечно, вспомнить и уже забытый паровоз, только необходимо подумать, как сделать его бесшумным и не загрязняющим воздух. Ведь в нашем городе тишина, как в лесу, и дышится легко. Паровоз же все задымит.

Увидел я на улице и шагающие машины. Они отталкиваются от земли раскладывающимися штангами, похожими на антенны транзисторных радиоприемников. Забавные устройства, но очень уж тихходные, как человек на ходулях.

Но главное движение разворачивается все-таки над головой. В небесах творится что-то несусветное. От летательных аппаратов в глазах рябит. Вон понеслась целая флотилия фотонных звездолетов — из широких чаш-отражателей вырываются потоки света. Эти красивые машины сконструировали Дима ТРЕФИЛОВ из Пермской области, Саша ВАСИЛЬЕВ из Мурманской области, М. А. КОНОНОВ из Гагарина и Леонид КОМСКИЙ из Киева.

А вон справа прочертили стремительные следы ракеты, работающие на смеси кислорода и водорода. Это творения В. СЕРЕБРЯКОВА из Куйбышева, Максима ГАЙДАЯ из Новосибирска, Сережи АНДРЕЕВА из Ташкента, Андрея МАЛЫХИНА из Москвы и Димы МОХОВА из Новосибирска. Мысль хорошая, но уже известная — так летают американский «Шаттл» и наша «Энергия». Миша ШАРОВ из Москвы в своем двигателе использует жидкий кислород, разогретый до состояния плазмы. Корабль Сережи ЧЕРТКОВА из Иркутска перемещается, используя эффект пульверизатора — быстро движущаяся струя воздуха захватывает с собой частички жидкости. Интересные корабли, но все же хочется увидеть что-то совсем-совсем необычное.

Ну, вот, например, корабль. Летит, словно купается в облаках. Его сконструировал наш самый молодой изобретатель — четвероклассник из поселка Куеда Пермской области Максим СТАРИКОВ. Ракета его должна разогнаться при помощи выходящего наружу газа: «Газ я беру из воздуха, а воду специальным насосом выкачиваю из облаков. А потом из углекислого газа выделяю кислород», — пишет Максим. Прекрасная мысль: во-первых, не надо тащить с собой горючее, а во-вторых, не загрязняется окружающая среда. Кстати, очень приятно отметить, что большинство изобретателей стараются сделать свои двигатели «чистыми», не выбрасывающими выхло-

пов в атмосферу. Поэтому и небо над нашим городом такое синее-синее, какого я давно уже не видел наяву.

А тут у меня над головой проносится нечто облакообразное — ни крыльев у него нет, ни отражателей. Это корабль с биологическим двигателем, придуманный Светланой ПЬЯНКОВОЙ из Свердловской области. Она намеревается энергию для движения черпать из живых клеток — ведь клетки умеют производить энергию. Надо только научиться извлекать и использовать ее.

И опять над головой просвистели какие-то блестящие стрелы — это космолет Сережи КРУТИКОВА и корабль Светы КИБАЛЬНИКОВОЙ из Мичуринска. Сережин двигатель улавливает свет от звезд, усиливает его с помощью мощных лазеров и использует как отталкивающую силу. А Света собирает «запрячь» в свой корабль космические лучи — это элементарные частицы, наделенные колоссальной энергией и летающие по Вселенной.

Вот эти проекты — двух Светлан и Сережи — мне лично понравились больше всего. Это действительно новые идеи. В мире элементарных частиц нередко происходят грандиозные события: частицы гибнут, превращаются одна в другую, рождаются новые обитатели микромира. Пока экспериментаторы изучают этот мир, но вполне возможно, что в будущем удастся не только наблюдать, но и управлять этими интереснейшими событиями, то есть извлекать из микромира энергию. Тогда придет черед новых двигателей, новых кораблей и новых скоростей. Хорошо, что наши изобретатели нащупывают к ним пути уже сегодня.

Попадают на улицах и в небесах над моим городом машины с ядерными или термоядерными двигателями. Это уже известные идеи — атом давно трудится в ледоколах, на электростанциях.

...Очнулся я после своего сна — прямо как в будущем побывал. Спасибо, изобретатели, хорошо потрудились.

А теперь предлагаю новую задачу: подумайте-ка о домах для города будущего. Только, чур, писать и рисовать аккуратно, лучше красками и фломастерами. И еще у меня к вам просьба: указывайте свой обратный адрес, имя и фамилию. А то несколько писем я получил неизвестно от кого и неизвестно откуда. Хорошо бы еще начинать письмо со «здравствуйте». Писать лучше чернилами, а чертежи рисовать на отдельных листах.

И в заключение еще об одном письме — Кирилл ТРУБИЦЫНА из Зеленограда. Это даже не письмо, а скорее научный трактат на шести листах об усовершенствованном автомобиле с суперсовременным двигателем внутреннего сгорания. Я изучал этот проект с огромным интересом и узнал из него много нового. Спасибо тебе, Кирилл, за работу. Хорошо, что в нашей почте попадают не только «сумасшедшие» идеи, которые пока не ясно, как воплотить в жизнь, но и тщательные разработки современных машин, это как бы мостик из сегодня в завтра. Но если уж вы беретесь применять в своих проектах современный двигатель, будьте любезны изучить все досконально, как это сделал Кирилл.

А в общем, молодцы, изобретатели. Давайте угадывать завтрашний день, мечтать о будущем и придумывать это будущее».

А. СЕМЕНОВ

От редакции: на письмах с вашими проектами поставьте девиз «ГОРОД БУДУЩЕГО».

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

ВСЕ РИТМИЧНО В ЭТОМ МИРЕ

Правда ли, что Гренландия раньше была цветущей страной с жарким климатом?

Аня БОЖЕНА, г. Уфа.

Да, правда. Раньше на Гренландии шумели заросли лавра, магнолий и кленов, возвышались могучие секвойи. В лесах щебетали тропические птицы, охотились звери. Но этого не видел ни один человек. Еще до прихода людей все богатство жизни скрыл под собой толстый панцирь льда. На заледеневшем побережье поселились тюлени и белые медведи. Но даже и им приходится тяжело, когда ударяют морозы ниже минус 40°.

Только на южном кончике Гренландии летом стает лед и появляется зелень. Распускаются листочки на чахлых низкорослых березах, ивах и можжевельничках. А где пригревает солнце, зеленеют луга. Такой увидел эту землю Эрик Рыжий, скандинавский мореплаватель, суденышко которого около тысячи лет назад причалило к берегу самого большого острова в мире. Эрику Рыжему понравилось приветливое южное побережье, и он весь остров назвал Гренландией, что означает Зеленая Страна. Так в названии остров обрел свое цветущее прошлое.

В превращении жизнеобильного острова в ледяную пустыню нет ничего сверхъестественного. Наша планета, как и вся Вселенная, живет по одному из важнейших законов природы — закону цикличности. У любого явления свой цикл. Самый короткий — смена дня и ночи. Подлиннее — смена времен года. Но есть куда более длинные циклы в десятки, сотни, тысячи и даже миллионы лет. Так, примерно, каждые две тысячи лет прохладные и влажные столетия сменяются в северном полушарии на теплые и сухие. Отступают ледники в горах и у полюсов.

Поэтому через несколько веков Гренландия может хотя бы частично оправдать свое название.

Е. КУРАПОВА

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

ПОДАРОК ДЯДИ СЕРЕЖИ

То-то было веселья у нас в доме! Мама, правда, сначала отказывалась от такой дорогой вещи, но дядя Сережа, ее брат, кого хотите уговорит: что же, мол, рабочий человек отхватил большую премию да не может купить ребятам подарок?

А подарок был загляденье. Красивый, с удобной ручкой, разноцветными лампочками... Магнитофон. Сначала мы забавлялись всей семьей. Записывали, как дедушка поет про красных конников, как я читаю стихи, как мама ругает кошку, которая похитила кусок колбасы. Как кошка виновато мяукает, тоже записали. Потом мы с братом решили собирать модную музыку. Бегали к соседям, крутили их пластинки перед микрофоном, менялись кассетами с Витькой из дома напротив. Очень весело жили три дня, но тут магнитофон сломался.

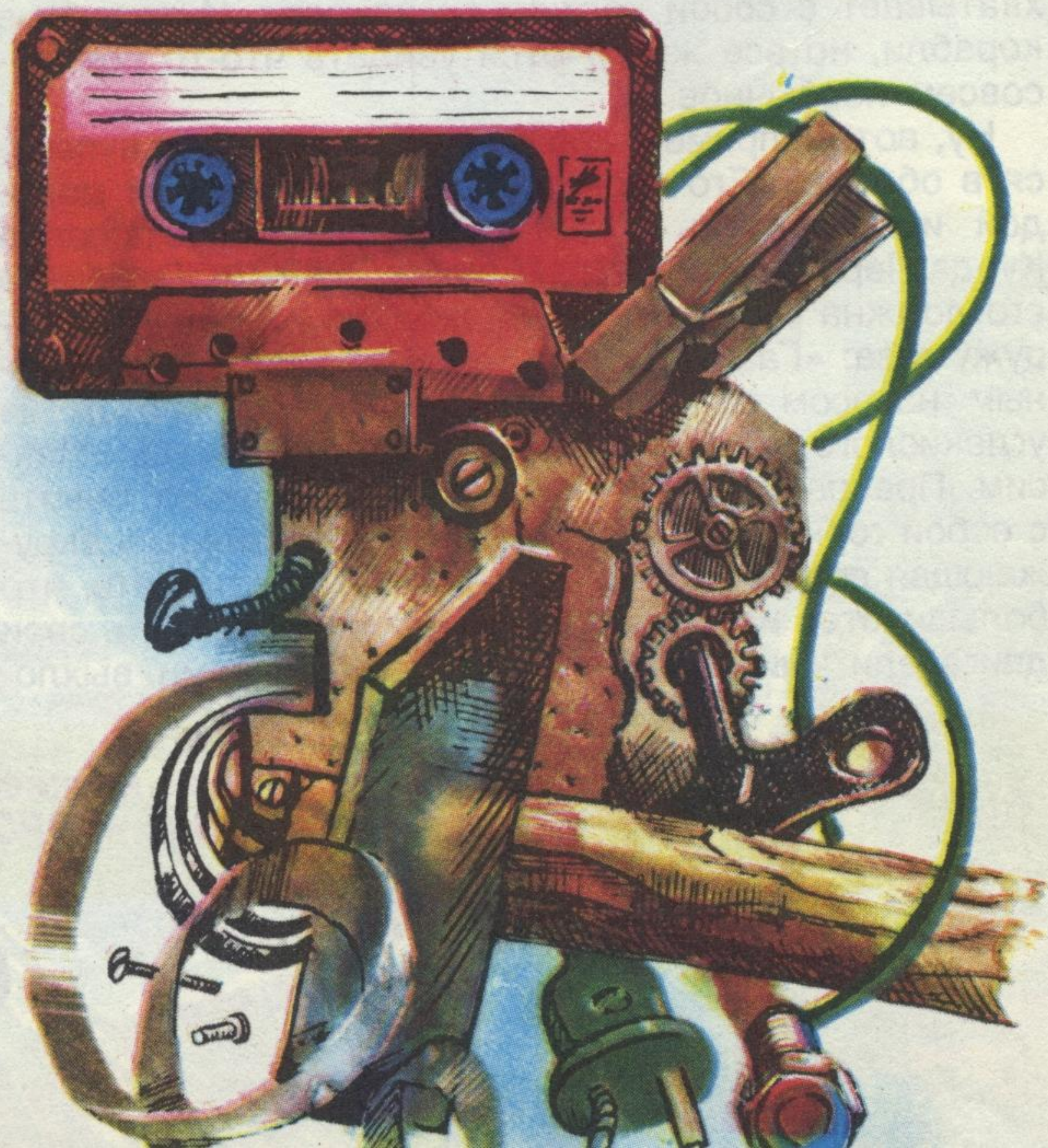
Бежим в мастерскую, а там говорят: запчастей нет. И когда привезут, неизвестно.

Пришел к нам дядя Сережа, возмутился таким головотяпством. Говорит, сейчас пойду прямо на завод.

Он ушел, а мы, дожидаясь дядю с новым магнитофоном, уселись читать газету. В газете профессор-экономист

разъяснял, что бракоделу стоило бы платить деньги за то, чтобы он сидел дома и не ходил на работу. А то все равно зарплату получает да вдобавок ценное сырье зря переводит, превращая его в негодные вещи.

Насчет денег за сидение дома профессор, наверное,

ВКЛАД КОШКИ В НАУКУ

Разные животные прославились в науке, но среди них почему-то нет кошек. Были ли случаи, когда и они помогали ученым? Если да, то расскажите, пожалуйста, потому что кошек я очень люблю.

Алеша КОРТУНОВ, 5-й класс, г. Москва.

Письмо Алеши и впрямь заставляет задуматься. Архимед прославил своего попугая, собака запечатлена рядом с великим русским физиологом Павловым под Ленинградом, лягушке возвели памятник в Японии и в Париже, имена обезьян, летавших в космос, знают дети, а уж о морских свинках и говорить нечего — они неперенные участники самых разных экспериментов. С кошками дело обстоит сложнее — сладить с их независимым нравом оказывается куда как трудно.

И все же есть случаи, когда и эти своенравные животные оказывали науке пользу. Вот, например. Это случилось в Америке, в Ист-Хэмптоне, в 1912 году. Известный ученый Роберт Вуд, которого называют отцом современной физической оптики, построил в своей лаборатории огромный спектроскоп (прибор для наблюдения оптических спектров).

Прибор представлял собой деревянную трубу длиной

12 метров 80 сантиметров и диаметром 15,24 сантиметра. Она торчала из стены бывшего коровника, где помещалась лаборатория Вуда, на железных подпорках. На одном конце ее находилась дифракционная решетка, на другом — щель и зеркало.

Готовый прибор простоял зиму и весну, а когда в июне Роберт Вуд подошел к нему, чтобы начать измерения, то обнаружил, что труба спектроскопа забита паутиной.

Надо было что-то делать. Но что? Над проблемой кто угодно ломал бы голову, но только не Вуд. Его взгляд упал на гулявшую поблизости кошку, и решение пришло тут же. Вуд схватил кошку и, невзирая на ее отчаянное сопротивление, засунул в трубу. И тут же заткнул отверстие. Теперь уже кошке предстояло искать выход из положения. В другом конце трубы брезжил свет, и кошка поползла к нему. Протискиваясь к свободе, она собирала шерстью паутину со стен темницы.

Дело разрешилось наилучшим образом. Через несколько минут кошка обрела свободу, Вуд получил чистехонький прибор. Одна беда — поблагодарить спасительницу не удалось, она сгнула сквозь щель в заборе, явно не желая иметь больше дел с научными исследованиями.

Н. ПИПКО

пошутил, но многое другое растолковал серьезно. Оказывается, под каждый рубль, которым людям платят за работу, должен быть приготовлен какой-нибудь нужный им товар. Если ж этот товар не сделали или не привезли в магазин, то рубль остается лежать как неоплаченная квитанция.

Еще хуже, если привезут товар плохой, который не покупают. Тогда люди начинают нервничать, добывать то, что им требуется, правдами и неправдами, платить лишнее спекулянтам и получать за свой трудовой рубль меньше, чем положено.

Выходит, что рабочий, который делает станки, зависит от продавца, который отпускает ему хлеб или пальто; продавец — от парикмахера, который его стрижет, а директор огромного завода — от всех них вместе. Если рабочий, продавец, парикмахер не станут покупать то, что производит завод, — придется неискусному директору искать службу полегче.

...Вернулся дядя Сережа скучный, в руке — сломанный магнитофон. Может, хоть запчасть, какая нужна, ему дали?

Оказывается, нет. Нету запчастей. Станок, который их делает, сломался. Так зачем они держат на заводе такую рухлядь? Поставили бы новый станок. А он и есть новый, отвечает дядя Сережа, а сам в пол смотрит. Совсем новый, его в нашем цехе, продолжает он, в конце прошлого квартала срочно сдали. Как раз успели выполнить план, получили премию. Я вам на нее магнитофон купил...

П. САВКО

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

СКОЛЬКО НАДО ДЕНЕГ?

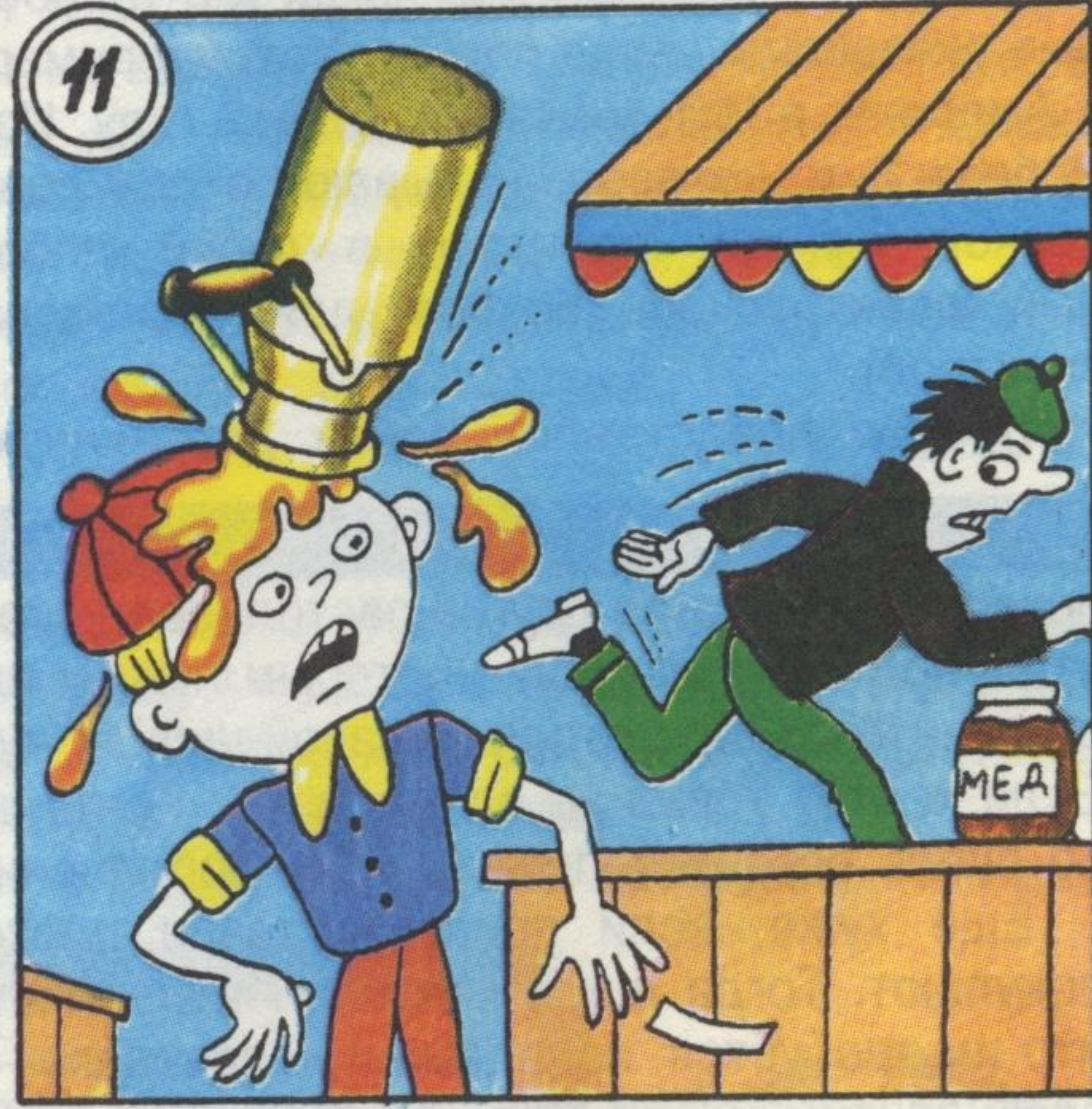
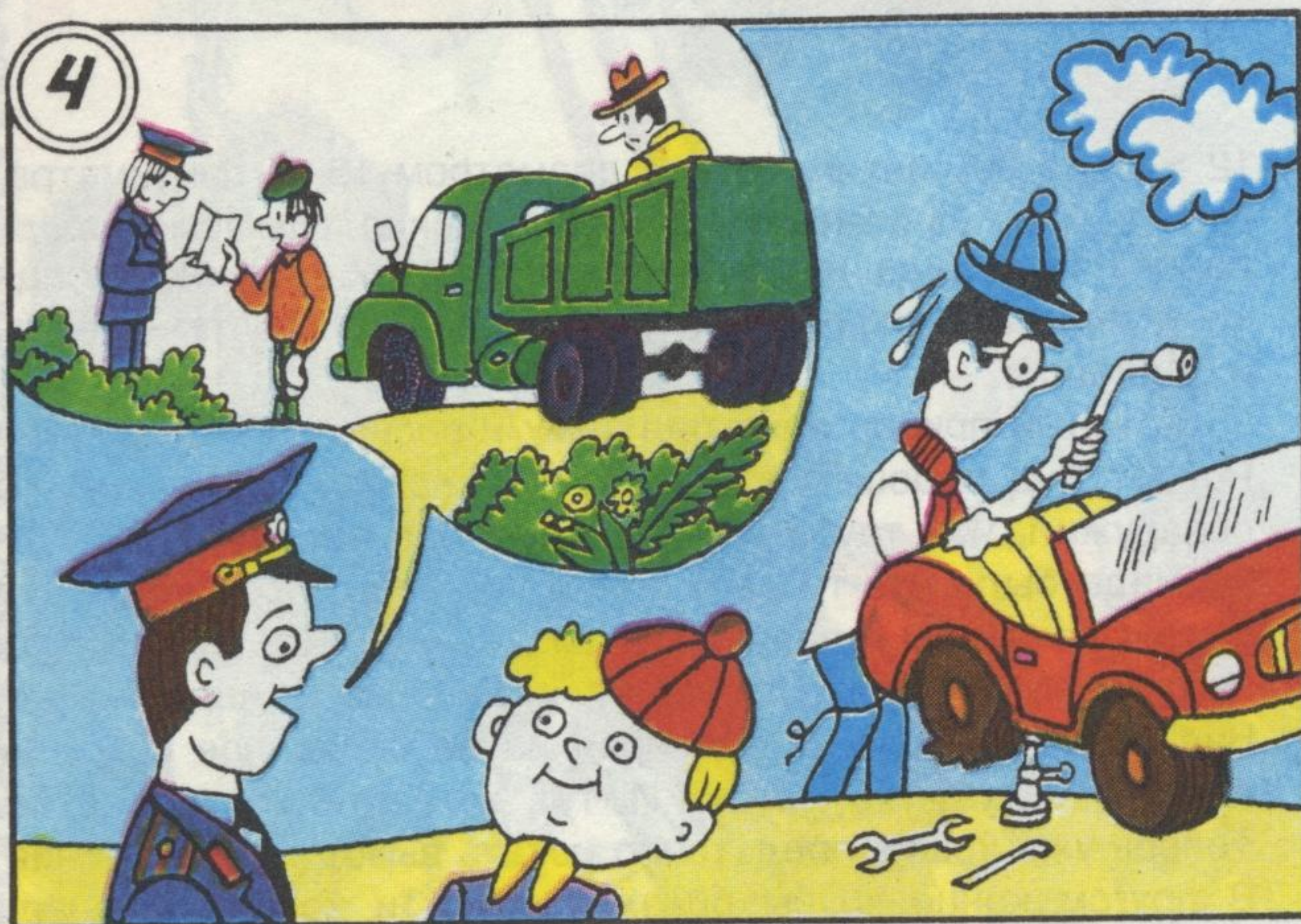
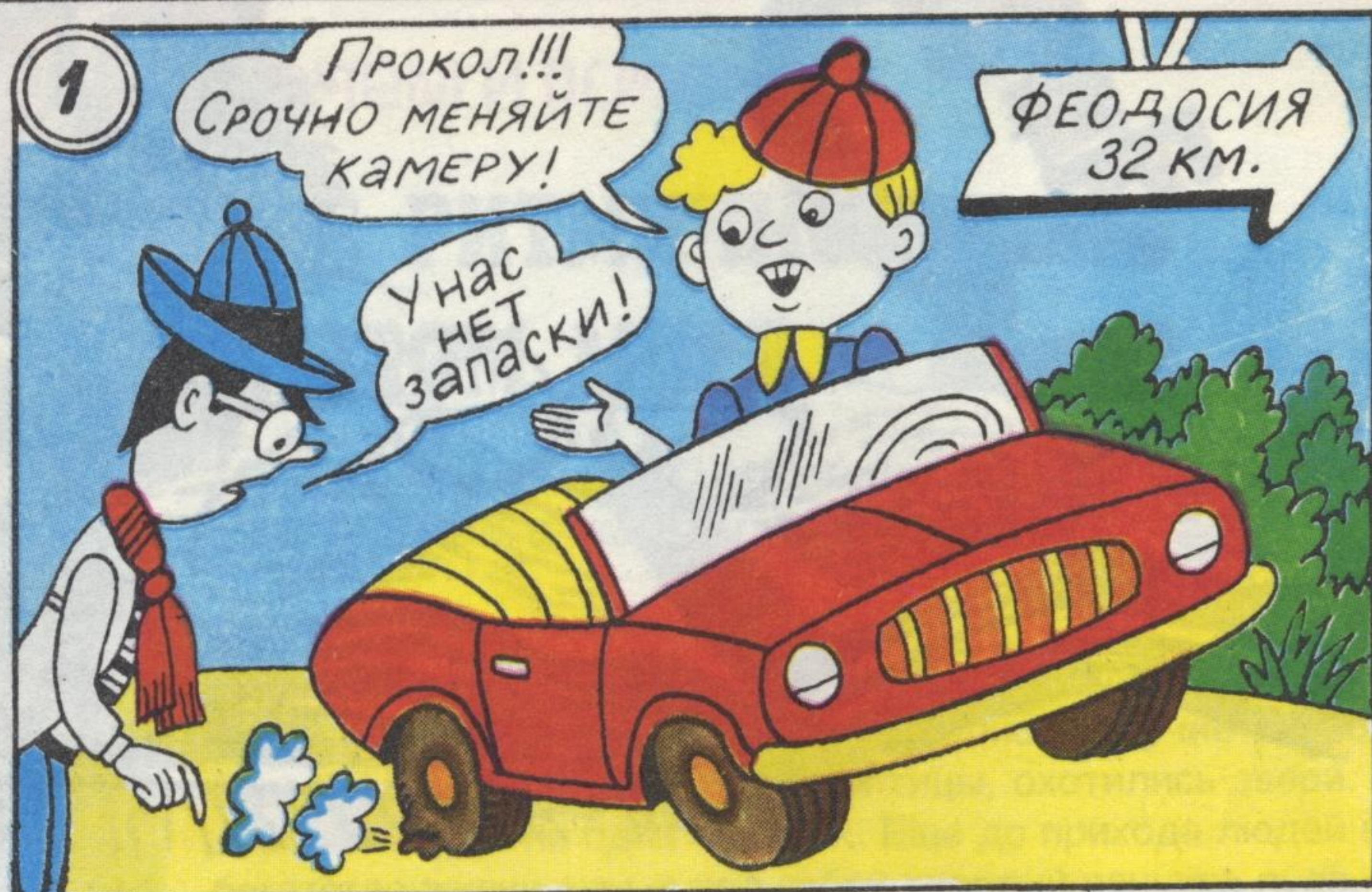
Магнитофон стоит 300 рублей, блок питания к нему — 5 рублей, переключатель — рубль, резиновый тросик — 50 копеек. Сколько денег потребуется покупателю, чтобы занять надежно работающий аппарат, если в каждом третьем из поступивших в магазин магнитофонов на третий день перегорает блок питания, в половине остальных рвутся тросики, а во всех прочих ломаются переключатели? Запчастей нет.

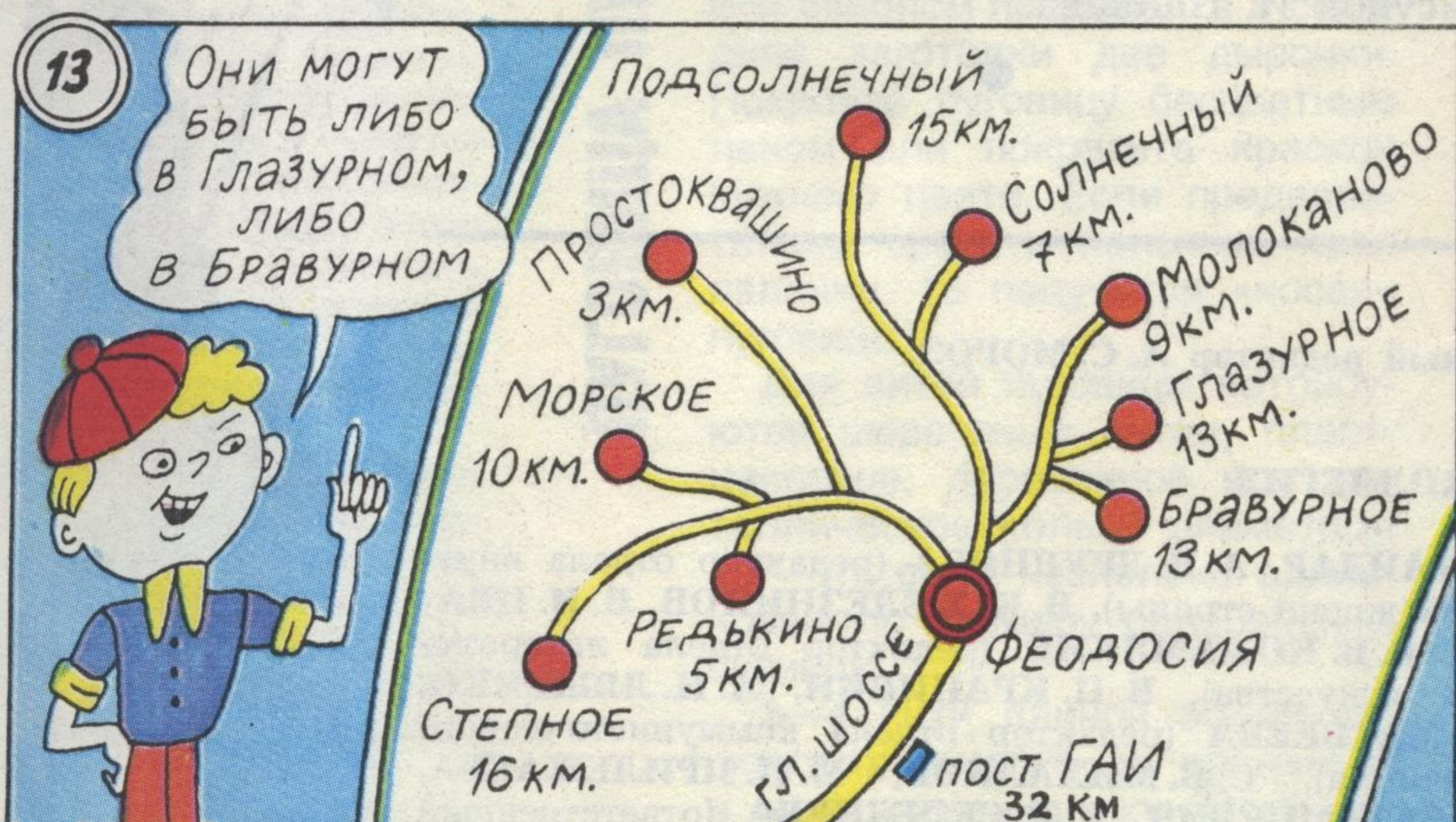
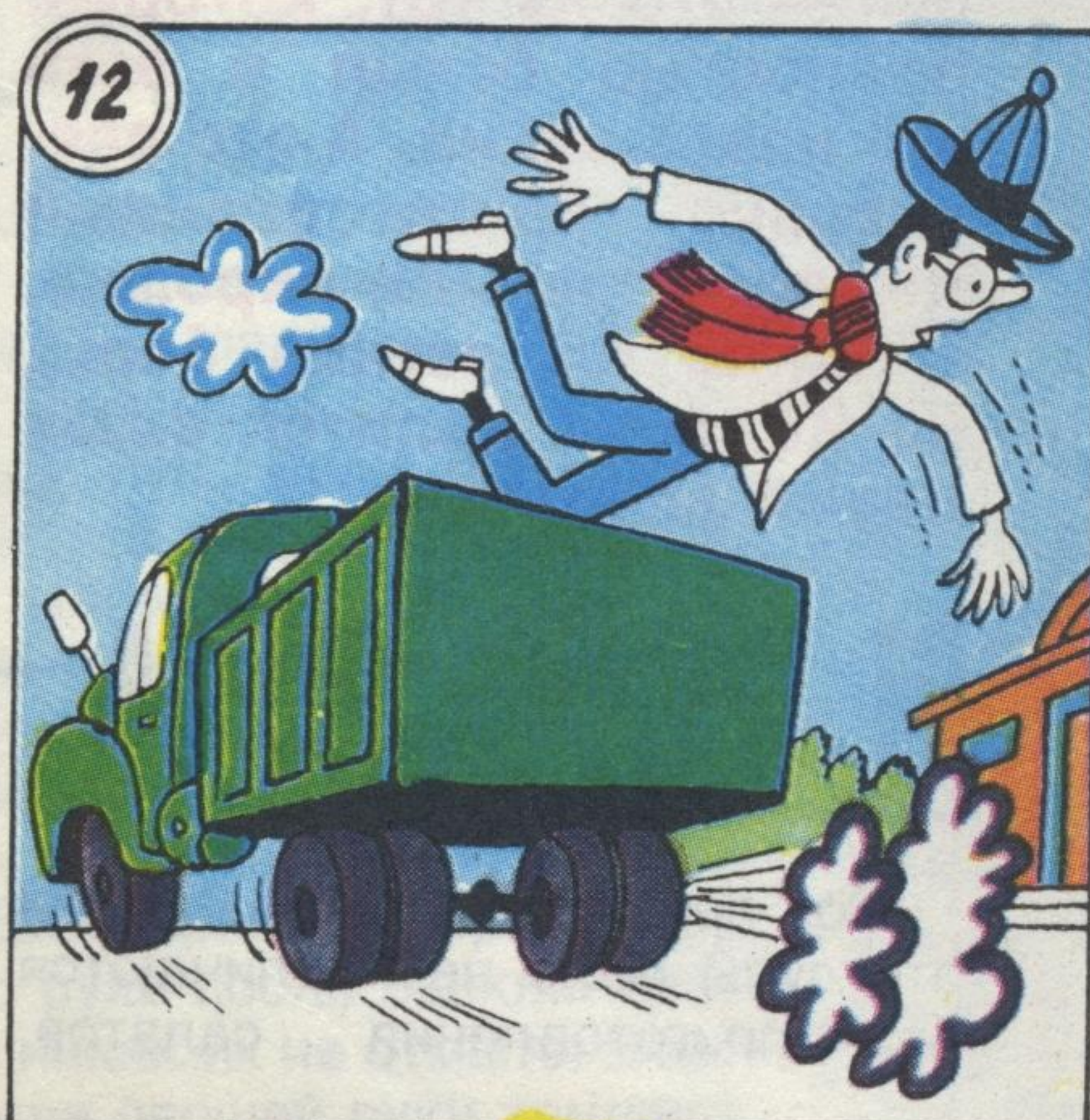
После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднося к странице зеркало.

ОТВЕТ

Вд ,бнотннтм вад ятлхон рстднрП .нлпдур 008 ,мжкжс ,нежедннн пид мондо в ядотн ,жт хн ятврдннв .лпетннлжрлп нлп рнннтнп жолд — молурд в в ,жнсоот .етэво вн энлород энмбс — ядввот энхонП

СЛЕДСТВИЕ ведет КОЛОДОК

1. С помощью какого двухкопеечного прибора Колобок установил, что мед разбавлен?— 1 блинчик.

2. Как Колобок догадался, где преступники — в Глазурном или Бравурном?— 3 блинчика.

3. В чьей наблюдательности усомнился Колобок?— 3 блинчика.

ОТВЕТЫ (№ 6)

1. Лгал пионер Честняков (и жители нечетных квартир). Логика Колобка основывалась на том, что если бы в доме было нечетное количество квартир, Петя и Теремков дали бы одинаковые показания.

2. Колобок во всем видел ребусы. И поэтому легко прочел набор предметов, выставленных на окно Пуговицыным, по первым буквам: Кастрюля, Азалия, Радио, Астра, Утюг, Лук — КАРАУЛ!

3. Колобок сразу же раскусил «иностранцев»: во-первых, Айрис — женское имя, а во-вторых, столица Австралии не Мельбурн.

Содержание

Узел связи	II обл.
Таня смелая и Алеша Пряников.— С. Иванов. Окончание	1
О вреде привычного взгляда	13
И снова про семью.— В. Хилтунен	15
Викторина «Календарь-закладка»	17
Горожане. Художник. В июле. Лето прошло. Тетушка Луна.— Стихи М. Бородинской	18
Семеро смелых.— И. Андрианова	20
У нас в гостях журнал пионеров ГДР «Фрэнзи»	22
«Вперед».— Пионерская газета	26
Красная книга Юрия Ковалю.— Р. Быков	28
Шамайка.— Повесть Ю. Ковалю	29
Как козел с волком дружили. Про Федота и ветер. Кто самый сильный.— Рассказы В. Хохлова	41
«Кораблик»	42
Свет Ясной Поляны.— Е. Селезнева	44
В треугольнике НЛО	48
Новенький. Рассказ Р. Сагабалюна	50
«Сатириконтчик»	52
Куба, Хуба, Губа	54
Новые Васюки, 64.— Ведет Б. Шашин	56
На научной волне	58
Следствие ведет Колобок	62
Домовенок и компания. Ведет А. Черняховская	64
Моды нет? Мода есть! — М. Хадарцева	IV обл.

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник А. М. ГРИШИН.
Художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1988.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.06.88.
Подписано к печати 20.06.88. А 13123. Формат 60×84½.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 2559.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Бедный Винни изнывал от жары, но избавиться от своей меховой шубы был не в состоянии. Он спрятался в саду, пил из колодезного ведра студеною воду... Ничего не помогало! И когда Колобок позвал всех обедать, Винни вздохнул:

— Не могу горячее, а придется есть... Ведь отказываться невежливо — Колобок так старается.

На столе стояли тарелки с приготовленным Колобком супом.

Однако помог... суп. Как Винни обнаружил, суп бывает горячим, теплым и холодным. Причем холодный суп — это не тот, который полностью остыл и есть его невозможно. А это специально приготовленный летний борщ или окрошка.

Винни ел летний борщ, но Колобок делится сразу двумя рецептами.

ОТ НАШЕГО СТОЛА — ВАШЕМУ СТОЛУ

По принципу приготовления эти супы мало чем отличаются от приготовления салатов.

ПРО БЕЛОРУЧЕК

Надеемся, всем понятно, что речь идет не о тех белоручках, которые ничего не делают, а о тех, кто как раз много трудится и поэтому должен следить за своими руками.

Перед чисткой особенно вьедливых в кожу свеклы, моркови, картофеля руки смочить уксусом. И, не вытирая их, чистить овощи. Потом, когда все закончено, помыть руки с мылом. Руки должны остаться такими, как были.

Если руки сильно краснеют от холодного ветра, рекомендуется делать контрастные горяче-холодные ванночки по 10—12 минут, один-два раза в день. После водной процедуры смазать руки витаминным кремом, глицериново-медовым желе.

Кстати, летом у многих руки сильно потеют. Это неприятно, но с этим можно бороться. Сделать раствор для ванночки: 1 чайная ложка уксуса на 1 литр воды, или 1 столовая ложка поваренной соли на 1 литр воды, или раствор с отваром дубовой коры. Последний готовится следующим образом: 10—20 граммов коры кипятить 15—20 минут в 200 граммах воды. Для ванночки брать 1 столовую ложку отвара на 1 литр воды. Ванночка должна быть теплой, руки держать в ней 15—20 минут ежедневно на протяжении 10—15 дней.

И уж коли речь зашла о руках, надо сказать и о ногтях. Многие жалуются, что ногти на руках хрупкие, легко ломаются. Можно посоветовать 1—2 раза в неделю делать масляное обертывание каждому ногтю. Ватку смочить в подсолнечном или другом растительном масле и обмотать ею ноготь. Перевязать каждый палец бинтом и оставить такие повязки на всю ночь. Можно вместо бинта использовать резиновые напальчники.

Папа Карло услышал про повязки и поморщился: у него вечно на руках были какие-то порезы и царапины. А сегодня он настоящее ранение получил, причем, самое обидное, сам от себя! Не на кого даже поворчать: как, мол, инструмент хватал и куда глаза глядели?

— Перевяжи, пожалуйста, — попросил Папа Карло Домовенка и протянул ему правую руку. Домовенок с аккуратностью медсестры и по всем правилам перебинтовал палец, а уж потом поинтересовался:

— А что ты сегодня делал?

— Пуговицы! — ответил Папа Карло и достал из кармана несколько разных пуговичек.

— Неужели ты сам их сделал? — не поверил сразу Домовенок.

— Конечно, сам. Это не так сложно, как ты думаешь.

ПУГОВИЦА ПУГОВИЦЕ — РОЗНЬ

Самодельные пуговицы очень украшают куртки, плащи, пальто, пиджаки, платья.

Вот как можно сделать пуговицу из дерева. Она подойдет к куртке, пиджаку. Возьмите веточку березы или клена длиной 1—2,5 см и толщиной 0,7 см. Очистите ее от коры и просушите. Затем эту палочку зачистите мелкой наждачной бумагой и отполируйте до блеска суконкой.

Накаленным тонким шилом или сверлом проделайте в середине заготовки две дырочки. Покройте пуговицу бесцветным лаком или покрасьте краской нужного цвета. Если предварительно срезать наискось края палочки, то получится «косая» пуговица.

Для витой пуговицы потребуются шерстяные нитки, пластмассовое, деревянное или металлическое кольцо диаметром 1,5—1,7 см и несколько одинаковых по размеру одноцветных бусинок.

3—4 нити длиной 30—35 см скрутите вместе и проденьте в заклепку-невидимку. Этой нитью плотно обмотайте колечко по кругу так, чтобы оно не просвечивало. Затем плотно закрепите нить и конец обрежьте. Теперь надо закрыть середину. Сложите 2 нити и проденьте их в иголку с большим ушком. Закрепите узелком у обмотанного колечка и протяните нить к противоположной стороне. Потом — обратно. Таким образом, середина затянется. В самом центре можно пришить бусинку. А с изнаночной стороны прикрепляйте петельку из ниток.

Такая пуговица подойдет к легкому платью, кофте.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Отваривается картошка, режется мелкими кубиками. Крошится зеленый лук, крутое яйцо. Все это кладется в тарелку и заливается квасом. Получается окрошка.

Летний борщ готовится несколько сложнее.

Вначале надо отварить свеклу. Можно просто помыть ее и варить в кастрюле с большим количеством воды. Потом вынуть, остудить, почистить и натереть на терке. Можно вначале очистить ее от кожуры, а потом уже варить.

Когда свекла натерта, заливаете ее холодной кипяченой водой. Сколько именно воды, сказать трудно: ведь все зависит от количества свеклы. Но главное, чтобы вода была насыщенно красного цвета. В эту воду добавить примерно полложки лимонной кислоты — для придания супу остроты, полложки сахарного песка, посолить и дать настояться. В это время делаем «начинку» супа. Нарезаем редиску, огурцы, укроп, петрушку, кинзу, яйца, зеленый лук. Если чего-то не хватает, не беда. Потом разложите «начинку» по тарелкам и залейте жидкостью. В каждую тарелку добавьте сметаны.

Колобок закончил свой рассказ и добавил:

— Всем красный борщ хорош, только руки после свеклы красные, и никак их не отмыть. Вообще после овощей руки темнеют, и только через несколько дней эта чернота проходит.

Белоснежка сказала:

— Что же ты раньше не сказал про свои руки? Я ведь знаю, как надо делать, чтобы от черноты избавиться!

Матроскин ехидно заметил:

— Так всегда: одни знают, а другие делают!

Белоснежка чуть было не обиделась, но Колобок ее защитил, сказав, что Белоснежка ему всегда готовить помогает, не то что некоторые! Чтобы спор не разгорался, Белоснежка начала рассказывать про белоручек.

Представь на минуту — все окружающие тебя люди одеваются так, как наши бабушки и прабабушки. Скучно, согласись? Прекрасно, что мода так изменчива, а люди стремятся к обновлению своего наряда.

Есть в старой Москве на Кузнецком мосту дом, где рождается сегодняшняя мода. Это общесоюзный Дом моделей одежды.

Каково же направление современной моды для тех, кому десять-четырнадцать лет? Прежде всего удобство и рациональность. Спортивный стиль, так полюбившийся девчонкам и мальчишкам, остается самым популярным. Изменения произойдут в основном за счет новых цветовых сочетаний тканей и отделок. Самая модная отделка — аппликация и вышивка. Ее используют везде — на куртках, брюках, майках, шапочках. Интересны в этом отношении комплекты одежды под девизом «Юнга клуба». Исполненные в классической черно-белой цветовой гамме, они украшены вышитыми эмблемами, металлическими пуго-

МОДЫ НЕТ?

МОДА ЕСТЬ!

вицами, ремешками. Эффектное дополнение — красный берет, самый модный сейчас головной убор.

Юбки стали короче, но совсем не обязательно носить мини, если это тебе не идет. Брюки удобны для всех, они самые разнообразные: спортивные, со множеством строчек и карманов; трикотажные, вязанные — их носят с длинными свитерами. По-прежнему в моде джинсовый стиль, но несколько изменилась джинсовая ткань: она «вареная», и из нее шьют самые разнообразные вещи. Нынешняя мода — настоящий пир фантазии: сочетая брюки, майки, куртки-ветровки друг с другом, можно создать множество вариантов одежды. И не нужно иметь в гардеробе уйму вещей.

Часто говорят, мода — это игра, внешнее проявление твоего «я». И каждая девочка, наверное, стремится быть единственной в своем роде, неповторимой. Молодец, девочка! Пробуй, фантазируй, успех тебе обеспечен!

М. ХАДАРЦЕВА

